

Русские качели: из огня да в ПОЛЫМЯ

Николай Сенчев

Николай Васильевич Сенчев

Русские качели: из огня да в полымя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607527

SelfPub; 2024

Аннотация

Журналисты не только рождаются, но и перерождаются... О том, как работало журналисту в советское и постсоветские времена, какие характеры встречались на его пути и что мешало, на его взгляд, развиваться стране, рассказывается в книге Николая Сенчева "Русские качели:из огня да в полымя

Николай Сенчев

Русские качели: из огня да в полымя

Записки журналиста из прошлой жизни

К известной и стародавней русской забаве – пьянству – добавилось новое увлечение и такое же страстное: написание мемуаров. Иной раз кажется, что пол-России только этим и занимается. Интернет заполнен различными воспоминаниями так плотно, что потеснились даже блогеры и разносчики светских сплетен и слухов. Мемуарное искушение меня ничуть не доставало. Однако жена Елена, сыновья Павел и Иван, считающие меня способным изобразить что-то путное, настойчиво убеждали меня сесть за описание журналистского житья-бытья. А поскольку журналист – существо общественное, то его жизнеописание, как я подумал, не может пройти бесследно. Со вздохом сел за компьютер...

... В несмышлёном возрасте я бегал за радугой, висящей над просторной оренбургской степью. Мчался к оконечности

семицветной подковы в надежде, что вот-вот ещё немного и я окажусь прямо в центре этого райского сияния. Также я стремился догнать фантастические видения – миражи, которые меня и привлекали, и пугали. После дождей согретая солнцем земля отражалась в горячем дрожащем воздухе немислимыми картинками то в виде блестящего озера в травянистом оперении, то в виде бредущего по небу человечка, то конской повозкой, летящей над землёй.

Мои детские странствия-путешествия не ограничивались поселком Волжский Курманаевского района Оренбургской области. Однажды зимним полднем я запрыгнул на запятки проезжающих мимо саней. Лошадь быстро домчала до соседней деревни Семёновка, где в саманной избе под соломенной крышей жила моя бабушка, мама моей мамы, Анна Родионовна Малахова. Не знаю, как пятилетнего пацана опознали местные жители, но они сразу же отвели меня именно к моей бабушке, у которой я целых два дня объедался блинами с медом и сметаной.

А в это время посёлок Волжский пребывал в панике. Меня искали всем сельским обществом. Моя мама Ефросинья Тимофеевна и папа Василий Иванович, вероятно, именно в эти дни начали слегка сесть. Нашли меня в общем-то быстро. Меня не пороли. Но бабушке сделали внушение, что вовремя не сообщила о забредшем к ней внуке.

Странствие бурлило в моей детской душе. Начав рано читать книги, я безумно любил благородных героев приклю-

ченческих романов, и часто во сне видел себя в их образах. В жизни были другие образы странников. В наш посёлок время от времени забредали старушки-побирушки. Это были сторбленные унылые женщины, оставшиеся одиночками и беспомощными в послевоенной жизни. Им давали кусок хлеба, сахарку, слипшиеся в душных ларцах пряники – кто что мог.

Моя мама Ефросиния Тимофеевна, как правило, усаживала побирушку за стол, наливала ей шей, подкладывала пирог с луком и яйцом и расспрашивала, что же делается на грешной земле. Именно от странницы я тогда услышал рассказ о необыкновенном чуде, случившемся в городе Куйбышеве (теперь Самара). Там будто бы на молодёжной вечеринке девушка, оставшаяся без приглашения на танец, схватила икону Николая Чудотворца и стала с этой иконой отплясывать. И ... окаменела!

И мама, и странница ахали, крестились и продолжали разговаривать почему-то испуганным шёпотом. Много лет спустя, когда в стране атеизм стал осуждаем, а церковь превратилась едва ли не в государственный институт, российское ТВ о куйбышевском чуде рассказывало на всех каналах и даже был создан художественный фильм по мотивам этого, как теперь утверждалось, реального, а не мифического события.

В пятидесятые годы прошлого столетия странницы и странники были едва ли не единственными разносчиками всяких «неформальных» новостей. Вообще в народе очень

быстро разносились слухи о каких-нибудь происшествиях, о которых вынужденно молчали радио и газеты. К примеру, о Новочеркасских событиях 1962 года народ узнал по сарафанному радио буквально в те же дни. Причем количество убитых при разгоне митингующих рабочих местного электровозостроительного завода в изустной информации удесятелось.

В ту пору в нашем посёлке и окрестных деревнях, как, видимо, и по всей стране, проводное радио было в каждом доме. Оно было мощным просветительским и пропагандистским средством. По радио передавали концерты, драматические и оперные спектакли, читались литературные произведения, велись беседы на научные и исторические темы. Мне запомнилось, как мама всегда слушала по радио песни в исполнении Лидии Руслановой и частушки воронежской певицы Марии Мордасовой. Как ни странно, она иногда, если позволяло время, слушала и политбеседы некоего профессора Пухова. Чем он привлекал её внимание, ума не приложу.

Моё детство и отрочество выпало на пятидесятые и шестидесятые годы двадцатого столетия. И так уж вышло, что в моем сознании эти годы ярко отразились символическими эпизодами. После известного хрущёвского доклада на двадцатом съезде КПСС в стране началась так называемая десталинизация. В сельскую глубинку этот процесс пришел не сразу. Люди не могли сориентироваться, что же всё-таки происходит. Хрущёв с его закидонами не вызывал у народа

доверия. И его филиппики в адрес Сталина воспринимались напряженно и с опасением.

Спустя какое-то время Хрущёв через мощный аппарат партийных комитетов взял второй старт в десталинизации. По всей стране стали сносить и уничтожать памятники и бюсты Сталину. В нашем поселке тоже был памятник ниспровергнутому вождю. Он стоял в жиденьком скверике у поселкового клуба. Это было стандартное скульптурное изображение, отлитое то ли в бетоне, то ли в гипсе.

И вот этот памятник партком совхоза поручил снести заведующему клубом Николаю Никифоровичу Павлову. Мужиков на это дело он не нашёл, они уклонялись под разными предложениями. Тогда собрал нас, подростков, и, пообещав конфеты-подушечки, повел галдящую ораву на слом памятника. Где-то раздобыли длинную веревку, намотали её на шею скульптуры и под счет «раз-два-три» с большим трудом сдернули её наземь.

Вторая картинка, застрявшая в памяти, тоже связана с хрущевскими временами. В соседях у нас жила большая мордовская семья Бурцевых. Самый старший из них – дедушка Миша. В свое время он был активистом, членом компартии большевиков. Таким он и оставался. Не знаю, где он научился грамоте, но газеты, приходящие по почте, он читал внимательно, с подчеркиванием химическим карандашом. И каждый раз, откладывая прочитанную газету, снимал очки и вздыхал: опять этот «голова босиком» чудит. Так он называл

руководителя страны Никиту Сергеевича Хрущёва. В народе с неодобрением относились к его зарубежным вояжам. Особенно к таким, когда в многодневные поездки он брал с собой всё свое семейство.

Возможно, такая международная активность Хрущева не вызывала бы в народе скрытого ироничного недовольства, если бы не его сомнительные и бурные реформы во внутренней жизни страны. Прежде всего те, которые касались каждодневной жизни простого люда.

Я, можно сказать, с пелёнок помню, что в нашем домашнем хозяйстве всегда были корова, бычок, овцы, поросёнок и разная птица – куры, утки, гуси. И в других семьях рабочего посёлка живности было вдоволь. И почти у каждого дома огород соток двадцать и даже больше. Этим и кормились, и одевались.

Осенью, когда завершали копку картофеля, отец нанимал машину и вёз картошку в Куйбышев на рынок. А в ноябре-декабре, когда оттепели уже не возвращались, забивали скотину и везли туда же – в Куйбышев, Оренбург или в соседний городишко Бузулук. По возвращении из торговой поездки отец садился за стол, выпивал после дороги гранёный стакан водки, выгребал из карманов смятые купюры, подсчитывал выручку. А потом вместе с матерью прикидывали, на что её тратить в первую очередь. В семье ведь на ту пору было шестеро детей...

Вдруг (конечно, как всегда, неожиданно) вышел запрет

на содержание домашнего скота. Точнее, ограничение в его количестве. Дед Михаил Бурцев отреагировал на это своей фирменной репликой – «опять голова босиком чудит». Но этот очередной закидон хрущёвской власти имел чёткое идеологическое обоснование. Чтобы народ полностью сосредоточился на коллективном социалистическом производстве, нужно было, по убеждению кремлёвских мыслителей, ликвидировать личное подсобное хозяйство, ограничить огородные участки. И сразу же закрутился сумасшедший бюрократический механизм.

Но ведь русский мужик изворотлив. Правдами и неправдами скрывали наличие скота. Счётчики и переписчики, которые ходили по дворам, хорошо угощались и делали соответствующие отметки в тетрадах. И всё равно многие вынуждены были избавляться от скота во избежание неприятностей, а то и судебного преследования.

Эта дурь вскоре сама по себе сошла на нет. И уже в шестидесятых годах, после снятия Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, личные подсобные хозяйства снова получили право на существование.

В нашей семье скот держали всегда. Он был опорой в жизни, хотя и доставлял много хлопот. В тридцатые годы, когда развернулась раскулачивание, одной из первых, к кому нагрянули активисты, была семья моего деда Ивана Семёновича Сенчева. Посчитали, что пара волов, верблюды и пара ло-

шадей – это несправедливо нажитое богатство. И отправили деда, осудив за антисоветскую агитацию, на стройки народного хозяйства. Оторвали от земли, от привычного образа жизни, от детей. В 1942 году дед Иван Семёнович умер в Орске, где он работал в трудовой армии на строительстве гигантского мяскокомбината.

Деда реабилитировали уже в годы горбачёвской перестройки, о чём пришло в нашу семью и семьи моих братьев лаконичное сообщение из Куйбышевской областной прокуратуры. Отец, Василий Иванович Сенчев, в тридцатые годы тоже оказался в немилости, как сын раскулаченного. И он с «волчьим билетом» подался в бега. Скрывался в Средней Азии, в Башкирии. Возвратился, когда власть потеряла к нему всякий интерес. Видимо, таких беглецов по стране было несчитано, и на них просто махнули рукой.

Такому общественному примирению, очевидно, способствовала надвигающаяся война с фашистским блоком европейских государств. Отец воевал все пять лет как старшина-санструктор. В боях на Курской дуге он в один день вынес с поля боя, из-под огня, 27 раненых солдат и офицеров. За это он был награжден медалью «За отвагу».

О войне он не очень-то любил рассказывать. В его редких воспоминаниях горечь от пережитого на войне у него осталась до конца жизни. Говорил о власовцах. Случалось, идет на встречу колонна власовцев, переодетых в наших бойцов, якобы, на переформирование. А затем уже с тыла развора-

чивались и долбили в спину из всех стволов по своим же. Хотя своими для них они уже не были...

И вот что ещё запомнилось от фронтовых рассказов отца. Перед атакой многие бойцы молились Богу. Даже политрук, атеист, казалось бы, по убеждению, подходил к отцу и шёпотом просил: старшинка, научи меня молитве. Когда отступали к Сталинграду (после сдачи Ростова), начал действовать сталинский приказ: ни шагу назад! Один из молоденьких бойцов, то ли по наущению, то ли по собственной глупости и трусости, совершил самострел. Его поставили в центре каре и дали по нему залп из автоматов.

Отец, рассказывая об этом, еле-еле сдерживал слезы. Даже через столько лет ему представлялся немилосердным расстрел восемнадцатилетнего паренька, который молил о пощаде и отправке его в штрафную роту. А вообще отец понимал, что показательная публичная казнь оправдывалась катастрофической обстановкой, которая складывалась на тот момент не в нашу пользу.

Отец привез с фронта, кроме ранения, около десятка медалей и кучу благодарностей. Ещё была трофейная кожаная тужурка со множеством карманов, карманчиков и застёжек-молний. Меня и брата Сашу особенно привлекал полевой набор хирургических инструментов. Скальпели, щипчики, зажимщики и прочий хирургический инструментарий.

Всё это растащили мы, пацанва, и растеряли. Остался только Орден Отечественной войны и пара медалей, которые

хранятся в семье моего племянника, одного из внуков отца, Дмитрия Трофимова.

Ушедшая уже в историю Великая Отечественная война долго напоминала о себе даже нам, родившимся в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Инвалиды, ковыляющие на деревянной ноге, вдовы и матери, не дождавшиеся мужей и сыновей с войны, – это было не просто приметой той жизни. Это была сама жизнь, ещё не стряхнувшая с себя горе и печаль минувшего.

А на детях война тоже оставила свой отпечаток. Из всех детских забав и игр мы предпочитали играть в войнушку. Почему, зачем? Кто знает, может быть, эта психология передалась от отцов и старших братьев, прошедших долгими фронтовыми дорогами.

Как я помню, наш поселок, являвшийся центральной усадьбой крупного зернового совхоза «Волжская коммуна», в отличие от соседних сел и деревень, жил более-менее сносно. Как я уже говорил, выручало личное подсобное хозяйство. Кроме того, рабочие совхоза получали какую-никакую зарплату, чего не было в ту пору у колхозников. Ещё и приворовывали. Каждый – со своего шестка. Комбайнер зерно прихватывал, шофер бензин сливал, скотники и доярки тырили с ферм корма. А участковый милиционер, как судачили жители поселка, промышлял тем, что ночами подламывал замки магазинов соседних деревень, а днем он же принимал участие в расследовании этих ЧП по горячим следам.

Не знаю, находили или нет взломщиков.

Да что взрослые! Мы, сельская ребятня, делали постоянные групповые набеги на совхозный сад и пасеку. В этом, как я думаю, не было прямого жульнического смысла. Это скорее всего была приключенческая игра, поиск адреналина. Когда сторож хватал тебя за вихор, ты потом упоительно рассказывал сверстникам, как ловко вывернулся из цепких мужицких лап.

Поселковый быт был тягуч и однообразен. Но мне он казался отражением интересного неиссякающего мира. А когда пришла пора идти в школу, то я воспринял это как шаг во что-то неведомое и фантастически увлекательное. Но эйфория от школы быстро прошла. Начались вязкие ученические будни. Анна Ивановна Мельникова, мой первый учитель, как могла, учила нас азам начальных классов. Вероятно, среди нас много было бестолочи. И Анна Ивановна в отчаянии срывалась и шлепала линейкой кого-нибудь по лбу. А однажды одного глупого ученика по кличке Гитлер даже постучала головой об стену. Приезжала из райцентра комиссия, проверяла этот эпизод. Но мы не выдали нашу учительницу. Как раз накануне приезда проверяющих она пригласила нас к себе на блины...

Сейчас много говорят о достижениях советского образования. Я не тороплюсь ни хвалить, ни осуждать систему школьного обучения, которую прошел сам. Могу сказать только одно: среди сельских учителей было немало слабень-

ких педагогов, порою случайных людей, да и просто малограмотных. К примеру, историю нам преподавал завуч школы, фронтовик Александр Михайлович Н. Как преподавал? Ходил по проходу между партами и монотонно, надоедливо читал по учебнику очередную главу. А потом опрашивал, что из прочитанного мы запомнили.

С таким учителем историю толком не узнаешь. Но меня выручали художественные книги на исторические сюжеты, которые я читал даже при свете керосиновой лампы, когда после полуночи в посёлке отключали тракторный двигатель, генерирующий электроэнергию.

Однажды на уроке Александр Михайлович завел речь о двурушниках, отщепенцах, предателях советской власти. И назвал фамилию – Яков Пастернак. Я по глупости своей взял и поправил: не Яков, а Борис Пастернак.

Что тут началось! Завуч потребовал сказать, откуда я знаю это мерзкое имя. Пришлось сознаться. О Борисе Пастернаке и его романе «Доктор Живаго» я услышал от соседа Виктора Казакова, не так давно вернувшегося из мест заключения. Он был осужден за бытовой конфликт с молодой женой – проще сказать, за избивание жены.

В зоне, оказывается, можно научиться не только уголовному ремеслу, но и узнать много интересного от бывалых умных сидельцев. Виктор Казаков, как губка, впитывал рассказы уважаемых зэков, которые «ботали не только по фене», но и вели вполне интеллигентные беседы о светской жизни, из

которой их выдернула судьба. Короче говоря, зона многому научила его. Это была как бы вторая, параллельная, система образования, но со своим специфическим уклоном.

В общении с Виктором Казаковым я узнал много интересного, что, увы, не могла дать мне школа. Он рассказывал о поэтах и писателях, которые преследовались за нелояльное отношение к власти, сам нелестно отзывался о власти и я, вначале пугливо воспринимавший его крамольные суждения, вскоре проникся критическим отношением к власти как таковой, так и к конкретным её носителям.

Уже в школе я поплатился за свое излишнее любопытство к жизни. Стойкая неприязнь ко мне завуча Александра Михайловича Н. продолжалась до самого десятого класса. Никак он не мог простить мне «Якова Пастернака». Уже на выпуске из школы чёрт меня дернул спросить у него совета. Из районной газеты «Знамя труда», куда я посылал свои нелепые стихи, поступило предложение поработать у них с трехмесячным испытательным сроком. Меня это обрадовало и озадачило. Потяну ли?

И вот решил узнать мнение завуча. Александра Михайловича аж передернуло. Он диким взглядом посмотрел на меня и грубо, насмешливо, с протяжной интонацией переспросил: ко-ого пригласили? Тебя?! Какие глупости!

Я очень переживал этот эпизод. И если до этого у меня была хоть капля уважения к завучу, то теперь я его невзлюбил, как ненавидел, вероятно, и он меня.

К моему счастью, обиды забываю быстро и спустя полгода, встретив Александра Михайловича, я радостно и искренне приветствовал его. Он, помнится, испуганно это воспринял и, преодолев растерянность, спросил: как работается? Вот на этот вопрос я и сам бы хотел слышать от себя ответ.

XXX

Районная газета ввела меня, семнадцатилетнего юношу, в самый вихрь жизни. Но эту жизнь я воспринимал тогда поверхностно и даже легкомысленно. Почему-то в моем раннем сознании отпечаталась мысль, что журналист – это такой волшебный человек, который всё может и за это ему ничего не будет.

Я колесил на попутках по всему району, бывал на фермах и в полях, в машинных мастерских, летних пастбищах. Результатом таких бесконечных поездок были заметки и зарисовки, которые я перечитывал уже в газете по нескольку раз. И мне казалось, что все красивые девушки в округе знают, кто автор таких гениальных заметок.

Спустя многие годы, когда я работал уже в газете «Правда», на одном из редакционных совещаний выступал с обзором редактор газеты по отделу науки Владимир Степанович Губарев. Он был критичным, взыскательным человеком и умел тонко, остроумно поддеть своих коллег за их профес-

сиональные слабости.

– Есть четыре стадии развития журналиста, – сказал Владимир Степанович на той летучке. – Первая стадия – это когда автор безумно рад появлению своей фамилии даже под малюсенькой и глупой заметкой. Вторая стадия, когда автор пишет только гигантские статьи и думает, что ими зачитывается весь мыслящий мир. Третья стадия, когда автор озабочен реакцией читающей публики. Четвертая стадия, когда автору все равно, какая статья, большая или маленькая, ему даже все равно, стоит ли под статьей его фамилия, но он сам точно знает, что такую статью он обязан был написать...

Так вот, если следовать такой ироничной градации, я в пору своей работы в районке был, пожалуй, в самом начале первой стадии журналистики. Но надо отдать должное моим коллегам по районной газете. Они терпеливо вразумляли меня.

Первый серьёзный урок я получил в самом начале своей работы. Небольшая сатирическая заметка о том, как сельский почтальон вскрывает и прочитывает письма своих односельчан вызвала бурю. Почтальон пришел в редакцию и потребовал доказательств своего нехорошего поступка. А у меня их, кроме досужих разговоров и предположений, не было.

Редактор Борис Прохорович Лукин написал приказ о моем наказании. Репрессивную меру подкрепил долгой беседой о журналистской этике, о необходимости и обяза-

тельности всесторонне проверять факты. Особенно, когда речь идет о критической оценке человека, его поступков. И неважно, кто этот человек. Простой сельский почтальон или председатель колхоза, заведующий магазином или бригадир животноводческой фермы.

– Учти, ещё один такой проступок и вылетишь из редакции как пробка, – пригрозил напоследок редактор.

После такой проработки я был подавлен. Была даже мысль написать заявление об уходе и податься в Новоорск на строительство Ириклинской ГРЭС, где уже трудился один из моих одноклассников, уехавший туда по комсомольскому набору. Мой такой порыв остудил отец. ««Так и будешь скакать по жизни», – сказал он назидательно. – Раз уж выбрал дорогу – иди по ней, не сворачивая».

Мать и отец всегда переживали за меня, не давая об этом виду. Но никогда не навязывали свою волю. Работа корреспондента им, деревенским людям с крестьянской психологией, представлялась, наверное, несерьезной. Но они ни разу не упрекнули меня в выборе профессии.

Итак, работа в районной газете началась для меня с поучительного эпизода, ставшего уроком на всю жизнь. В редакции трудились журналисты, годящиеся мне если не в отцы, то в старшие братья. Для меня ближе всех был ответственный секретарь редакции Александр Иванович Лапынин. Именно он предложил мне, вчерашнему выпускнику школы, работу литературного сотрудника.

Как самого молодого, меня активно гоняли по всему району для сбора материала и подготовки публикаций. Как я уже говорил, приходилось пользоваться в основном популярным транспортом. Иногда выпадала честь проехать в какое-нибудь хозяйство на белоснежной редакционной «Волге» с фигуркой никелевого оленя на капоте. Тогда, как мне казалось, в колхозах смотрели на тебя уже по-другому, с подчеркнутым уважением. Очевидно, так это и было. Не случайно же районные чиновники так дорожили атрибутами их начальственного положения.

Я бы не сказал, что работа корреспондента в районке была на износ. Я с удовольствием мотался по селам и деревням, привозил зарисовки и репортажи. Когда поступало срочное задание редактора или заведующего отделом сельского хозяйства об очерке в номер, то приходилось и его писать, ничего толком не зная о герое своего экстренного повествования. Приходилось домысливать, напрягать фантазию, чтобы выдать очерк с пылу-жару.

Так называемый художественный домысел, которыми пользовались все мои районные коллеги, смешил наших читателей, и они нередко прямо говорили в глаза: ну и мастаки же вы врать. И все же районку подписчики любили. Пусть и в искривлённом виде, но она доносила информацию до сельского населения. Обязательным делом была публикация производственных сводок. О надоях молока, о привесах скота, о вспаханных гектарах, о тоннах вывезенного навоза на

поля, о снегозадержании и так далее... И это, пусть не покажется странным, тоже интересовало около трех тысяч наших подписчиков.

Производственный дух пропитал все поры социальной жизни района. Даже художественная самодеятельность была подчинена пропаганде трудового энтузиазма. Со сцены районного Дома культуры звучали, к примеру, такие задорные песни, сочинённые местными авторами.

Повысим качество, коли

Повысим качество, коли

Повысим качество, количество

Надоев молока...

Не удивительно, что на страницах газеты нет-нет да появлялась критика. Следуя требованию устава КПСС развивать критику и самокритику, районный первый секретарь подталкивал нас смелее бичевать недостатки. И в этом не было равных нашему редактору Борису Прохоровичу Лукину. Писал он хлёстко, на уровне большой прессы. Правда, объекты его критики были не выше председателя колхоза или секретаря партбюро. Тем не менее, у наших читателей складывалось впечатление о районке как смелой принципиальной газете.

Надо, однако, отметить вот что: после мартовского пленума ЦК КПСС в 1965 году в стране общая обстановка оживилась. Отстранение от власти Н.С. Хрущёва (вполне демократическим путём на пленуме ЦК КПСС, где ему предъявили

обвинения в экономическом волюнтаризме и отходе от коллективного принципа руководства) было одобрительно воспринято в низах. И действительно, экономические кульбиты Хрущёва в сельском хозяйстве, организационные, до конца непродуманные новации в управлении народным хозяйством негативно сказались на развитии страны. Во многих городах люди становились в очереди за хлебом. А это, естественно, затушёвывало всё хорошее, что было достигнуто при том же взбалмошном Никите Сергеевиче.

Итак, смена власти посеяла в народе новые надежды. Дед Михаил Бурцев, выступавший в нашем посёлке как авторитетный эксперт, глубокомысленно изрек: чай, хуже не будет... Жизнь начала выравниваться. Этому способствовали активные косыгинские реформы. Они были заложены в программные положения восьмого пятилетнего плана на 1965-1970 годы. Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин предпринял энергичные усилия, чтобы уйти от модели мобилизационной экономики, которая по инерции продолжала действовать после окончания Великой Отечественной войны.

Это были хоть и активные, но пока ещё нетвердые шаги в сторону развития рыночных механизмов. Сокращались плановые показатели, а значит, ослабевало администрирование, чем злоупотребляли особенно неподготовленные, а порою просто безграмотные, если не глупые, чиновники разных уровней. На предприятиях начали создаваться фонды мате-

риального стимулирования. Промышленное строительство стало финансироваться за счет кредитов, а не прямых бюджетных инвестиций. Совнархозы, которые выполнили свою роль, были упразднены и восстановлены отраслевые министерства.

В этом была своя логика. Совнархозы приблизили управление к производству, усилили кооперирование в пределах экономических районов. В то же время ослабла управленческая вертикаль. Самостоятельность регионов имела негативную обратную сторону: нарушались производственные связи между предприятиями разных регионов. Пришлось снова вспомнить о министерствах.

Косыгинские реформы благоприятно сказались и на сельском хозяйстве страны. Повысились закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию; произошло перераспределение части национального дохода в пользу аграрного сектора. В результате этих и других мер оживилось сельскохозяйственное производство, улучшилось обеспечение городов продовольственными товарами, выросла производительность труда, практически все показатели пятилетки были выполнены в полном объёме.

Как раз на эти годы выпала моя журналистская молодость. На моих глазах менялась деревенская жизнь. Всё меньше оставалось изб, крытых соломой. Её заменяли тёсом, шифером и даже кровельным железом. В селах строились водопроводы, Дома культуры, школы. Чтобы ускорить обновле-

ние деревень, в районе стали возводить кирпичные заводы. Один из таких был в поселке Волжский. Другой – в соседнем колхозе.

Во всем чувствовалось устремлённость к хорошей будущей жизни. У людей была эмоциональная приподнятость. И это состояние поддерживалось лучшим в мире на тот момент советским киноискусством, доступным для самых глухих деревень благодаря разветвлённой киносети и кинопередвижкам.

В народе стали уважительнее относиться к представителям партийной и хозяйственной власти. Впервые после тяжёлых послевоенных лет люди ощущали благоприятные перемены и это в общем-то справедливо ставили ей в заслугу. Вот разве что премудрый дед Бурцев скептически воспринимал эти перемены. Погодите, твердил сельский политолог, долго так не продержится. Никогда народ не жил хорошо и нечего привыкать. И ещё он предрекал уход Косыгина с политического Олимпа. Кого народ любит, говорил он, того не любит сама власть.

Косыгин, действительно, вскоре ушёл в тень. Не уверен, что причиной этого стала ревность генерального секретаря КПСС Л.И.Брежнева, не терпящего рядом с собой, как утверждают некоторые историки, фигуру более значительную, более яркую, чем он сам. Как бы там ни было, косыгинские методы руководства огромным хозяйством СССР уступили привычному администрированию и жёсткому центра-

лизованному планированию. Позднее стали говорить, что эти реформы были заведомо обречены на провал, поскольку «нельзя запрячь в одну телегу коня и трепетную лань», совместить социализм с рыночной экономикой.

Такое утверждение, на мой взгляд, является ложным, по существу. Социализм, как учение, никогда не отвергал любые способы хозяйствования, если они вели к росту благосостояния и социального благополучия. Пример тому, ленинский НЭП и современная экономика Китая – страны, где социализм был и остается государственной идеологией.

Но от общих рассуждений возвращаюсь на землю. Как журналист, работающий в районной газете, я многого не понимал ещё. Я был в шорах своего юношеского возраста и слабенькой образованности. Пробелы в знаниях возмещал за счет общения с опытными людьми. Наверное, мне повезло, что на моем раннем пути встретились интересные и соvestливые люди. Вспоминаю Михаила Кузьмича Гусака, Николая Михайловича Терехова, Александра Ивановича Лапынина и, конечно же, редактора Бориса Прохоровича Лукина.

Лукин, как руководитель редакции и журналист, заметно выделялся среди таких же редакторов районных газет Оренбургской области. Из-под его начала впоследствии забрали на редакторство Михаила Гусака и Александра Лапынина. Позднее возглавил одну из районных газет и Николай Терехов. А корреспондент Любовь Жукова (Красавина) в девятые годы стала заметным журналистом в Самаре.

Я старался следить за судьбами своих коллег, ставшими для меня первыми наставниками в журналистике. Однажды я узнал о ранней кончине Бориса Прохоровича Лукина. Подробности меня не удивили. Он был пристрастен к алкоголю, и это было причиной многих скандальных историй. Его сняли с должности редактора, и он устроился на работу в соседний город Бузулук в газету «Под знаменем Ленина». В одной из командировок умер от сердечного приступа прямо в машине.

Я догадывался, что ранняя его смерть связана с пьянством. Но каких-то решительных выводов из этого лично для себя не сделал. В последующие годы я легко соглашался на пьяные посиделки и, конечно, многое потерял от этого пагубного и грубого увлечения, о чем теперь запоздало сожалею.

После года работы решил поступать на факультет журналистики МГУ. Даже сам не понимаю, почему я выбрал именно этот столичный вуз, который был мне не по зубам. Впрочем, я, наверное, не смог бы сдать экзамены и в любом другом городе по следующей причине. В аттестате о среднем образовании по немецкому языку у меня, как и у всего нашего выпуска, стояла тройка. В действительности же немецкий язык в школе преподавался от случая к случаю. Молодые девушки – выпускницы инфака – в поселковой школе долго не задерживались. И в наших головах от такой учебы застряли разве что две фразы: «Хендэ хох» и «Гитлер капут».

На удивление на вступительных экзаменах в МГУ профильные предметы я сдал на «хорошо». И вот экзамен по немецкому языку... Экзаменатор, женщина немолодых лет, стойко вынесла моё бормотание и под конец сочувственно спросила: «Юноша, в какой же школе вы учились?». На прощание, ставя в зачетку двойку, посоветовала: «Вы никогда никуда не поступите, если не займетесь немецким языком».

Этот совет крепко запал мне в душу. И будучи на флоте на срочной службе, я в течении двух лет ежедневно, после отбоя и до подъёма, зубрил немецкий язык по самоучителю. И это потом мне позволило легко сдать экзамены в Уральский госуниверситет на факультет журналистики.

Поездка в Москву с авантюрным желанием поступить в МГУ меня обогатила фантастическими впечатлениями. Столицу я воспринял как райское место, где всем хорошо и всем весело. В ту пору – а это был год пятидесятилетия Великой Октябрьской Социалистической революции – Москву обихаживали с особой тщательностью. Она была опрятна и цветиста. Её еще не донимали гигантские автомобильные пробки, а наплыв в Москву «мешочников» – гостей из всех областей и республик Союза – вовсе не портил картину городского быта, а добавлял своеобразного колорита.

Кроме меня, неудачниками на экзаменах оказались соседи по общежитию в Доме студентов на Ленинских горах. Один из них Михаил Великанов – уроженец Хиславичей Смоленской области. Это был высокий красивый парень, по-

мешанный на поэзии серебряного века. Позже он работал в газетах Смоленщины, возглавлял пресс-службу Смоленской городской администрации. И вот он предложил: а давайте-ка кутнём на прощание!

И мы направились не куда-нибудь, а в самый центр столицы в ресторан «Националь». Это было в первой половине дня. Швейцар встретил нас с показным благодушием, и мы уселись за один из столиков, покрытых хрустящей белоснежной скатертью. Заказ наш был более чем скромен. Одна бутылка водки на четверых и горячее блюдо – «мясо по-марсиански».

Наш провинциальный вид, очевидно, о-очень забавлял официанта: он был подчёркнуто вежлив, улыбчив, обслуживал так, будто мы были важные персоны. А настоящие важные персоны для него находились поодаль. Мы украдкой поглядывали на столик, за которым сидел старик с породистой внешностью и молодая дама, разодетая и накрашенная для соблазна. Обхаживая старичка, она нет-нет, да и постреливала глазками в нашу сторону. Честно говоря, мы не понимали, зачем она это делает. Нам казалось это нечестным. Развлекается за счет престарелого ухажёра и смотрит ещё на сторону.

Гораздо позже, когда либеральные веяния окутали, как смог, всю страну, проституция стала таким же естественным явлением как закат или восход солнца. А тогда эта ресторанная картинка казалась нам экзотикой. И мы, покинув «Националь», долго обсуждали эту встречу.

Именно та Москва, с которой я познакомился в 1967 году, запала в моё сердце. В ней тогда было всё: красота и чистота проспектов и улиц, и приветливость москвичей, и относительный достаток, доступный едва ли не всем. На мой первый непросвещённый взгляд, это была самая настоящая демократичная обстановка.

Но, оказывается, была и другая Москва, недоступная случайному взгляду. В многомиллионных людских недрах столицы вызревали свои касты и сословия криминального и полукриминального типа. Крепла и множилась чиновничье-бюрократическая рать, которая при Хрущёве окончательно очнулась от испуга сталинских репрессивных времён. А при Брежневе, склонном к сибаритству и умиротворению, власть всё глубже и глубже погружалась в свои интересы, а не всего народа. Нефтедоходы второй половины шестидесятых и первой половины семидесятых годов создавали одурманивающую иллюзию вечного благополучия. Стареющее руководство страны уже не могло эффективно управлять народным хозяйством.

Этот ползучий процесс деградации вызывал недовольство и сопротивление у мыслящих, критически настроенных людей. Диссидентское движение отражало эти протестные настроения, стремилось достучаться до Кремля. Но в ответ следовала репрессивная реакция, обвиняющая поголовно всех диссидентов в услужении Западу. Очевидно, под протестной маской скрывались и явные предатели, пособни-

ки иностранных разведок. Но здоровое ядро диссидентского движения составляли патриоты, болеющие за будущее страны в её социалистическом обличье.

Однако яростное отстаивание партийно-бюрократической верхушки своего статус-кво у многих посеяло сомнение уже и в правильности социалистического выбора. Так началась ревизия всей нашей прошедшей жизни после октября семнадцатого года. Но это случилось позже, когда после «гонки на катафалках» – после скоротечных смертей Брежнева, Андропова и Черненко генсеком стал Михаил Горбачёв, которого в народе окрестили Мишкой Меченым за большое родимое пятно на затылке.

После провала на экзаменах в МГУ я не захотел возвращаться в районный поселок Курманаевку – в газету, где состоялись мои первые журналистские шаги. Душа странника требовала новых впечатлений, знакомства с новыми людьми. Вместе с таким же несостоявшимся студентом ростовчанином Толей Курочкой мы узнали о вакансиях в районной газете Целиноградской области и решили двинуть туда.

Городок Державинск, где располагалась редакция газеты «Целинное знамя», в каком-то роде был для меня уже родным. Здесь проживали со своими семьями две моих старших сестры – Мария и Вера. Они и помогли нам обустроиться на первых порах. Толя Курочка, однако, не вынес спартанских условий местной жизни и вскоре укатил в Ростов-на-Дону.

А мне было не привыкать к суровому быту, и я окунулся с головой в жизнь районного газетчика.

Район, по которому я колесил и днем и ночью, представлял из себя десятка два гигантских зерновых совхозов, несколько элеваторов, автобаз и строительных механизированных колонн. В них работали не только первоцелинники. Сюда съезжалось и свежее пополнение из всех уголков Союза. Было много украинцев, белорусов, армян. Казахи жили отдельными редкими аулами и занимались в основном скотоводством. Взаимоотношения были мирными, если не дружескими. Во всяком случае никаких инцидентов на национальной почве не было и в помине. А молодёжные стычки случались исключительно из-за девушек или по пьяной лавочке.

Молодость и романтический склад характера определял тональность моих публикаций в «Целинном знамени». Я охотно писал зарисовки и очерки о первоцелинниках, отыскивал людей с интересными судьбами и рассказывал о них. Не помню, чтобы в газете были какие-то серьезные критические публикации. Редактор Николай Сергеевич Колинко, ставший впоследствии помощником или советником самого Нурсултана Назарбаева, исповедовал идею исправления нравов.

Конечно, проще было писать назидательные корреспонденции о брошенных стареющих матерях, об алиментщиках, мелких воришках, прогульщиках и пьяницах. О них газета

и писала. Но капитальные проблемы жизни целинного района мы обходили стороной. Это и понятно. Газета, как орган райкома партии, не могла поднять голос против местного руководства. Да от этого руководства многое и не зависело.

В тот год, когда я приехал на целину, на село стали поступать мощные колёсные тракторы «Ка-700». В народе их называли Кировцами. Машины классные! Механизаторы их встретили с восторгом. Но первые же месяцы показали, что такому богатырю нужен большой шлейф широкозахватной сельскохозяйственной техники – сеялок, плугов, культиваторов, больших транспортных тележек. Иначе такому трактору нечего делать в бескрайних зерновых полях. Нуждалась в доработке и колесная база «Кировца», поскольку этот трактор своими колесами утрамбовывал пашню, наносил ей урон.

Это была серьёзная общесоюзная проблема. О ней уже говорили в кабинетах разных уровней. Писать об этом в районке не было смысла. Тем временем бюрократическая говорильня об этой проблеме затягивалась, казалось, не будет ей конца. И тут наш коллега из областной газеты «Целиноградская правда» Олег Степаненко выдал в центральной «Правде» статью под заголовком «Богатыри теряют силу».

И тут в верхах зашевелились. Статья, рассмотренная на Политбюро ЦК, стала сильным толчком к созданию производства специальной почвообрабатывающей техники для таких тракторов как «К-700». С автором этой публикации позднее я встретился в Москве в редакции газеты «Правда»,

куда меня пригласили работать собкором по Ульяновской, Пензенской областям и Мордовской АССР.

Наши взгляды на многое, что происходило в стране совпадали. Корень управленческих злополучий мы находили в неповоротливом исполнительном механизме, в неумышленном, а нередко и умышленном, саботировании прогрессивных технических, технологических и организационных решений. При этом какая-либо суровая неизбежная ответственность как при Сталине, уже не грозила.

Хрущёвская так называемая оттепель имела не только благие последствия. Да, в обществе постепенно стал исчезать страх, прикусили языки доносчики и клеветники, народ стал более раскрепощённым. Но вместе с этим у многих людей проявилось чувство вседозволенности. Стала заметно падать трудовая дисциплина. Страх исчез, а личная ответственность не появилась.

Не забудем и такой момент. Сталинский каток политических расправ прокатился по жизням и судьбам миллионов людей. Родственники репрессированных, прежде всего тех, кто пребывал во власти, в её верхнем эшелоне, затаили фигу в кармане. Кто-то уехал за границу, но многие остались в СССР, занимали немаленькие должности в управленческих, плановых структурах, культуре, образовании.

Обида за прошлое глодала их. Не все же они были, как Полина Жемчужина (урожденная Перл Соломоновна Карповская, жена Вячеслава Молотова), которая отсидела пять лет

по обвинению в преступных связях с еврейскими националистами и тем не менее осталась до конца жизни верной, убеждённой сталинистской. А вот озлобленные потомки репрессированных представителей партийно-советской элиты во весь голос проявили себя уже при Горбачеве и, заняв управленческие высоты в ельцинском правительстве, в СМИ повели разрушительную работу против социалистической государственности.

Работа в целинном крае усилила мое критическое восприятие жизни. Меня поражал и возмущал неустроенный быт первоцелинников, отсутствие элементарных удобств. Дома, в которых жили сельские люди, были либо саманные, либо щитовые, насквозь продуваемые степными ветрами. Воду пили из реки Ишим. Общественных бань не было. Более-менее сносные дороги были только к элеваторам.

Районный городок Державинск больше напоминал забытую Богом деревню, чем административной центр. Жители свой досуг проводили в основном за стаканом самогона. Это пошло гнали едва ли не в каждом доме из зерна, украденного с поля. Самогонование было доходным и в общем-то безопасным делом. Из соседнего воинского городка приходили солдаты и офицеры, покупали самогон или обменивали на него армейское снаряжение.

Вот такая была «светлая жизнь». Почему так происходит? – задавался я этим вопросом. Что заставляет людей так жить? Зачем вместо того, чтобы нормально работать, те же

водители машин занимались несусветными приписками? И почему люди, которые это творят, сами же это и осуждают? Неужели, думал я, мы не доросли ещё до социализма? Неужели, чтобы оценить достоинства и неизбежность социалистического мироустройства, нужно вернуться на столетие назад и пройти все девять кругов капиталистического ада?

Подобные мысли всё чаще одолевали, видимо, не только меня. При этом некоторые из моих знакомых безапелляционно считали, что социализм – это тупик, он не поддается реформированию. Такие настроения в конце восьмидесятых годов стали в открытую насаждаться через либеральные сми. И как подкрепление этих взглядов в советской экономике стали происходить невероятные явления. То стали массово исчезать из торговли предметы первой необходимости. То вдруг разом закрылись в стране на ремонт табачные фабрики и миллионы курильщиков готовы были выйти на улицы с протестом. Из магазинов стали исчезать привычные продукты. И в то же время на окраинах Москвы в железнодорожных отстойниках обнаруживались целые составы с этими же продуктами. Абсурд нарастал, но за этим абсурдом угадывались умелые регулировщики.

XXX

Весной 1968 года меня призвали на флот нести срочную службу. Целинная глушь стала меня угнетать, хотелось вы-

рваться из этого круга, и повестку из военкомата я воспринял чуть ли не с воодушевлением. И другие призывники, с которыми я познакомился на сборном пункте в Целинограде, предстоящую службу рассматривали как романтическое путешествие в неизведанное.

Это потом, много лет спустя, молодежь, напуганная рассказами о дедовщине, стала пачками уклоняться от призыва. Страх перед армейской службой подогревался постоянными публикациями о развале Советской армии, о её боевой немощи, о различных злоупотреблениях со стороны офицерского и генеральского состава. Это был ещё один клин, который вбивался в тело советского государства. О том, как проходила моя служба на флоте, я не стану рассказывать в детальных подробностях. Воспроизведу лишь свою публикацию в 2023 году в электронной газете «Петербургский публицист». Она называется «Крейсер моей юности» и, как мне кажется, достаточно точно передаёт моё настроение того времени.

... Июнь 1971 года. Моряков-дембелей собрали в один эшелон и состав под марш «Прощание славянки», медленно огибая Южную бухту Севастополя, направился в Симферополь и далее – на Харьков, где нам предстояло пересесть каждому на свой поезд.

Два чувства боролись тогда в моей душе. С одной стороны, было радостно от предстоящей встречи с родными, грезились новые жизненные планы, новые горизонты судьбы. С другой стороны, расставание с Севастополем, с крейсером,

с флотскими друзьями- товарищами наводило грусть. И мне даже в голову не приходило, что спустя много-много лет, уже на склоне жизни, я снова поднимусь на палубу «Михаила Кутузова».

И это произошло! Во многом потому, что я сам к этому стремился, не полагаясь на волю случая, возобновлял связи со своими сослуживцами, наводил справки о самом крейсере, о его дальнейшей жизни. На сайте «Одноклассники» была создана группа «Крейсер Михаил Кутузов». Зарегистрировано почти триста человек. Через сайт я нашел своих знакомых по службе. Среди них – старшина первой статьи комендор Мирон Геленидзе.

Года три назад мы встретились с ним в Сухуми, где он жил... Увы, приходится говорить об этом в прошедшем времени. Год назад его не стало. Доконали болезни. Я помню его настойчивую просьбу ко мне. Не поленись, говорил Мирон, заверни в Новороссийск, там наш крейсер. И вот осенью прошлого года я поднялся на палубу «Михаила Кутузова». На удивление многое узнал сходу. Без труда нашел свой кубрик. А на камбузной палубе, как мне показалось, висел всё тот же огнетушитель.

Долгой была дорога к встрече с флотской юностью. В начале девяностых годов дошла до меня весть, что крейсер продают в Индию «на иголки», то есть на металл. Не удивился этому. В истории нашего флота бывали и не такие казусы. Как известно, Н.С. Хрущёв, будучи руководителем

страны, в оборонной стратегии делал ставку исключительно на ядерные силы в ущерб развитию других родов войск. И больше всего от этого пострадал военно-морской флот. В 1959 году были отправлены на слом сразу семь практически готовых, стоящих на стапелях крейсеров. А вскоре он распорядился безвозмездно передать Индонезии целую эскадру кораблей, состоящей из 12 подводных лодок, шести эсминцев, отряда сторожевиков и крейсера «Орджоникидзе».

Так что на фоне такой предыстории продажа крейсера «Михаил Кутузов» на иголки не выглядела, как сказали бы сейчас, фейком. Тем более, что уже были прецеденты и в новейшей истории нашей страны. Большие противолодочные авианесущие корабли «Москва» и «Ленинград» были разоружены и проданы, как устаревшие, на металл.

Неужели и «Михаила Кутузова» ожидала такая участь? Крейсер был устаревшей модификации и практически не подлежал модернизации. Наступало время конструктивно иных кораблей. Значит, на лом? Но в защиту крейсера подняли свой голос флотская общественность, ветераны флота, авторитетные офицеры, среди которых был и контр-адмирал Карл Иванович Жилин, являвшийся командиром «Кутузова» как раз в годы моей срочной службы.

И крейсер отстояли. В августе 2001 года он вошёл в состав [Новороссийской военно-морской базы](#). Разумеется, не в качестве боевой единицы, а как корабль-музей, чего, в принципе, и добивались ветераны флота. И действительно, «Ми-

хаил Кутузов» имел полное право стать музейным экспонатом-реликвией. Его судьба в полной мере отражает судьбы многих кораблей Черноморского флота. Построенный на Николаевском судостроительном заводе, корабль в 1955 году был зачислен в состав флота, и с этого момента началась его боевая, насыщенная разными событиями жизнь.

Наверное, мне повезло, что моя срочная служба в основном была связана с экипажем «Михаила Кутузова». После учебного отряда в Кронштадте меня направили на Черноморский флот. Два месяца служил на берегу под Феодосией. А поскольку во мне играла журналистская жилка, я написал несколько репортажей и зарисовок во флотскую газету «Флаг Родины». Там заинтересовались мною, через политуправление флота вызвали на стажировку в редакцию газеты, где в то время главным редактором был капитан первого ранга Георгий Афанасьевич Бутиков.

Помню, как меня, рядового матроса, завели в кабинет главного редактора. И он как-то осторожно, мягко, не покомандирски, спросил: а не хочу ли я попробовать свои силы во флотской печати? Так я оказался на некоторое время в кругу опытных журналистов флота. Моими опекунами стали Виктор Ткачѐв, Александр Плотников, Анатолий Марета, Василий Потужний, Павел Башмаков, Александр Суворов...

Стажировка во «Флаге Родины», общение с мастерами военной журналистики стали для меня настоящим университетом. И когда вскоре меня направили на крейсер «Михаил

Кутузов» ответственным секретарем корабельной многотиражной газеты, я чувствовал себя вполне уверенно. Но при первой же встрече замполит корабля капитан третьего ранга Иван Гончар меня огорошил. Придется, сказал он, поработать и за редактора. Смотри, не подкачай! Оттиски приноси вовремя!

Оказывается, на крейсере долго не было редактора газеты. Предстоял поход в Средиземное море, к этому времени обещали прислать офицера-новобранца, а пока за редактора пришлось отдуваться мне, ещё толком не разобравшегося, что к чему.

Типографская команда, которую я принял, состояла из двух наборщиков и метранпажа-печатника. Типография размещалась в кормовой части крейсера в небольшом трюмном помещении, которую мы между собой называли шхерой. Спали в кубрике под шкафутной палубой, там же кормились, по очереди исполняя роль бачкового.

Типографская команда, надо признать, отнеслась ко мне настороженно. И наборщики, и печатник были уже старослужащими, им не нравилось, что подчиняться придется новичку-салаге. Потихоньку, не без стычек и перепалок, отношения наладились, и к выходу в Средиземное море на боевое дежурство мы стали, как говорится, единой семьей.

К моей радости на крейсер прислали наконец-то редактора. Радость оказалась двойной, когда высокий стройный лейтенант назвал своё имя – Михаил Крушинский. Фамилию

Крушинских я знал из газет. Это была известная в стране журналистская династия. Сергей Константинович Крушинский – военный корреспондент «Правды» и его сыновья Андрей и Михаил. Андрей как собкор «Комсомольской правды» изъездил всю юго-восточную Азию и Европу, делая репортажи и аналитические статьи из горячих точек.

Михаил после журфака МГУ начал свою карьеру корреспондентом ТАСС в Бухаресте. Вскоре по новому закону призвался на флот офицером и был распределен редактором многотиражки на крейсер «Михаил Кутузов». Наши отношения продолжились и на гражданке. Михаил Сергеевич по окончании срочной службы вернулся в Москву, работал в газетах «Комсомольская правда», «Советская Россия». И когда он летал в командировки на север страны, всегда останавливался у меня в Новосибирске, где я был собкором той же «Советской России».

...В Севастополе наш крейсер стоял в Южной бухте на бочках, на которых когда-то стоял и линкор «Новороссийск», трагически погибший в октябре 1955 года от внешнего взрыва. В спасении линкора участвовали и моряки с крейсера «Кутузов». Будущий командир крейсера Карл Иванович Жилин служил в это время на линкоре командиром одной из артиллерийских батарей. Он подробно описал в своих воспоминаниях ту роковую ночь, в деталях показал, как экипаж боролся за живучесть корабля до последней минуты... Спустя годы Карл Иванович был назначен команди-

ром «Михаила Кутузова».

К.И. Жилина на крейсере уважали и любили. Лично на меня он производил впечатление мужественного, немного загадочного благородного героя. Высокий ростом, стройный, с тонким породистым профилем. Когда на крейсер по праздникам приезжали концертные бригады, то, казалось, все женщины-артистки смотрят только на нашего командира.

Он был, несмотря на внешнюю приветливость, строгим командиром. И не просто строгим, а фанатично требовательным, при этом никогда не раздражался и не повышал голоса. Подготовка к боевой службе в Средиземном море и последующему участию в крупномасштабных учениях «Океан» занимала все его мысли, и он эти мысли внушал всему экипажу. Каждодневная учеба, постоянные учебно-боевые тревоги не давали расслабляться. Тревоги объявлялись и ночью, и ранним утром, и во время обеда, и во время большой приборки.

Жилин думал и действовал по-суворовски: тяжело в учении, легко в бою. И эта командирская установка стала ведущим мотивом каждого выпуска многотиражной газеты. Конечно, нам хотелось как можно больше рассказывать не только о корабельных буднях. Мы завели в газете литературный уголок, придумали рубрики «Письма с Родины» и «Свидания с Родиной». Иногда публиковали адреса девушек, желающих познакомиться с нашими моряками. Стали думать

над сатирическим разделом газеты. Но замполит Иван Гончар остудил нас: а над кем собираетесь смеяться? Нет уж, давайте лучше больше стихов.

И тогда мы выдали очередной номер газеты исключительно в стихах. Огромный репортаж о действиях экипажа по боевой тревоге был сносно зарифмован с сохранением подлинных фамилий матросов, старшин и офицеров. После этого нас в шутку стали называть корабельными Гомерами.

Для нашего крейсера и других кораблей Черноморского, Северного и Балтийских флотов Средиземное море в шестидесятые годы стало хорошо обжитой акваторией. Это раздражало шестой флот США и их союзников по блоку НАТО. Уже на Босфоре нас демонстративно встречали турецкие военные катера, сканируя фото- и кинокамерами каждый квадратный метр нашего корабля.

Проливы мы проходили в режиме боевой тревоги. И уже в Средиземном море чуть-чуть расслаблялись, хотя корабли НАТО постоянно находились в зоне радиолокационной и зачастую визуальной видимости. Нередко бывало, что мы паслись прямо под боком авианосной группы шестого флота США. В этих случаях над нами сразу же зависали чужие вертолеты или барражировали разведывательные и наблюдательные самолеты.

Зачем мы были в Средиземном море? Наши корабельные отцы-командиры объясняли незатейливо: а затем, чтобы защитить Отечество на дальних подступах к нему. В этом про-

пагандистском штампе был большой реальный смысл. Средиземное море, замыкающее на себе три континента, стало в пятидесятые и шестидесятые годы средоточием военных конфликтов. Беспокойство в этом стратегическом регионе усиливалось присутствием в нем шестого флота США. После окончания второй мировой войны американцы отказались выводить свои боевые корабли из Средиземного моря, зацепились за него, создав там специальную эскадру, состоящую как минимум из одной авианосной группы и подводных лодок. А на подхвате у них были корабли Италии, Франции, Греции и Турции.

СССР не мог оставаться безучастным в такой взрывоопасной обстановке. В 1967 году была создана Средиземноморская эскадра, в которой флагманом, когда он выходил на боевую службу, назначался крейсер «Михаил Кутузов». Средиземноморские походы были довольно продолжительными и имели конкретную цель – не спускать глаз с кораблей НАТО. Особенно с авианосной группы. В случае боевого столкновения наша задача была сложна и смертельна – залпами главного орудийного калибра взломать взлётную палубу авианосца, не дать ему поднять в небо целую дивизию самолетов. Нечего и говорить, что многочисленный эскорт авианосца в те же минуты потопил бы и нас. Но о такой роли камикадзе мы даже не думали.

Несмотря на изматывающую напряжённость, обе стороны сохраняли благоразумие. И когда наш крейсер или дру-

гие корабли эскадры бросали якоря на рейдах сирийских или египетских городов, боевые действия между арабами и израильтянами на это время затухали. Во всяком случае авиационные налеты со стороны Израиля прекращались. Так что только одно присутствие советских боевых кораблей у африканского и малоазийского побережья сдерживало агрессию.

Египтяне и сирийцы, понятное дело относились к советским морякам с большой симпатией. Когда случались увольнения на берег, там нас ожидали толпы любопытных приветливых людей. Чаще всего «Михаил Кутузов» швартовался в сирийских портах Латакия и Тартус, где находился пункт материально-технического обеспечения Средиземно-морской эскадры. Нам удавалось даже отдохнуть на берегу, побродить по рынкам, искупаться на местном пляже.

Однажды в Египте на внешнем рейде Александрии произошел очень неприятный, можно сказать, трагический эпизод, о котором, конечно же, в СМИ в ту пору не рассказывалось. Один из адмиралов Арабской Республики Египет решил нанести визит на наш крейсер. Неудачный был выбран час. Дул свежак. Ходили волны. Приближаться к крейсеру на торпедном катере было опасно. Вахтенный офицер выкрикивал в мегафон одно предупреждение, другое... Но катер лихо подвалил к трапу. И в тот момент, когда адмирал пытался перескочить на трап, набежавшая волна подняла и резко накренила катер, припечатав человека к бронированному борту. Очевидно, этот несчастный случай обсуждался

на военном и дипломатическом уровне, но на дружеские отношения с Египтом он не повлиял.

В 1970 году состоялись самые крупные в истории советского ВМФ учения «Океан». В нем приняли участие корабли и морская авиация всех четырех флотов. И зона учений охватывала почти весь земной шарик. Мне не известно, какая роль в этих манёврах была отведена нашему крейсеру. Но нам пришлось, по плану учения, выйти из Средиземного моря в Атлантический океан и пройти до экваториальной части побережья Африки.

По итогам учений «Михаил Кутузов» был признан лучшим кораблём Черноморского флота. Многие моряки были удостоены государственных наград. Мне тогда тоже вручили медаль «За воинскую доблесть». Наш командир Карл Иванович Жилин досрочно получил звание капитана первого ранга и переведен на должность командира крейсера «Адмирал Ушаков». Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Карл Иванович Жилин.

«В январе 1971 года командующий флотом вызвал меня к себе на совещание и объявил, что принято решение вывести из консервации крейсер «Адмирал Ушаков». Возглавить это мероприятие придется мне и, как выразился адмирал Сысоев, «вдохнуть в него кутузовский дух»». На что я ответил, что готов перейти на «Адм. Ушаков» с кутузовским экипажем. Командующий согласился и разрешил взять с собой на крейсер «Адмирал Ушаков» часть необходимых лю-

дей с крейсера” Кутузов”».

Тем временем сам «Михаил Кутузов» был направлен на плановый капитальный ремонт. Часть экипажа осталась для обеспечения ремонтных работ в доке. Меня же откомандировали на крейсер «Феликс Дзержинский», который готовился к атлантическому походу с последующим дружеским визитом во французский порт Гавр.

Служба на флоте прошла для меня, прямо скажем, в идиллических условиях. Правда, в Кронштадте, в учебном отряде, была изнурительная муштра. Но я перенес её легко, тем более, что меня грела мысль, что начинаю свою службу не где-нибудь в тьмутаракане, а в легендарном Кронштадте. В этом городе-крепости меня ожидали и приятные сюрпризы.

В один из воскресных дней нас, бритоголовых матросов, повели на спектакль гастролировавшего в Кронштадте Ярославского театра имени Волкова. Ставили комедию Лопе Де Вега «Дурочка». Просматривая программку, увидел фамилию своего земляка Анатолия Баукова, который был старше меня лет на шесть и с которым я был хорошо знаком. Мы, сельские подростки, с удовольствием были на побегушках у будущего артиста Анатолия Баукова, приехавшего на летние студенческие каникулы из ГИТИСа.

И вдруг такая встреча! Я застал его в гримёрке как раз перед началом спектакля. Он совершенно искренне обрадовался моему появлению, и мы изъяснились сплошными радост-

ными междометиями. К несчастью, актерская карьера талантливого земляка продолжалась недолго. Как мне потом, через тридцать лет, рассказал народный артист РФ Алексей Дуров, служивший вместе с Бауковым в Ярославском театре, Анатолий в начале семидесятых годов трагически погиб в какой-то загадочной бытовой истории.

А второй сюрприз преподнесли мои родные люди. Моя мама Ефросинья Тимофеевна и старшая сестра Лидия вместе со своим четырехлетним сыночком неожиданно-негаданно нагрянули в Кронштадт, чтобы повидать меня. В то время Кронштадт был закрытым городом, гражданскую публику не пускали. И когда замполит учебной роты капитан-лейтенант Н. недовольно сообщил мне о приезде матери и сестры, я не поверил, пока мне не выписали увольнительную. Видимо, тот же замполит, хоть и рассерженный был, похлопотал о нашем свидании на пару часов.

Три года флотской службы прошли для меня незаметно и главное – в удовольствие! И когда пришла пора «сушить весла», то есть уходить на гражданку, мне было предложено остаться на сверхсрочную с присвоением звания младшего лейтенанта. Но я переборол соблазн и решил поступать на факультет журналистики.

XXX

В Свердловск (ныне Екатеринбург) я заявился как дем-

бель для поступления в Уральский госуниверситет не в военной форме, как обычно это делали абитуриенты, прошедшие армейскую службу, а в гражданском костюме, как бы подчеркивая, что не нуждаюсь ни в каком снисхождении на приёмных экзаменах.

Вообще самомнения в то время у меня хватало. На других абитуриентов я смотрел снисходительно. Ведь у меня за спиной было больше трех лет низовой журналистской работы (полтора года в районной газете и два года в крейсерской многотиражке). И это, как я тогда легкомысленно думал, давало мне право старшинства.

Но таких ухарей, как я, набралось среди абитуриентов, наверное, с десятков. Помню, выделялись Анатолий Джапаков, Саша Пашков, Коля Кузьмин, Михаил Чирков, Юрий Ермаков, Коля Володарский (он пришёл на экзамены в солдатской форме) и другие парни, считавшие себя едва ли уже не студентами. И напрасно! На экзаменах срезали безжалостно, если видели слабые знания, и никакие рекомендации не могли помочь.

Наверное, были и блатные. Но они так были законспирированы, что мы даже не догадывались, кто же идёт по проекции. Уже после экзаменов на первом курсе у нас объявился Сергей Курочкин – сын художественного руководителя Свердловского театра музыкальной комедии, народного артиста СССР, профессора Свердловской консерватории Владимира Акимовича Курочкина.

Сергей был тих, незаметен, я бы даже сказал, очень скромный. Он мало с кем общался и старался обходить стороной наших девиц, видевших в нём выгодного жениха. Мне по поручению преподавателя пришлось в неурочное время натаскивать Сергея по немецкому языку. Вскоре он взял академический отпуск и потерялся из виду.

Я не фаталист, не сторонник каких-то мистических штук, но на вступительных экзаменах встретил семнадцатилетнюю девушку, живописное изображение которой ещё во время службы на флоте вырезал из журнала и наклеил на обложку самоучителя по немецкому языку. И подписал: Meine Ehfrau (моя супруга). И вот эту Ehfrau, один к одному, будто она сошла с той картинки, вижу вдруг у дверей аудитории, где шли вступительные экзамены по истории. Через год мы с Еленой поженились. Была Никитиной стала Сенчевой. И нашему браку уже более 50 лет.

Студенческая жизнь в советское время не была нищей, как пытаются изобразить иные мемуаристы. Стипендия, если у тебя не было двоек, равнялась сорока двум рублям при средней зарплате по стране в 120 рублей. Если сдавал сессионные экзамены на пятёрки, то мог рассчитывать на стипендию в 60 рублей. У нас с Еленой такая стипендия была, потом скатились на обычную.

На 42 рубля трудно было, конечно, прожить. Но, если ты не бездельник, то мог ещё и приработать. Многие так и делали. Я наострил себя писать в местные газеты, где платили

приличные гонорары. Дополнительно к стипендии имел ещё не менее полста рублей в месяц. Сокурсники тоже не дремали. Ольга Васильева, например, после второго курса укатила на летние каникулы на остров Шикотан, где работала на рыбзаводе. Труд адский. Зато получила хорошие деньги на дальнейшее студенческое житьё-бытьё.

Свердловск в семидесятые годы, как город первой категории, пользовался особым положением. Во всяком случае продовольствием и товарами ширпотреба он снабжался стабильно. Помню, зашли как-то в универсам на улице Куйбышева. Мать честная, чего только там не было! В рыбном отделе – свежемороженые палтус, камбала, престипома, бельдюга, морской окунь и разные морепродукты, названия которых и не выговоришь. В гастрономическом отделе мы всегда покупали языковую колбасу и прочие мясные вкусности.

И если мы, студенты, могли покупать это, считающееся нынче деликатесом, то, наверное, для работяг хорошо отовариться тем более не было проблемой. На большинстве промышленных и строительных предприятий работали столы заказов. А многие заводы имели свои подсобные хозяйства, откуда мясо, молоко, овощи поступали к столу рабочих. Рассказываю об этом только потому, что позже, в девяностые и последующие годы из всех рупоров сми внушалась мысль, что при Советах был едва ли не голод. Вранье несусветное! И это несусветное вранье исторглось однажды их державных уст самого главного чиновника в стране, который, не морг-

нув глазом, публично заявил, что в Советском Союзе, кроме резиновых калош, ничего не производили.

Да, был дефицит некоторых продовольственных продуктов. Красную икру, к примеру, так просто не купишь. Не лежали на полках сыры, сливочное масло. Нелегко было купить в магазине мясо. За этим нужно было идти на рынок. Причем на рынок многие продукты переключивались с государственных оптовых баз и магазинных подсобок. Уж в чём-чём, а в этом-то работники торговли хорошо поднаторели.

И все-таки продуктовая проблема не была такой кричащей. Не случайно же в восьмидесятые годы зародилось известное выражение: социализм – это когда в магазинах пусто, а в холодильниках густо. Да, это парадокс. И породила этот парадокс негодная система потребительского распределения, негибкое ценообразование и такое же негибкое, а порою просто идиотское, дуболомное планирование.

К примеру, складные зонтики были в дефиците почти везде, а в северных регионах ими были завалена вся торговая сеть. Зимние женские шубки можно было без труда купить в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, а на Урале, в Сибири их днём с огнём не найдёшь. Вот яркий штрих. В центре болгарского города Варна был книжный магазин, носящий имя Маяковского. Туристы из Союза вывозили оттуда подчистую книги, которые в самом Союзе невозможно было купить. Или вот такая деталь. В одной из журналистских командировок зашёл в универмаг степного районного центра Тальмен-

ка Алтайского края. Весь торговый зал был увешен импортными новомодными куртками «Аляска». А местным жителям такие куртки до лампочки, они спрашивали, когда фуфайки завезут. В селе фуфайки и кирзовый сапоги были в дефиците. Что же это за политика такая была!

В студенческую пору лично я пока не задавался подобными вопросами. Восприятие жизни было на уровне спонтанных эмоций, а не серьезных, подкреплённых знаниями, размышлений. Преподавали нам, надо сказать, хорошо. Особенно выделялся Владимир Александрович Чичиланов, журналист, прошедший школу собкора в «Учительской газете» и секретарскую работу в «Уральском рабочем». На кафедре теории и практики печати он был, пожалуй, самой авторитетной и влиятельной фигурой. Студенты его панически боялись. За технику газеты (он преподавал именно этот непростой предмет) Владимир Александрович спрашивал, как говорится, по полной. И всегда добивался, чтобы студент обязательно освоил науку газетной вёрстки, планирования номера, разбирался в технологической цепочке от журналистского блокнота до печатного цеха.

Ко мне Чичиланов относился по-другому, чем к моим однокурсникам. Возможно потому, что признавал мой микроскопический опыт работы в газете до поступления на журфак. Он же стал руководителем моей практической дипломной работы и оценил её на «отлично». И как я понял однажды, он продолжал следить, как я проявляю себя в должно-

сти разъездного корреспондента в газете «Уральский рабочий».

После моей очередной публикации он позвонил и сказал, что напрасно в статье я дал негативную оценку человеку, прошедшему войну с фашисткой Германией от первого до последнего дня. Суть в чем. В одной неблагополучной сельской семье во время родительской попойки кипятком обварился ребёнок. Пьяная мать бросилась за помощью к односельчанам, чтобы доставить мальчика в районную больницу. Один мужик отказался, другой. Уж очень опостылела всем эта пьяная семейка. Отказался и фронтовик...

Для меня этот факт показался особенно выигрышным. И я стал «раскручивать мораль» вокруг этого эпизода. Статья получилась вроде бы звонкой. Но... с изъяном. Мне нужно было бы понять причины такой бесчеловечной реакции сельчан, а я ушел в морализаторство, стал стыдить и воспитывать людей, за спинами которых такая сложная противоречивая жизнь. Досталось и фронтовику. Он, дважды горевший в танке, вытащивший на себе товарища с поля боя, в этой ситуации проявил почему-то необъяснимую отстранённость. Вот в этом и надо было бы разобраться, не называя, возможно, фамилии человека.

Чичиланов, прочитав эту статью, сразу увидел её слабость и не деликатность в трактовке фактов и прямо сказал мне об этом. Его правоту я принял не сразу и только спустя годы, я признал, как глубоко он чувствовал и понимал слово.

В семидесятые годы на журфаке УрГУ состав преподавателей был, как сказали бы сейчас, премиальным. На лекциях Людмилы Михайловны Майдановой студенты замирали от внимания и удовольствия. Она преподносила русский язык так, как будто мы открывали для себя досель неведомый, но долгожданный мир, а для подкрепления своих теоретических высказываний по стилистике языка использовала тексты из «Мастера и Маргариты» Булгакова.

Любимцем всего факультета был Валерий Маркович Паверман. История зарубежной литературы в его лекциях воспринималась нами как галерея потрясающих литературных образов. Валерий Маркович был нами любим ещё и за то, что он никогда никому на экзаменах не ставил «неуд». И не обращал внимания на шпаргалки. Наоборот, он поощрял использование шпаргалок, считая, что студент, заготовивший «шпоры», уже поэтому кое-что знает и заслуживает положительной оценки.

С Валерием Марковичем мы продолжали общаться и после окончания университета. Иногда после лекций он заходил в редакцию «Уральского рабочего», мы наскоро накрывали в укромном уголке столик и под рюмку чая он рассказывал еврейские анекдоты. С виду веселый, неунывающий, он иногда впадал в мимолётную грусть и говорил: вот обзаведусь дачей и с этим (он показывал на бутылку) поаккуратнее буду.

Разумеется, что профильным предметом у нас была тео-

рия и практика партийной и советской печати. Преподавала нам эту мудрость (говорю об этом без всякой иронии) Любовь Ивановна К. Она же у нас вела спецкурс «Редакторская деятельность В.И.Ленина» и спецсеминар «Вопросы социалистического соревнования и печать».

Не знаю, она сама глубоко ли вникала в то, что пыталась до нас донести. Все её теоретические мысли блуждали вокруг знаменитой ленинской формулировки: газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. И эта ленинская мысль в разных вариациях нудно, с ударной интонацией повторялась из лекции в лекцию без соотнесения с историческим контекстом, без дополнительного разъяснения, что функции печати расширяются и изменяются по мере развития самого общества и самой государственной системы.

Не удивительно, что многие мои сокурсники старались увильнуть от таких лекций, а если застревали в аудитории, то дремали или перебрасывались записочками. Курс был неровный. Если Александр Пашков, Юрий Ермаков, Сергей Рыков, Анатолий Джапаков, Михаил Чирков, Любовь Шаршавова, Лев Селезнев, Геннадий Чугаев и ещё несколько человек заметно выделялись своей энергичностью, всевозможными инициативами, то другие, как мышки, были тихи и незаметны.

Были и такие, которые вели себя отчужденно: общение с курсом воспринимали как вынужденное и временное. Кста-

ти, о них и память не сохранилась, да и они в своей памяти не оставили места студенческим годам. Одна из наших сокурсниц, которую хотели пригласить на встречу выпускников, холодно, если не зло, отчеканила: «Забудьте мой телефон. То, что я с вами училась, это еще не повод для продолжения знакомства».

Спустя годы, я пытался отследить судьбы моих однокурсников. Многие из них журналистами так и не стали. Нашли применение своим талантам в других сферах. Но почти все парни и девушки, которые считались костяком курса, неплохо проявили себя в газетах, на радио, телевидении и в пиар-агентствах. Не касаюсь их политических убеждений и нравственных принципов. Но как профессионалы, овладевшие ремеслом журналистики, они, конечно же, состоялись.

Продолжаю разговор о наших преподавателях. Были среди них подлинные педагоги, которые стремились разбудить в нас желание осмысливать жизнь и ничего не воспринимать на веру. Конечно, они не были с диссидентским уклоном, но не боялись привить нам критический взгляд на происходящее.

Историю русской литературы нам читал Иван Иванович Грибушин. Как раз в это время был лишен гражданства и выслан из страны Александр Солженицын. В СМИ с подачи ТАСС об этом было сказано очень скупо. А публичные разговоры вокруг его имени если велись, то, разумеется, с осуждением его личности.

Моё знакомство с творчеством этого писателя ограничилось повестью «Один день Ивана Денисовича» и рассказом «Матренин двор». И когда в своей лекции Иван Иванович Грибушин вдруг повел речь о книгах Солженицына, появившихся за рубежом (к тому времени на западе вышли только два его романа «Красное колесо» и «В круге первом») я сразу наострил уши: что же он скажет?

Ничего плохого, ничего осуждающего не сказал. Но отметил только то, в чём я сам, по своему восприятию, убедился только спустя годы. Солженицын, заявил наш преподаватель, слабый писатель, стиль изложения громоздкий, язык утяжелён вычурными неологизмами, чувствуется претензия на оригинальность, что лишает повествование естественности и простоты.

Меня, честно скажу, это обескуражило. Не раз перечитывал «Ивана Денисовича». Повесть как раз покоряла образным и лаконичным языком. Не говорю уже о том, что она вскрыла гигантский пласт жизни людей за колючей проволокой в годы сталинских репрессий. Почему же последующие произведения Солженицына страдали слабой литературной техникой и отсутствием авторского своеобразия? По каким же книгам судить о нем как о художнике?

Мне думается, что к литературной отделке «Одного дня Ивана Денисовича» приложили руки опытные редакторы журнала «Новый мир». И в первую очередь Александр Трифонович Твардовский. Нигде напрямую об этом не гово-

рится. Упоминается лишь то, что с текстом пришлось по-
возиться, чтобы не цеплялась цензура. И так вышло, что по-
весть «Один день Ивана Денисовича», пожалуй, единствен-
ное у Солженицына художественное произведение с яркими
литературными достоинствами. Остальные книги автора (и
прежде всего «Архипелаг Гулаг» – это скорее гибрид разных
жанров, не лишенных какой-то документальной основы под
соусом беллетристики.

Сам Солженицын назвал свой объёмный труд о Гулаге
«опытом художественного исследования», тем самым как
бы заранее оправдывая себя в неточностях, непроверенных
фактах, проще говоря, во вранье.

Жизнь Гулага, в котором перемалывались судьбы мно-
гих и многих людей не была монопольным предметом доку-
ментального и художественного исследования только одно-
го Солженицына. О лагерях писали Евгения Гинзбург (мать
Василия Аксёнова), Варлам Шаламов, Олег Волков, Георгий
Жженов, Ефросиния Керсновская, Борис Ширяев, Лев Раз-
гон, Василий Ажаев, Зара Веселая (дочь писателя Артема
Весёлого) . Причем их произведения отличаются не только
высоким литературным качеством, но и точностью в отобра-
жении тюремной и лагерной жизни.

Почему же тогда именно Солженицын признан едва ли не
единственным лагерным Пименом? Ведь с этого признания
и началось его восхождение к образу «совести нации». Нач-
нем с того, что Н.С. Хрущёв произвёл своего рода рукополо-

жение, дав добро на публикацию повести «Один день Ивана Денисовича». Это был, конечно же, политический акт, а не оценка повести как литературного явления. Слово верховного руководителя страны вызвало, как у нас водится, шквал одобрения и восхваления. А потом, когда Солженицын, в открытую вступил на тропу антисоветизма, начался такой же шквал осуждения и развенчивания. С уничтожением СССР оценка Солженицына опять сменилась с минуса на большой плюс.

Думается, Александр Исаевич трезво оценивал свое литературное дарование, и он понимал, что остаться на пике общественного мирового внимания ему позволит только скандальность. И он умело бузил. Клеветнический миф о том, что Шолохов не является автором великого «Тихого Дона» именно Солженицын раскручивал с бешеной энергией. Потом с такой же энергией, уже на Западе, стал призывать к крестовому походу против страны Советов. Позже ему стали приписывать призыв к атомной бомбардировке СССР. Солженицын, въехав в ельцинскую Россию на белом коне, естественно, стал отрицать приписываемые ему слова, якобы выдернутые из контекста.

Мое интуитивное недоверие к этой личности усилилось и получило разумное объяснение после знакомства с критическими произведениями писателя, фронтовика Владимира Бушина. Его книга «Гений первого плевка» разбирает жизнь, творчество и политическую деятельность Солжени-

цына по косточкам. В свое время Владимир Сергеевич Бушин (уже признанный литературный критик) в воронежском литературном журнале «Подъем» отозвался добрым словом о повести «Один день Ивана Денисовича». Между автором повести и критиком на первых порах возникла теплая творческая переписка, что, впрочем, позднее не помешало Александру Исаевичу не вспомнить, кто такой Бушин вообще...

... Вот так под впечатлением от лекции преподавателя УрГУ И.И. Грибушина у меня возник устойчивый интерес к личности Солженицына, к его творчеству и его судьбе. И это как раз в тот момент, когда писатель подвергся не только гонению от брежневской власти, но и беспощадному общественному остракизму. А потом – снова вознесение чуть ли не к пророческой личности. Но ведь верно говорят: только время расставляет всё на свои места. Пройдет много лет, чтобы сами люди разобрались, кто есть кто.

В Кисловодске недалеко от железнодорожного вокзала стоит памятник Александру Солженицыну работы Зураба Церетели. Памятник, на мой взгляд, весьма странен. Апостольская фигура, бронзовая сутана до пят и воздетые вверх руки с неестественно длинными пальцами-щупальцами. Вот и гадай: какую идею вложил Церетели в этот памятник?

Кисловодск в любое время года запружен людьми. Отдыхающие, туристы, гости города толпами осаждают дачу Шаляпина, музей-усадьбу художника Ярошенко, дворец, где укрывалась от революционных бурь Матильда Кшесинская.

Много в этом замечательном городке паломнических мест. Только один памятник обходят вниманием люди – это памятник Александру Исаевичу. Конечно, дежурные экскурсии бывают и к нему. Но не более...

XXX

Студенческая жизнь на дневном отделении текла для меня лениво и однообразно. Учеба не доставляла больших хлопот. И когда в 1975 году родился сын Павел, я решил перейти на постоянную работу в областную газету «Уральский рабочий», где меня уже знали. В ту пору это была, пожалуй, самая крупная и самая авторитетная из областных, краевых и республиканских газет страны. Её подписной тираж достигал вместе с розницей почти семисот тысяч экземпляров. Нечего и говорить, как я мечтал попасть именно в такую газету, где работали настоящие асы журналистского дела. Но моё знакомство с «Уральским рабочим» произошло ещё раньше, причём при забавных обстоятельствах.

Это было весной 1972 года. В ожидании вступительных экзаменов на факультет журналистики, я подрабатывал слесарем на прокладке загородного газопровода. Бригада состояла из очень колоритных мужиков, и очерк о них сам просился в газету. С жизнеописанием этого коллектива в мартовский субботний денёчек я отправился в редакцию «Уральского рабочего». Там, на одном из этажей, меня пе-

рехватил то ли бдительный вахтер, то ли такой же бдительный корректор, вышедший на перекур. Пока мы объяснялись, куда, зачем и к кому, в коридорном просвете нарисовалась ещё одна фигура. Развалистой боцманской походкой подошёл к нам коренастый широколобый человек и спросил: что за шум, а денег нет? Выслушав меня, он коротко сказал: это ко мне!

Так я оказался в кабинете заведующего промышленным отделом редакции Николая Петровича Широкова. Он начал читать мою тетрадку совершенно с равнодушным видом. Один раз взял перерыв в чтении, подошел к шкафчику, что-то там выпил и похрустел кусочком сахара. Закончив изучать мой труд, хозяин кабинета откинулся на спинку стула и строго сказал: всё ясно, берем тебя собкором.

От неожиданности я чуть не задохнулся. Покашляв, переспросил: каким собкором? Николай Петрович подошел к висящей на стене карте Свердловской области, властно скрестив за спиной руки. В такой позе он стал похож на командующего фронтом.

– А вот мы тебя куда кинем, – он ткнул пальцем в карту, – Краснотурьинск, Серов... Ну, и так далее.

Мне это показалось какой-то дикой фантазией. И тут я заметил, что Николай Петрович находится в таком приподнятом настроении, когда на тебя работает вся ликероводочная промышленность. Не давая опомниться, Широков деловито осведомился: документы в порядке?

– Так ведь я ещё даже не студент, Николай Петрович!

– Нам не дипломы нужны, а пишущие люди, хорошие перья, – урезонил он меня.

Безумно польщенный, но одновременно сохраняя рассудок, я робко заметил, что у меня нет опыта работы в таких солидных газетах.

– Обучим, натаскаем!

– Но мне и жить пока негде.

– В общежитие устроим!

И тут я вспомнил.

– Николай Петрович, ничего не выйдет. Собкор должен обязательно состоять в партии. А я пока лишь комсомолец...

Широков нахмурился, долго пережевывал мою реплику, снова что-то выпил, закусив сахарком, и со вздохом сказал:

– Да-а, а вот здесь я ничего не могу сделать. Обстоятельство непреодолимой силы... Ладно! В среду читай свой очерк на второй странице.

Точно в среду аккурат на второй полосе «Уральского рабочего» вышел мой очерк под заголовком «Один день бригады». И вот через несколько лет я был принят в редакцию на должность корреспондента отдела писем. Каждый раз, встречая меня в редакционном коридоре, Николай Петрович Широков поднимал вверх указательный палец, словно напоминая: не забывай, чей ты крестник.

Работа в газете «Уральский рабочий» в моей биографии, как я думаю, была самым главным журналистским универси-

тетом и жизненной школой. В отделе писем, куда меня определило руководство редакции, дел было невпроворот. Ежедневно на стол регистраторов почты вываливалось до пятидесяти писем от читателей газеты. Дежурный корреспондент должен был каждое письмо прочитать и определить, куда его направить. Как правило, жалобы, просьбы, какие-либо критические сигналы мы переадресовывали в соответствующие инстанции – в областные отраслевые управления, райкомы партии, райисполкомы, органы милиции, прокуратуру. Письма, которые представляли интерес уже для самой газеты, направлялись непосредственно в отделы редакции.

К концу дня от этой почты голова шла кругом. Единственная отрада – это возможность «зажилить» для себя какое-нибудь интересное письмо для командировки. Особенно острый нюх на такие письма был у Риммы Старковой (Печуркиной) – одной из лучших журналистских перьев редакции. В отдел писем часто заглядывал Борис Васильевич Воробьев. Из редакционной почты он умело выуживал факты для своих зубодробительных фельетонов, которыми зачитывалась вся область.

В минуты отдыха, обалдевшие от читки писем, мы часто рассуждали по поводу характера редакционной почты. Могу точно сказать, что в письмах никаких славословий в адрес партии и правительства не было. Люди в основном жаловались на безобразия, творящиеся на предприятиях, в городском хозяйстве, торговле, медицине, бытовом обслужи-

вании. В общем, типичный набор обращений трудящихся.

Большую часть почты занимали письма по жилищным вопросам. Вот образец, сохранившийся в моем архиве. «Уважаемая редакция, я слесарь-инструментальщик с двадцатилетним стажем. Стою в очереди на квартиру уже двенадцать лет. С начала постановки на очередь был пятидесятым в списке. А сейчас вдруг оказался на семьдесят первом месте. Это как же понимать?».

Помню, на это письмо, которое мы направили в заводоуправление и профком предприятия, пришел довольно убедительный ответ. Этот слесарь, оказывается, несколько раз появлялся в цехе пьяным, были прогулы. Вот его и наказали так, передвинув в очереди на квартиру.

Привел этот пример вовсе не для того, чтобы показать, что большинство писем были такие. Увы, почти в каждом конверте – крик отчаяния, боль обиды, униженное достоинство. Помнится, один из сотрудников редакции, хохмач по натуре, сказал: с мешком таких обличительных писем можно смело линять за бугор, примут с распростертыми объятиями и хорошо заплатят...

Разумеется, это было воспринято между нами, как неудачная шутка. Ведь за одно такое высказывание могли последовать крупные неприятности. Сотрудники местного управления КГБ изредка заглядывали в отдел, пересматривали вороха почты, что-то искали. А искали они вот что. В партийные и советские органы приходили и такие анонимные

письма, в которых содержались проклятия и угрозы в адрес власти или конкретной чиновничьей персоны. Почерк анонимщиков сверяли с почерком авторов таких писем в редакции газет. И ... находили совпадение. Ну, а дальше принимались против таких незадачливых анонимщиков профилактические меры в виде нравоучительных бесед и суровых предостережений.

Вообще с письмами в органы власти в те годы обращались не то что бережно, а с вынужденным вниманием. Едва ли не каждый год выходило совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о работе с письмами и обращениями трудящихся. Посыл всегда был такой: ни одно письмо, ни одна жалоба не должны остаться без внимания, а критические сигналы – без тщательной, всесторонней проверки. Но эти директивные постановления, коль они повторялись из года в год, многими чинушами и бюрократами воспринимались с прохладцей, если не тупо игнорировались. Иногда, правда, в назидание другим, кого-нибудь снимали с должности «за грубые упущения в работе с письмами». Но это в корне дело не меняло.

В грудах редакционных писем, конечно, хотелось найти какой-нибудь позитив, что послужило бы поводом для хорошей корреспонденции или очерка. Однажды во время недельного дежурства по отделу мне попало письмо некой гражданки, представившейся гостем славной уральской столицы. Она с восторгом писала о таксисте, который не про-

сто незамедлительно остановился на взмах руки, а вызвался быть гидом во время поездки по городу. Заканчивалось это письмо такой фразой: при этом таксист отказался от чаевых, взял строго по счетчику, копейка в копейку!

Чтобы понять, как я обрадовался этому письму, напомню, что в позднем СССР таксисты были королями городских дорог. Остановить машину с зелёным огоньком было просто невозможно. А если вдруг улыбнётся удача, то водитель запрашивал три-четыре цены за поездку. Фельетонисты на эту тему исписали тонны бумаг, источили тысячи перьев. Но ничто не поколебало могущество таксистской рати. А тут – такое письмо! И я жадно, стремительно заглотил крючок.

Очерк «Зеленый огонек светит всем» стал итогом двухдневного общения с моим героем. Публикация стала для таксиста судьбоносной в полном смысле этого слова. Через месяц его назначили бригадиром, спустя небольшое время – начальником контрольно-ревизионного отдела всего таксомоторного объединения. И вдруг выясняется, что автор того письма в редакцию – вовсе не гость нашего города, а близкая подруга таксиста. Короче говоря, ловко состряпали ему имидж с моей журналистской помощью.

Мне было стыдно признаться в этом в редакции. Я нашел другой способ исправить ошибку. Поехал в партком таксомоторного объединения. Секретарь парткома Куницын согласился со мной: да, история нехорошая. Она и нас, сказал он, касается, доверились хвалебной публикации не где-ни-

будь, а в главной партийной газете Свердловской области. Но не мучьте себя, успокоил он на прощание, мы этого хлюста потихоньку вернём на землю.

Чуть позже с этим секретарем парткома разговорились о том, что может в принципе изменить транспортное обслуживание горожан? Улучшить его, сделать доступным и комфортным. Собеседник после осторожного обмена мнениями осмелел и вдруг сказал: ничего не добьёмся, пока наряду с государственными транспортными предприятиями не создадим частные или кооперативные. Будет конкуренция, будут бегать за пассажирами, а не они за ними. Да и розничную торговлю, общепит, бытовое обслуживание тоже можно отдать в частные руки – продолжал развивать свою мысль собеседник. Социализм от этого не пострадает, а только выигрывает. Спohватившись, секретарь парткома заметил: «это я в порядке дискуссии, наверху виднее, чем нам ...».

Этот разговор запал в мою память и душу. Подобные рассуждения я стал слышать и от других думающих людей. Это было время семидесятых годов, когда железобетонные лбы в руководстве страны догматично трактовали социалистические идеи, исключали любую гибкость в управлении экономикой, её многовариантность. Рассматривали это как ревизионизм, отступление от марксистско-ленинского учения. Это потом, десятилетием позже, стали на всех углах цитировать высказывание китайского мудреца Дэн Сяопина о том, что не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мы-

шей. А тогда подобные вольные мысли у нас, в СССР, могли плачевно отразиться на твоей личной судьбе.

И всё равно ростки обновления пробивалась сквозь укатанный асфальт. Сама жизнь наводила на мысль о том, что катализатором дальнейшего развития экономики и всей социальной системы является многоукладность народного хозяйства, передача в частные руки обслуживающие функции. В очередной раз, готовя критическую корреспонденцию о безобразиях, творящихся в грузовых транспортных агентствах, я при сборе материала столкнулся с молодыми мужиками, которые в частном порядке помогали горожанам перевозить мебель. Это называлось, как известно, халтурой. Хотя никакой халтуры в прямом смысле этого слова не было. Они работали на совесть. Но и денежки, соответствующие запрашивали.

Возглавлял эту группу мужиков некто Батанов. Молодой, высоченный парень, попахивающий импортным дезодорантом и говорящий исключительно на правильном литературном языке. И он мне доходчиво, напористо разъяснил, что их работа более качественна, более оперативна и при этом дешевле, чем у государственного предприятия. Корреспонденцию я так и озаглавил «Батанов против трансагенства», надеясь, что её публикация заставит кое-кого задуматься. Но вместо этого руководство областного объединения «Свердловсктрансaгенство» направило в правоохранительные органы письмо с требованием, чтобы они приняли соответству-

ющие меры против «левых» перевозчиков.

Частые командировки по городам и сельским районам Урала сводили меня с замечательными людьми, чей труд заслуживал высокой общественной оценки. Но не всегда удавались мне очерки о них. Очевидно, как и многие мои коллеги, я тогда не утруждал себя проникновением в психологию их поступков, не вникал в мотивацию их поведения. Портреты героев писались исключительно радужными красками, хотя их судьбы были куда сложнее и драматичнее, чем мы представляли.

В одной из командировок в Артинской район Свердловской области я решил побродить по селу без сопровождающих, которых всегда приставляло районное начальство к журналисту. В ремонтных мастерских познакомился с Геннадием Михайловичем Коневым – человеком средних лет со свежей наружностью. Слово за словом, и я узнал немало любопытного. Геннадий Михайлович, оказывается, когда-то учился в политехническом институте в Свердловске, чуть ли не в одно время с Б.Н. Ельциным. Бросил учебу на третьем курсе, вернулся в родное село Манчажское. Не пьёт, не курит. Да такой мужик у здешних запоздавших невест должен быть нарасхват! Но он семьёй так и не обзавелся. И на работу был не скор.

– Вы напрасно мной так интересуетесь, – сказал мне Геннадий Михайлович. – Я не герой вашей писанины. Лодырь я! Всё село об этом знает.

Как говорится, «чуйка» мне подсказала, что знакомство с этим лодырем выводит меня на очень сложный публичный разговор. И задержался в этой поездке ещё на два дня. Узнал, что в селе к Коневу прилипла кличка «немец», что он равнодушен к деньгам. Что у него в доме все разложено по полочкам, и не дай Бог нарушить кому-нибудь этот порядок.

А лодырем его окрестил директор совхоза только за то, что Конев, будучи комбайнером, когда-то отказался валить хлеб в авральном порядке. Он так и заявил директору: вы подготовку к уборке заболтали, а теперь хотите взять нахрапом, ночной работой. В общем, Конева записали в диссиденты местного масштаба, да ещё называли лодырем.

Очерк не вытанцовывался, критическая корреспонденция тоже. За что осуждать-то Конева? И я написал статью «Тихий ход». Да, Конев не энтузиаст, на абордаж, где надо и не надо, не идет. Трудится размеренно, с виду даже с ленцой. А в холостяцком хате, где его никто не видит, колдует в своей домашней слесарной мастерской. Из ржавых железяк, подобранных на деревенских захламленных дорогах, вытачивает разный слесарный инструмент: молотки и молоточки, щипчики, плоскогубцы, отвёртки... И все это красиво разложено по полочкам. Немец ведь!

Тихий ход... Но ведь правильно в народе говорят: тише едешь, дальше будешь. Сосед Конева, такой же механизатор, шумливый, вёрткий, руками машет как мельница крыльями, у начальства пользуется благорасположенностью. А почему?

А что не поручишь, за всё хватается, но делает это через пень-колоду. А Конев, видите ли, лодырь. И только потому, что у него есть своё мнение, часто неуютное руководству хозяйства. Что он к делу подходит не с наскока, а вдумчиво, не торопясь...

Вот этот случай навел меня на размышления о том, как мы небрежно, похабно относимся к самой великой нашей ценности – к человеку. Не утруждаем себя разглядеть в нем его «эксклюзивные» качества, ценные не только для него, но и для всех нас. Поэтому-то многие люди в жизни оказываются не на своем месте. А если это место руководящее, то тогда не оберёшься беды. Так невольно разговор подвел к негодной кадровой политике, когда выдвигаются на ответственные должности люди, не обладающие необходимыми достоинствами.

Не знаю, как отреагировал на эту статью наш главный придирчивый читатель – Свердловский обком партии во главе с Б.Н. Ельциным. Но заместитель главного редактора газеты Арнольд Вениаминович Уряшёв, прочитав материал уже в газетной полосе, одобрительно сказал: тонкая тема, и мне кажется, ты с ней справился. С этими словами он протянул мне коллективное письмо, присланное их пригородного совхоза «Свердловский». Посмотри, сказал он, проверь все факты до косточки, прежде чем писать.

Я прочитал письмо и понял, что не зубам оно мне. Нет, не

мне, а нашей уважаемой газете. Речь шла о барском отношении к людям директора Владислава Тимофеевича К. Директор – то был не простой. Хозяйство, которое он возглавлял, было хорошо организованным, высокорентабельным, призом всесоюзных производственных соревнований. Разумеется, и сам директор был не обойден наградами. В общем, заметная и влиятельная фигура на Урале.

Но главное, что мешало подобраться к нему, было в другом. Владислав Тимофеевич был на короткой ноге с руководством обкома партии и облисполкома. Пригородный совхоз снабжал столы заказов и буфеты этих высоких учреждений наисвежайшей и качественной продукцией – без всяких там химикатов. В хозяйстве, как судачили всезнающие языки, для этих целей держали специальные фермочки дойных коров и для откорма бычков.

Но, согласитесь, это ещё не повод для зубодробительного газетного материала. Суть жалобы рабочих совхоза заключалась в другом. Директор ведет себя как собственник совхозных угодий. Захочет – отберет чей-нибудь огород, отнимает у детворы полянку, где они играют, и запашет её. С людьми разговаривает через губу. Пенсионеров с их законными просьбами даже на порог кабинета не пустит...

Для меня эта история осложнялась ещё тем, что в совхозном поселке жили родители моей жены – педагоги, ветераны народного образования Федор Васильевич и Анастасия Кирилловна Никитины. Их бытовые проблемы напрямую зави-

сели от благосклонности директора. В частности, у него на рассмотрении лежало их заявление на установку городского телефона. Они догадывались, зачем я зачастил в совхоз и встречаюсь с рабочими. Зная мой характер, они поняли, что телефона им теперь не видать.

Я принялся собирать материал. Ушло на это больше недели. Встретился не только с авторами письма в редакцию, но и со специалистами хозяйства, пенсионерами, когда-то работавшими в совхозе. Рассказанное ими я просил подкрепить росписью в моём блокноте, чтобы потом не было отказа от своих слов...

И вот я в директорском кабинете. Рассказываю о письме, о том, что стало мне известно от механизаторов, овощеводов, животноводов. Владислав Тимофеевич молча, снисходительно слушает. Потом долго говорит в трудностях директорской работы, о неблагодарных людях, которые думают только о себе. О первых лицах области, которые часто навещают хозяйство, одобрительно оценивают его деятельность...

Я чувствую, что проникаюсь даже симпатией к этому человеку- трудяде. Он действительно успешный управленец. И он действительно заслуживает жить в двухэтажном коттедже, который построил для него совхоз. Но почему людям, таким же работягам, он отказывает в маломальском внимании? Мне бы знать тогда, что в образе Владислава Тимофеевича отражается зарождающаяся хищная сила, и придет вре-

мя, она легализует свои устремления к жизни, построенной на их частнособственнических инстинктах. Для таких, как Владислав Тимофеевич, социализм был уже в тягость, они устали бежать за призраком всеобщего благоденствия. Они желали благоденствовать уже сейчас, без страха перед общественным осуждением и без страха перед законом. Это значит, что им нужно строить государство и другое общество под себя...

Подготовленная статья под названием «Что скажут люди» лежала в секретариате, как мне казалось, без движения. Я, видимо, плохо представлял тогда закулисную часть редакционной жизни. Материал, конечно же, изучал по строчкам редактор Иван Степанович Гагарин. Уходя в отпуск, он, как я понял, поручил своему заместителю А. В. Уряшеву опубликовать его во время редакторского отсутствия. Статья дважды выставлялась в номер и дважды слетала. И наконец, опубликовали.

Официальная реакция была стандартной. На бюро Чкаловского райкома партии г. Свердловска признали факты злоупотреблений служебным положением в личных целях директора совхоза «Свердловский». Ему был объявлен строгий выговор. Наказание тоже стандартное, дежурное. Но оно помешало директору получить высокую государственную награду – орден Ленина. Представление к награде, очевидно, было отозвано.

Обычно после подобных публикаций журналист испыты-

вает одновременно и удовлетворённость, и опустошённость. Уж очень много сил уходит на подготовку критических материалов. А после публикации приходится бороться с опровержениями, доказывать подлинность каждого факта. Иначе дело дойдет до суда. Всё это изматывает, обессиливает. Вот почему Иван Степанович Гагарин, другие руководители редакции требовали от журналистов, чтобы в их блокнотах был запас убойных доказательств и свидетельств как дополнительные важные козыри.

Мало кто из моих коллег становился на тропу войны со всякого рода недостатками, нарушениями закона, злоупотреблениями. И в этом их нельзя упрекнуть. У каждого своя журналистская ипостась. Юрий Борисихин писал потрясающие очерки о сельской жизни. Его потом забрали заведовать отделом публицистики в журнал «Уральский следопыт». Виктор Хлыстун, будущий собкор «Комсомольской правды» в Югославии, радовал читателей тонкими психологическими исследованиями мотивации человека. Владимир Долматов, будущий главный редактор журнала «Родина», писал замечательные статьи на религиозные темы. У каждого был свой почерк, у каждого – свой читатель.

Но гвардейцами газеты безоговорочно считались Борис Воробьёв, Валерий Коршик, Рудольф Шипулин. Это – фельетонисты! Насколько я знаю, в настоящее время на факультетах журналистики не обучают технике сатирических жанров. Само слово фельетон давно вышло из речевого оби-

хода журналистов. Этот газетный и журнальный жанр, как и памфлет, стал анахронизмом, пережитком советского прошлого.

То и дело слышу и читаю, что в Советском Союзе средства массовой информации были полностью под каблуком власти, они не могли даже пикнуть против произвола чиновника, кумовства, расхищения государственной собственности, нарушений законности. Короче говоря, советские СМИ представляются теперь верными охранителями закостенелой государственной системы и застойных социальных отношений. Это, конечно же, выдумки. Что бы там ни говорили, советская печать, действительно, находясь в рамках жестких идеологических ограничений, имела и ярко выраженный критический характер.

«Уральский рабочий» был как раз таким изданием, где редкий номер не обходился без фельетона или подборки сатирических заметок. Причем объектом критики были не дворники, не ресторанные официанты, не таксисты, а чиновные люди, руководители предприятий, государственных учреждений. Конечно, были и такие журналисты, которые заглядывали в рот любому начальнику. Их и журналистами никто не считал. Один из таких газетчиков из свердловского вечернего издания, заведующий отделом городского хозяйства, даже не скрывал, что он бесплатно столуется в ресторанах и кафе города. Так его благодарили за «теплое отношение» к труду предприятий общественного питания и тор-

говли. Уже в девяностые годы этот журналист распинаялся на всех перекрёстках, что в советское время критике не давали хода.

Фельетон в «Уральском рабочем» всегда стоял на первом месте. И королем этого жанра был Борис Васильевич Воробьёв. Сложный по характеру человек, но его ценили за его талант и бескомпромиссность. Мне довелось несколько раз бывать в командировках вместе с ним и готовить к публикации совместные статьи. Поражался, как он умел сходу находить точное, простое слово, а факты преподносил, не искажая их смысла, в острой сатирической огранке.

Три наших фельетониста – Борис Воробьёв, Валерий Коршик и Рудольф Шипулин – были гордостью газеты, уральской журналистики, но и много хлопот, тревог доставляли руководству редакции. Валерий Коршик выдал очередной фельетон на тему кадровой политики, после чего ему пришлось объясняться в партийных инстанциях. Я до сих пор помню, какой остроумный ход нашёл фельетонист. В редакцию газеты позвонил солидный басовитый голос и настойчиво попросил: напишите про меня фельетон, покажите, какой я нечистый на руку человек, что я лицемер, лизоблюд и вообще, последний поганец. Факты? Не волнуйтесь, фактами я вас обеспечу...

Журналист спрашивает: зачем вам это надо, дурной славы захотелось? А вот затем, говорит солидный бас, что надо мне расти по служебной лестнице, задержался, понимае-

те ли, в заместителях... Этот фельетонный намек возбудил гневное недовольство в различных инстанциях. Стали требовать доказательств того, что в руководство выдвигаются недостойные люди. А доказательств искать не нужно было. Всё чаще и чаще фигуранты острых критических публикаций, получив традиционный «выговор с занесением в личное дело», через короткое время всплывали в новом начальственном обличье. Правда, ещё не доходило до того, когда человек с уголовным прошлым становился первым претендентом на высокую руководящую должность. Это стало обыденным делом уже после свержения советской власти – после криминальной революции, как точно назвал этот переворот Станислав Говорухин.

Бойкость наших фельетонистов приносила все больше огорчений редактору «Уральского рабочего» Ивану Степановичу Гагарину. Он не мог и не желал по своему характеру, по своим партийным убеждениям, обуздать острые перья. Напротив, редактор недовольно хмурился, если в готовящемся номере не находил «гвоздя» – фельетона или статью на злободневную тему. Выученик старой партийной школы, Иван Степанович считал критику мощной очищающей силой, а журналистов с критическим анализом жизни старался опекать и поддерживать.

Фельетон «Косари в командировке» Валерия Коршика появился в центральной газете «Правда». Пожалуй, с этого момента начали тикать часы об отставке Ивана Гагари-

на с должности главреда «Уральского рабочего». О фельетоне. В 1977 году выдалось катастрофически засушливое лето. Для заготовки сена и сенажа отправляли косарей в соседние области. Из Нижнего Тагила в Тюменскую область выехал сводный отряд рабочих. Косари там в свое удовольствие по пьянствовали, и, чтобы отчитаться за самоотверженную работу, ловко состряпали приписки.

В «Уральском рабочем» фельетон завернули автору. Понимали, что один из организаторов этого пьяного сенокосного десанта Юрий Петров, ставший к тому времени вторым секретарем обкома, костыми ляжет, но публикации не допустит. И нечего ввязываться в драку. Тогда Валерий Степанович Коршик отправил фельетон в центральную «Правду». Выходец из «Уральского рабочего» фельетонист газеты «Правда» Валентин Федорович Прохоров быстренько подготовил материал и вскоре, прямо в канун Нового года, его опубликовали.

Как вспоминал позже Валерий Коршик, обком партии, возглавляемый Б.Н. Ельциным, сделал всё, чтобы опровергнуть факты, изложенные в фельетоне. Членов бюро обкома прежде всего возмутило то обстоятельство, что автор публикации не член партии. Значит, он не имел никакого права (!) критиковать партийных руководителей. В общем, всё шло к тому, чтобы опровергнуть публикацию и строго наказать клеветников...

В этом сумасбродном настрое чувствовалась властная ди-

рижёрская рука первого секретаря обкома Б.Н.Ельцина. Он недавно возглавил партийное руководство Свердловской области и ему претила сама мысль, что в его епархии могут происходить какие-то непорядки. Но так вышло, что опубликованный в «Правде» фельетон прочитал главный идеолог и по совместительству главный пуританин страны Михаил Андреевич Сулов. Он распорядился создать специальную комиссию с выездом в Свердловск. Бодаться с этой комиссией ельцинскому обкому было не по зубам. Ведь в неё входили руководители отделов ЦК, комитета народного контроля, заместитель Генерального прокурора и другие ответственные работники.

И всё-таки этот злосчастный фельетон вышел боком для Ивана Степановича Гагарина. В обкоме после отъезда московской комиссии сочинили вот какую загогулину: а почему этот материал не был опубликован в областной партийной газете? Зачем надо было прибегать к услугам «Правды» и, следовательно, выставлять «опорный край державы» на посмешище всей страны? И вlepили Ивану Степановичу строгий выговор «за политическую недалёковидность».

В редакции, я думаю, не было ни одного человека, который бы не переживал за судьбу своего редактора. Мы чувствовали, как сгущаются над ним тучи. Все чаще ему звонили из обкома с указаниями, как и о чём писать. А когда секретарь обкома по идеологии В.Житенев потребовал от редактора опубликовать полностью (не в изложении, как было

раньше) речь Б.Н. Ельцина на каком-то очередном второстепенном совещании, Иван Степанович не выдержал и решил объясниться с первым секретарем. Разговор состоялся на ходу в коридоре обкомовского здания. Ельцин, тонко поджав губы и сцепив зубы, резко бросил: не нравится, уходите!

Не думаю, что эта история имела частный характер. Она отражала новое явление в недрах КПСС. Незаметно, подспудно в руководящих структурах менялось само отношение к критике как таковой. Это мы чувствовали по реакции на критические публикации. Обнародованные факты злоупотреблений теперь не проверяли со всей тщательностью, а искали какие-нибудь зацепки, чтобы их опровергнуть. И как правило, под лупой изучали биографию самого автора, искали темные пятна его жизни.

Не знаю, в каких кабинетах зародилась эта иезуитская мысль, но теперь партийные, государственные и хозяйственные деятели, говоря о газетной и журнальной критике, требовали, чтобы автор, вскрывая недостатки, одновременно предлагал пути их исправления. Только такую критику можно считать конструктивной. А иначе нечего мутить воду... Было ясно, что теперь критический анализ жизни (а он неизбежно касался и персоналий) вытравливается из общественного сознания, подменяется поверхностной и дежурной отговоркой – «однако и вместе с тем».

Это было особенно заметно по докладам на каких-либо массовых мероприятиях. Докладчик, большую часть своей

речи посвятив достижениям, каким-либо успехам, делал паузу и построжавшим голосом продолжал: однако есть и определённые недостатки... Или: вместе с тем замечаются некоторые недоработки. И вот этот дух непротивления ошибкам, заблуждениям, порочным слабостям человека, оказавшегося в руководящей номенклатуре, стал проникать во все поры жизни.

В очередной командировке в уральское село я побывал на собрании коллектива одного из крупных предприятий областного объединения «Свердловскмелиорация». Докладчик строил своё выступление как раз по этому сценарию. Сначала пафосно воздал должное трудовым победам, а затем со словами «однако и вместе с тем» бегло прошелся по отдельным недостаткам. Накануне как раз эти «отдельные недостатки» я увидел на базовой территории этого предприятия. Мать честная! Весь двор был заставлен раскуроченной техникой, которая ещё недавно вышла с заводских конвейеров.

Мелиорация и культуртехнические работы на селе (комплекс агротехнических приемов, улучшающих плодородие почвы) в те годы были развернуты во всю силу. Отпускались на это гигантские бюджетные средства. Средний Урал, как и другие регионы российского Нечерноземья, остро нуждался в таких работах. Это позволяло расширить продуктивную пашню, укрепить кормовую базу для животноводства, создать условия если не для полного, то хотя бы частичного

самообеспечения этих регионов основной сельхозпродукцией.

Так что программа мелиорации была оправдана и жизненно необходима. И там, где был установлен контроль за использованием выделенных средств, она быстро давала отдачу. Но характер мелиоративных и культуртехнических работ таков, что они трудно поддаются учёту. К примеру, сколько вбухано денег в осушение болот? Или сколько внесено гипса в засоленную почву? Сколько извести вывезли на закисленные поля?

И так во всем! Расчет использованных средств исходил из нормативов, а не реальной работы. Нечего говорить, что этим живо пользовались очковтиратели. Делали на копейку, а отчитывались на рубль.

Конечно, журналисты писали и об этом, справедливо делая вывод, что эти производственные напасти – не порождение якобы несовершенной экономической системы, а результат работы конкретных людей с исковерканным самосознанием и зачастую профнепригодных. Вот такая точно нацеленная критика больше всего была по самолюбию руководителей всех мастей, их жизненному тону. Они желали бы другую критику, таких Гоголей, которые бы их не трогали. То есть критику в целом и общем. И хорошо, чтобы она была не сатирической, а юморной...

В 1977 году редакция газеты «Уральский рабочий», как и все СМИ в стране, обеспечивала всенародное обсуждение проекта брежневской Конституции. В нашу редакцию письма от читателей на эту тему шли пачками. Как бы там не иронизировали, но обсуждение было действительно всенародным. И мы старались мнения людей о проекте новой Конституции отразить на страницах газеты. Публиковали подборки писем, делали обзоры, интервью с авторитетными правоведами.

Разбирая очередную почту, я наткнулся на письмо, в котором автор предлагал отказаться от прописанного в проекте положения о руководящей роли КПСС. Свое мнение обосновал тем, что партия в её нынешнем виде не отражает интересы всего народа, что её авторитет в последние годы снизился. Во многом потому, что цэковское ядро КПСС, формируя курс развития страны, не учитывает реальное состояние дел, реальные настроения в обществе. Партия ослабла, она превратилась в многомиллионное рыхлое сообщество с авторитарной руководящей верхушкой.

От такого письма у меня вспотели ладони. Глянул на подпись. Стоят только инициалы. И те, конечно, выдуманные. Надо отметить, что время, когда принималась брежневская конституция, было не то что тучным, но относительно благополучным. Ещё продолжалась холодная война с Западом, но Хельсинские соглашения 1975 года отодвигали угрозу, ка-

залось бы, неминуемого столкновения. Этими соглашениями закреплялся принцип нерушимости европейских границ, не допускалось любое применение силы и любое вмешательство во внутренние дела государств, а на подписавшие его стороны возлагались обязательства по уважению прав человека. Так что предложенный проект новой конституции СССР попал, что называется, в кон! Но легкое потепление на мировой арене и кажущаяся внутренняя стабильность не избавляли общество от неосознанного беспокойства.

Партийная диктатура, оправданная в критические моменты, теперь стала мешать развитию: люди скрытно возмущались, почему члену партии можно, а нам нельзя. Человеку с партбилетом в кармане все двери открыты в карьерном росте, а беспартийному – шиш, хоть он и семи пядей во лбу. С партбилетом в кармане совершил преступление и... ушел от наказания. А беспартийный мог за какую-нибудь мелочь загреметь на всю катушку.

В СМИ партийность журналиста была обязательна, если ты претендуешь на руководящее место. Собкором даже отраслевой газеты, если ты без партбилета, тоже не станешь. Так что, хочешь-не хочешь, а в партию, друг мой, надо стремиться. На «Уральский рабочий» ежегодно выделялась своего рода квота, позволяющая принять в партию в год одного или двух человек. При этом в райкомовском раскладе на одного интеллигента должно быть не менее пяти или семи представителей рабочего класса. Рассказывали, что на одном

заводе инженер ходил по цехам и уговаривал работяг подать заявление о вступлении в партию. Только так он сам мог рассчитывать на членство в КПСС.

Заявление о вступлении в партию я подал, будучи убежденным в том, что устойчивого социального и экономического прогресса можно добиться только при социализме. А то, что происходило негативного в жизни самой партии, а от этого – и в жизни страны, считал исправимым делом. В общем, приняли меня. И впоследствии, когда многие «правоверные и неистовые» коммунисты жгли публично свои партбилеты, я свой партбилет хранил и храню в семейном архиве.

Хорошая творческая атмосфера в «Уральском рабочем», как я уже говорил, сохранялась благодаря редактору Ивану Гагарину и его заместителю Арнольду Уряшеву. Я уж не говорю о том, что делами в секретариате заправляли блестящие журналисты Георгий Краснов, Леонид Маковкин и Александр Лосев. И редко кто мог устоять против их авторитетного мнения, тем более, что они не ошибались в своих профессиональных оценках.

Разумеется, большую роль в выстраивании доброжелательных редакционных отношений играла партийная организация. Одно время её возглавляла заведующая отделом науки Валентина Машкова. Это был чуткий умный человек. Увы, смерть рано увела её от нас. После неё секретарем первички стала «правоверная и неистовая» Ю.М. Вспоминая о ней по прошествии многих лет, так и не могу объяснить, по-

чему к ней относился с антипатией. Впрочем, мне думается, как и она ко мне.

У неё из-под толстых стекол очков всегда сверкал строгий настороженный взгляд. Он будто бы говорил: погоди, и до тебя доберусь. Когда умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, она собрала в конференц-зале экстренное партийное собрание. Конечно, это было печальное событие. Но меня удивило, что Ю.М. так горько плакала, будто бы потеряла самого близкого человека в своей жизни. Возможно, это было искреннее страдание. И слёзы, наверное, были не театральные. Но меня ещё больше удивило, что в девяностых годах, когда Ельцин разогнал Советы, Ю.М. в своих публикациях советскую власть представляла исключительно в мрачных красках.

Я согласен, что человек на протяжении своей жизни меняет взгляды, меняет убеждения. Это нормально. Знания, жизненный опыт усиливают его разум, он по-другому уже смотрит на мир. Вполне допустимо, что и оценки прошлого у него меняются на противоположные. В связи с этим я вспоминаю отца Василия Ивановича Сенчева. Он был ещё живым, когда развернулась горбачёвская перестройка и начали говорить о фундаментальных реформах в экономике, сельском хозяйстве.

Любопытно, что отец, сам пострадавший от тотальной стремительной коллективизации, идею о том, что теперь фермер-индивидуал накормит всю страну, воспринял с

усмешкой. От коллективного труда теперь не уйдешь, говорил он мне в наших вечерних разговорах. И не надо бы безоглядно разрушать колхозы, вот их-то надо реформировать, возвращая им коллективистскую и демократическую суть. А разрушение, как эпидемия, если начнётся, трудно остановить. Многое от этого потеряем!

Фермерство, на первых порах усиленно поддерживаемое новой властью, вскоре стало сворачиваться до разумных пределов. Стало ясно, что на гигантских просторах страны обработка пашни, мясное скотоводство под силу крупным хозяйствам, оснащенным всем комплексом сельскохозяйственной техники, с необходимой перерабатывающей инфраструктурой. Ну, какой фермер потянет это? Так что появление в новой России сельскохозяйственных холдингов, укрупнение СПК – закономерный и неизбежный процесс. А фермерство, КФХ – отличное дополнение там, где тесно индустриальному аграрному производству. Но чтобы прийти к этому пониманию, сколько дров было наломано!

Суждения отца я привожу как иллюстрацию к вопросу о перемене взглядов, смене убеждений. Это диалектически оправдано. Но когда человек вечером уснул с «Лениным в башке», а проснулся монархистом, этого я никак не пойму. Не пойму и тех, кто вчера был закоренелым агрессивным атеистом, а сегодня с постной миной стоит со свечкой перед иконостасом. Впрочем, понять, вовремя разглядеть таких людей необходимо. Чтобы не пострадать от общения с

мгновенными перевертышами.

К счастью, среди своих коллег вот таких «переобувальщиков на лету» я мало встречал. Круг моих друзей и приятелей по профессиональному цеху был небольшой. Нас объединял критический настрой к существующим порядкам, спланивало желание своей журналистской работой хоть что-то изменить в лучшую сторону, повлиять на умонастроения обывателя.

Но были среди журналистов незаметные, тихие и почти не пишущие. По-моему, некоторые из них смотрели на нас, беспокойных, даже со скрытым осуждением, если не злорадством. Очевидно, им мы представлялись Дон-Кихотами, воюющими с мельницами. Позднее я понял, что журналисты, то и дело меняющие маску, в одном постоянны и неизменны – в своей творческой импотенции, во врождённом холуйстве. При этом им не откажешь в верткости ума. Они что угодно могут обосновать и оправдать, и также что угодно опорочить, и оболгать. Они и сейчас мельтешат на экранах ТВ и в социальных сетях. Думаю, что такие акулы пера и телеэкрана, виртуозы гламурной журналистики прекрасно знают, что здравомыслящие люди относятся к ним с недоверием. Но... звонкая монета окупает всё!

С приходом Б.Н. Ельцина на руководство свердловской областной партийной организацией редакцию газеты «Уральский рабочий» стали потихонечку перековывать, приучая её быть на коротком поводке. С уходом Ивана Сте-

пановича Гагарина труднее стало сохранять тот образ газеты, который сформировался за все предшествующие годы. Новый первый секретарь воспринимал критический настрой газеты с плохо скрываемым раздражением. Но публичных криков, насколько я знаю, он себе не позволял.

Вообще Б.Н. Ельцин производил на свердловчан впечатление энергичного, смелого руководителя. Его фирменная мимика (плотно сцепленные зубы, резкий крякающий голос) выдавала жесткий бескомпромиссный характер. Высокий рост, молодость дополняли облик уверенного в себе, мощного человека. О предшественниках Ельцина уральцы вспоминали почему-то с уничижающим настроением. С 1962 по 1971 год областью руководил Константин Кузьмич Николаев – человек из глубинных народных низов, твёрдой сталинской выучки. В это же время в Свердловске восходил в своей мировой спортивной славе хоккеист (русский хоккей) Николай Дураков. И какой-то остряк (со злым умыслом?) запустил в широкое обращение вот такой анекдот: на Урале два известных человека – Николай Дураков и дурак Николаев.

О Якове Рябове, предшественнике Ельцина, тоже ходили разного рода байки. Поскольку Яков Петрович в молодости успешно занимался вольной борьбой, его продвижение по карьерной лестнице записные остроловы объясняли тем, что всех своих соперников он укладывал ещё на борцовском ковре. Я к подобному фольклорному творчеству отношусь с

недоверием. В нем мало правды и много издевки.

О том, как Борис Николаевич стал первым секретарем, Яков Петрович Рябов рассказал в сентябре 2011 года в интервью электронной газете «Фонтанка ру». Цитирую.

– Вы вывели в большую политику Бориса Ельцина, рекомендовав его вместо себя в 1976 году на Свердловскую область. Не удивился ли Брежнев такому выбору?

– Очень удивился. Дело было так. К этому моменту у меня в Москву забрали несколько толковых людей, которых можно было назначить вместо меня в Свердловске. Кого-то министром, кого-то ещё куда-то, Рыжкова, например, забрали замминистра. Но, даже несмотря на это, когда меня пригласил Брежнев и спросил: «Кого предлагаешь вместо себя в Свердловский обком?», я ответил: «Колбина». Он был у меня первым замом, уралец, металлург, хорошо знал область, но в то время работал замом у Шеварднадзе в Грузии. Так что утверждать, как это иногда делают, что я чуть ли не насильно пропихнул Ельцина в секретари обкома, неверно.

Более того, я даже настоял, чтобы Брежнев при мне позвонил в Тбилиси и попросил отдать Колбина в Свердловск. Он позвонил. Я попросил трубку, стал убеждать Шеварднадзе отдать Колбина. Шеварднадзе отказался, а Брежнев поддержал его, а не меня. Что оставалось делать? Предложил Ельцина. Брежнев его не знал, но деваться нам было некуда.

В этом же интервью Яков Петрович говорит о «своеобразных дефектах характера Ельцина, которые заставляли его всегда действовать исключительно в своих интересах. Во имя них он одного мог заласкать, второго затащить, с третьим сделать всё что угодно».

Нам, журналистам, Ельцин, как я уже говорил, показался энергичным моторным руководителем. А другим, с изнанки, мы и не могли его знать. Но однажды я стал невольным свидетелем эпизода, который лично меня резанул по сердцу. В одном из районов области поздней весной 1981 года проводилось выездное совещание-семинар по новым технологиям кормозаготовок и кормоприготовления. Съехались со всей области первые секретари сельских районов, председатели райисполкомов, ведущие специалисты сельского хозяйства. Что бы там ни говорили, но подобные семинары были полезны. И к ним готовились основательно за несколько недель, а то и месяцев.

Подготовкой к этому семинару занимались службы, подчиненные секретарю обкома по сельскому хозяйству Николаю Матвеевичу Дудкину. Но после скоротечной болезни он умер, и это совещание пришлось проводить самому Б.Н. Ельцину. Как корреспондент газеты, я был на этом семинаре, стараясь записать самое важное, о чём говорили. Неожиданно Борис Николаевич прервал выступление очередного специалиста и раздраженно, ни с того ни с сего, ткнув пальцем себе под ноги, рыкнул: «Ему, Дудкину, там хорошо, а

мы здесь отдуваемся за него...».

Все, кто слышал эту странную реплику, недоумённо и хмуро молчали. И только один районный секретарь, стоящий неподалеку от Ельцина, угодливо хихикнул, оценив чёрный юмор своего босса.

1982-1983 годы для редакции «Уральского рабочего» стал годом серьезных кадровых потерь. В собкоры центральных газет сразу ушли восемь сотрудников. «Уральский рабочий» и до этого поставлял журналистов в московские издания и на преподавательскую работу на факультет журналистики Уральского госуниверситета. Но чтобы сразу расстаться почти с десятком лучших специалистов, такого в истории газеты ещё не было. Ушли Владимир Денисов, Владимир Ермолаев, Анатолий Усольцев, Владимир Ардаев, Валерий Коршик, Владимир Долматов, Сергей Кожеуров, Виктор Хлыстун, Сергей Рябов...

Валерий Коршик, надо отметить, сначала не хотел расстаться с «Уральским рабочим». Но один эпизод, произошедший в кабинете заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии, потряс Валерия Степановича, и он понял, что задерживаться в родной газете при таких руководящих пропагандистах теперь уже не стоит. По какому-то поводу Валерий Коршик пришел на приём в заведующему отделом пропаганды обкома партии А. Хл-ву (ельцинский выдвиженец!). Секретаря в приёмной не было, и Коршик зашел прямо в кабинет. То, что он увидел, его печально развесели-

ло. Хозяин кабинета сидел за столом и, как ребёнок, высунув кончик языка, лезвием безопасной бритвы аккуратно препарировал пойманную осеннюю муху. Застигнутый врасплох, хозяин кабинета недовольно выставил журналиста за порог, назначив ему приём аж через две недели... Вскоре Валерию Степановичу поступило предложение от московской газеты «Гудок», и он покинул «Уральский рабочий».

Мне было ещё рано посматривать на сторону, хотя о соборовской работе, конечно же, мечтал и старался как можно больше писать, чтобы меня заметили коллеги из центральных изданий. Однажды я заглянул в городское агентство «Союзпечать». Меня интересовала тема возврата периодических изданий из розничной реализации. В советское время газетные киоски ломались от неликвидного товара. Некоторые газеты и журналы покупатели даже и не спрашивали. Нарасхват были толстые литературные журналы «Наш современник», «Москва», сатирический «Крокодил», «Работница», «Крестьянка», «Литературная газета» и другие популярные, а ныне уже забытые, издания. Возврат неликвида на склад вовсе не означал, что им не интересовались покупатели. Просто в розницу навязывалось такое количество экземпляров, что их не могли реализовать. А ведь это убытки, как для издательств, так и для торговли.

Директор городского агентства «Союзпечать» со словами «а теперь я вам историческое место покажу» повел меня по крутым ступенькам в подвал здания. Когда спустились в под-

вальное помещение, забитое кипами старых газет и журналов, мой спутник полушепотом сказал: «Вот здесь расстреляли царскую семью... Знаете об этом?».

Ещё бы не знать. То, что в небольшом особнячке инженера Ипатьева летом 1918 года была казнена царская семья, было известно всем. И когда по Свердловску пошли разговоры о сносе этого дома (в нём-то и размещалось агентство «Союзпечать»), какая-то инициативная группа стала собирать подписи под обращение в ЦК КПСС с протестом против уничтожения исторического здания, имеющего к тому же архитектурную ценность.

Я хорошо помню этот дом. Он стоял на склоне Вознесенской горки и с восточной стороны казался сильно вросшим в землю. Не берусь судить о его архитектурной ценности, но он, как историческое свидетельство, как память о горьком прошлом, должен был бы остаться на века.

В 1975 году Политбюро ЦК КПСС по предложению Ю.В. Андропова приняло секретное постановление о сносе этого здания. Свердловский первый секретарь Я.П. Рябов умудрился затянуть исполнение решения, передав скандальную миссию своему преемнику – Борису Николаевичу Ельцину. И в сентябре 1977 года, незадолго до 80-летия Октябрьской социалистической революции, дом был разрушен.

Впоследствии, уже при новой власти, расстрел царской семьи в подвале ипатьевского дома стал на многие годы едва ли ведущей политической и идеологической темой. Сам факт

убиения императорской семьи преподносился как мрачный символ жестокости и кровожадности большевистского режима. Снимались бесчисленные фильмы об этом, писались сотни статей и книг. Мой коллега, самарский журналист и писатель Сергей Жигалов, создал на эту тему роман под названием «Царская голгофа», в котором показал величие жертвенности коронованной особы.

Меня такая интерпретация давнего исторического события напрягала. Неужели, как трактуют теперь прошлое некоторые историки, правление монарха Николая-2 было для России золотым веком? И то, что к царю прилип эпитет Николай-кровавый, это что – выдумка большевистских пропагандистов? Ведь теперь в современной историографии так и говорят: расстрел демонстрантов на дворцовой площади Петербурга в 1905 году оправдан и неизбежен, поскольку демонстранты намеревались взять в заложники самого царя. А Ленский расстрел? Да было, говорят, такое, но царь-то здесь причем? Это дело рук хозяев и управителей Ленских золотосных приисков. А Ходынская катастрофа, в которой погибли по официальным данным 1389, а по неофициальным – более 4000 человек, среди которых было много детей и женщин? И опять здесь вина не императорского двора, а московского обер-полицмейстера Власовского. Он был «снят с занимаемой должности с обеспечением пожизненной пенсии в 15 тыс. руб. в год».

Мне кажется, что наиболее точно и провидчески оценил

Ходынскую катастрофу поэт Константин Бальмонт, откликнувшийся на то событие вот таким стихом.

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно...
Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать – Ходынкой,
Тот кончит – встав на эшафот.

И это произошло. Подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге стал тем самым эшафотом. Но, к сожалению, без следствия и суда. Хотя попытки разобраться в деяниях царского режима были. Сразу после буржуазной февральской революции 1917 года временным правительством была создана чрезвычайная комиссия (в её составе был поэт Александр Блок), деятельность которой так и не завершилась судом. А расстрел произошёл. И убили безвинных детей и женщин...

1982-й и последующие за ним годы стали временем череды смертей высших руководителей страны. Сначала похоронили первого заместителя председателя КГБ генерала армии Семена Цвигуна (при Андропове его называли недрёмным оком Брежнева). Затем ушел из жизни Михаил Суслов, который всем казался человеком бессмертным. А в ноябре умер Леонид Ильич Брежнев. Если учесть, что официальные сообщения народ всегда воспринимал с недоверием, то и на этот раз в кухонных разговорах стали мусолить дурацкие версии о покушениях, отравлениях и прочих смертоубийственных страстях.

В нашем журналистском кругу тоже ходили всякие легенды. Как бы ни казалось странным, среди моих знакомых наибольшее сожаление вызвала кончина Михаила Андреевича Суслова. Его хоть и называли чеховским Беликовым, человеком в футляре, но его скромность, аскетизм и фанатичная преданность социалистическим идеалам располагали к нему простых людей. А ведь его мало кто из народа лично знал. Но когда нужно было добиться решения какого-нибудь важного вопроса, люди друг другу говорили: а ты к Суслову пробейся!

Моя старшая сестра Лидия Васильевна именно по такому совету «пробилась» к нему как к депутату Верховного Совета СССР. Квартирный вопрос, который её мучил, был решен положительно. Но вот какую деталь отметила сестра. По распоряжению Суслова были подняты все требуемые доку-

менты. Он их лично (а не помощники) скрупулёзно прямо при заявителе изучил и сказал: да, с вами обошлись несправедливо, не волнуйтесь, езжайте домой, ваша проблема будет рассмотрена на этой неделе...

Трудно сказать, так ли теперь работают нынешние депутаты различных муниципальных собраний, городских и областных дум, Государственной Думы. Но, как мне известно, большинство «народных избранников» вспоминают о своих избирателях лишь накануне очередных выборов.

После смерти Леонида Ильича Брежнева партию и, считай, всю страну, возглавил Юрий Владимирович Андропов. На первых порах народ даже повеселел. Хотелось жесткой руки, осмысленных действий. Первые же заявления и речи нового Генсека дали на это надежду. Зашевелилась и пресса. Больше стало критических вдумчивых публикаций, острее ставили вопрос о бюрократизме, излишней партийной опеке, дублировании хозяйственных и управленческих функций.

К этому времени я уже нацелился на собкоровскую работу. И чтобы заявить о себе, основные критические статьи стал предлагать центральным газетам. При Л.И. Брежнев, как, впрочем, и до него, одной из больших экономических проблем стали незавершенное строительство и долгострой. Эта тема на самом верху власти не замалчивалась. Об этом говорили на пленумах ЦК, заседаниях правительства и съездах партии. Но при этом обходили молчанием причины это-

го бедственного для всей экономики явления.

Что такое долгострой? Это замороженный для дальнейшего строительства промышленный или социальный объект. Из-за недостатка средств. Из-за дефектов проекта, вскрывшихся уже во время строительства. И наконец, из-за того, что для возведенного производственного здания не готова начинка – соответствующее технологическое, станочное и прочее оборудование. Короче говоря, объективными причинами здесь и не пахнет. Это всё человеческие просчеты, низкое качество работы плановых органов, проектных институтов, снабженческих организаций. Но, чтобы не раздражать верховное руководство срывом ввода новых производственных мощностей, наловчились принимать объекты, заведомо не готовые к эксплуатации.

На подобное «мёртвое» предприятие я наткнулся в начале 1983 года, возвращаясь из сельской командировки. В столовой Крылосовского известкового завода, куда завернул победать, оказался за одним столом с хмурым раздражённым человеком. Это был главный инженер А. Аллеборн. Он же вчерашний директор этого предприятия. Его сняли с должности сразу после того, как он вместе с другими членами государственной комиссии подписал акт о приемке завода к эксплуатации. А завод, в действительности, с рождения оказался инвалидом. Не были построены очистные сооружения, хозбытовые помещения, не подведена железная дорога, не проведена канализация, не смонтированы производ-

ственные транспортёры... А по акту государственной комиссии завод уже должен выдавать на-гора известковую муку, столь необходимую для лечения закисленной сельскохозяйственной пашни Среднего Урала и всего Нечерноземья. И наверняка в плановых органах уже расписали, сколько и куда такой продукции поступит на село.

Это была такая нахальная «липа», что брала оторопь. Почему, зачем, какой смысл? Кто склонил комиссию к такому преступному вранью? Члены госкомиссии, с кем бы не заводил об этом разговор, кивали на свердловский обком, возглавляемый на тот момент Б.Н. Ельциным. Оттуда прямо сказали: либо подписываете акт, либо разгоним вас к чёртовой матери. Реляция о вводе в строй важного агропромышленного объекта была как нельзя кстати. Как раз в это время кремлёвский кабинет обживал Ю.В. Андропов.

Корреспонденцию об этом я подготовил для «Труда» – в то время главной профсоюзной газеты страны с фантастически большим подписным тиражом в 16 миллионов экземпляров. Я понимал, что мой родной «Уральский рабочий» вряд ли опубликует такой прозрачный выпад против первого секретаря. Да и «Труд» колебался, пока главный редактор Леонид Петрович Кравченко не распорядился поставить материал в номер.

В том же году в Свердловске по решению местных властей началось строительство гигантской радиотелевизионной башни, равной телевышкам в Вильнюсе и Таллине. Про-

ект предполагал возведение 220-метрового бетонного ствола со 141-метровым металлическим шпилем-антенной. Общая высота конструкции таким образом превысила бы 360 м. На уровне 200 метров планировалось оборудовать смотровую площадку и ресторан на вращающейся платформе, который стал бы аналогом знаменитого «Седьмого неба» в столичном «Останкино».

Проект дышал непомерной амбицией. Но амбиция была «без амуниции». В конце восьмидесятых годов поток нефтяных долларов заметно усок и стране приходилось уже с оглядкой выбирать, куда в первую очередь направлять инвестиции. Вскоре стройка прекратилась. Не нашлось денег даже на её консервацию. Долго этот недострой оставался самым высотным омертвевшим сооружением в Екатеринбурге, пока его не снесли до основания в 2018 году. И никто (никто!) не удосужится подсчитать, в какую гигантскую сумму обошлась несвоевременная и необдуманная властная прихоть, не подлежащая никакому осуждению и наказанию.

Публикация корреспонденции в «Труде», очевидно, ускорила мой переход в эту авторитетную газету. В ней уже работал мой однокурсник Александр Пашков собкором по Свердловской области. Он подогрел моё слабенькое честолюбие, всё время напоминая, что лучше собкоровской работы в журналистике нет. Бойкий по характеру, энергичный, сам Пашков, как молния, мелькал то там, то сям, и можно было подумать, что у него есть двойники.

Собкоровская работа, действительно, считалась среди наших собратьев работой желанной и престижной. Многих подкупал относительно свободный рабочий график и опять же относительная независимость от московского редакционного начальства. Утром, спустив ноги на прикроватный коврик, собкор считал себя уже на работе. Одним словом, лафа! Сам себе планируешь день, намечаешь встречи, выбираешь темы газетных публикаций. Разумеется, задания, поступающие из редакции, ты должен исполнять безоговорочно и в срок.

Но для журналистов неорганизованных, ленивых собкоровская работа – это крах! На моей памяти немало примеров, когда собкор-сибарит потихоньку спивался, профессионально деградировал и в итоге оказывался на обочине жизни. Меня такая участь, слава Богу, миновала. С первых дней я впрягся в собкоровскую работу со всей серьёзностью, стараясь избегать всяческих соблазнов, сопутствующих вольной жизни.

XXX

В марте 1983 году я вышел на собкоровскую орбиту, получив назначение от газеты «Труд» в Куйбышев. За мной был закреплен регион, состоящий из Куйбышевской и Ульяновской областей и автономной республики Мордовия. Утверждение собкора в должности и представление его руковод-

ству местной власти было ритуальным. Осечек, как правило, не случалось. Но анекдотичные истории происходили. На редколлегии уважаемой московской газеты один из заместителей главного редактора спросил одного кандидата в собкоры: как у вас «с этим делом»? И выразительно щёлкнул пальцем по кадыку. Бедный журналист похолодел. Накануне он хорошо угостил редакционных сотрудников, сам не пропустил ни одной рюмки. Уже заложили, подумал парень. И он смело, с отчаянием, ответил: да, я иногда выпиваю, но с отвращением! Такой ответ очень понравился членам редколлегии.

Карусель (обход членов редколлегии), самую редколлегию я прошел успешно и, через короткое время, ответственный секретарь редакции Борис Александрович Батарчук повёз меня в Куйбышев. Перед визитом к первому секретарю Куйбышевского обкома КПСС Евгению Федоровичу Муравьеву умудренный опытом Батарчук сказал: твой премьерный материал отсюда должен быть не просто позитивным. Он должен помочь местной власти разрешить какую-нибудь важную большую проблему. Хорошо бы, если эту проблему назовёт сам первый секретарь.

Муравьев произвёл очень сильное впечатление. В своё время он возглавлял Сызранский горком партии. И когда в Шигонском районе среди жигулёвских гор на берегу Волги начали возводить правительственный санаторий «Волжский утес», Евгению Федоровичу пришлось дневать и ночевать

на этой стройке, оперативно решая всякие организационные дела. Его усердие, максимальная самоотдача были замечены в Москве, и вскоре он возглавил Куйбышевский облисполком, а затем стал первым секретарём одной из крупнейших в стране областной партийной организации.

Первое, что бросилось в глаза при встрече с Муравьёвым, это его спокойный, даже домашний вид. Никакого апломба! Никакого чванства! Он рассказывал о состоянии экономики в области и невольно подвёл разговор к тому, что нам хотелось услышать.

– Производственные мощности объединения «Куйбышевнефтеоргсинтез» на грани остановки, – озабоченно сказал Муравьев. – Железная дорога не даёт цистерн для отгрузки бензина, солярки, технических масел. Я все московские кабинеты обзвонил, толкачей разослал. Бесплезно! А в это время на Дону, Кубани, Ставрополье посевные агрегаты без горючего простаивают... Уходят лучшие весенние деньки.

В тот же день ставропольский собкор «Труда» Павел Гуськов по нашей просьбе организовал телеграмму механизаторов о простаивании посевных комплексов из-за нехватки гсм. Письмо тут же опубликовали на первой полосе под броским заголовком «Техника стоит – нет горючего!». И рядом подготовленный мною ответ операторов нефтеперегонных заводов Куйбышевнефтеоргсинтеза «Горючее есть – нет вагонов». Что же делать? Нужно организовать кольцевые железнодорожные маршруты – вертушки. Этот метод хорошо

показал себя в Казахстане и на Дальнем Востоке. Его нужно использовать и в этом случае!

Не прошло и суток, как с юга пришел сигнал. Горючее поступило, сев возобновился. Возобновилась работа в полную силу и на нефтеперегонных предприятиях Куйбышевской области.

Сразу возникает вопрос. А что, без вмешательства газеты не могли обойтись? Думаю, могли и обязаны были разрубить этот гордиев нефтеузел, не выходя из кабинета. А не сделали это лишь потому, что тем руководителям, от решения которых это зависело, было глубоко безразлично, проведут ли на Кубани весенний сев или нет. Остановятся ли нефтеперегонные предприятия или будут работать на всю мощность. Человеческий фактор, о котором начинали всё громче и громче говорить, пока примеряли к рядовым работягам, а не к чиновничье-бюрократическому легиону.

Организация такой публикации настроила мои отношения с местной властью на хороший позитивный тон. Но это мне не помешало, а наоборот, способствовало смелее братья за горячие темы. Мой предшественник Владимир Шикунов, перешедший работать заведующим партийным отделом областной газеты «Волжская коммуна», оставил после себя хорошее наследство. Нештатный актив корпункта «Труда» насчитывал около десятка энергичных перьев. Среди них были рабочие авиационного завода, народные контролёры, журналисты местных изданий и юрист, кандидат юридиче-

ских наук Евгений Александрович Мельников.

Изредка мы собирались в корпункте и обсуждали текущие события, которые могли бы стать темой для выступлений в газете «Труд». Однажды мне позвонил журналист из городской вечерней газеты «Волжская заря» Александр Муратов. Горячо, сбивчиво стал рассказывать о том, как бессовестно растаскивается продукция с куйбышевской шоколадной фабрики «Россия».

Тема не новая. Мелкие хищения стали бичом для экономики предприятий легкой промышленности. С заводских территорий тащили всё, что можно спрятать под одежду или тайком вывезти на машине. Фельетонисты, художники-сатирики источили свои перья, изобличая этот фирменный старорусский порок. Меня разговор с Сашей Муратовым насторожил. Ведь директором знаменитой на всю страну фабрики была Герой Социалистического труда, лауреат всевозможных государственных премий Елена Васильевна Шпакова. Честное слово, не хотелось, чтобы статья о мелких хищениях бросила тень на этого уважаемого достойного человека.

Саша, спрашиваю Муратова, а в чем фишка? Тема изъезжена вдоль и поперек, есть ли смысл трубить об этом во всесоюзной газете с 16-миллионным тиражом?

– Фишка в том, – горячился Муратов, – что контролёры вохра (военизированной охрана) за активную задержку несунув сами попали в немилость руководства фабрики. А некоторые руководители сами замечены в хищениях, и это схо-

дит им с рук.

Это меняло дело. И я попросил юриста Е.А. Мельникова подключиться к Муратову, чтобы с юридической точки зрения не могли подкопаться к статье. Чтобы из-за неточностей, невыверенных выводов мы не получили опровержение. Корреспонденция «Сладкая жизнь» вскоре была опубликована и, как водится, вызвала открытую и скрытую реакцию. Официально публикацию обсудили на бюро Куйбышевского горкома партии, признали факты нарушений социалистической законности, наказали виновных и так далее.

А скрытая реакция была совсем другой, она напугала нештатных авторов. В отделе кадров университета, где Мельников работал старшим преподавателем, появились суровые люди с удостоверениями и стали интересоваться подробностями личной жизни Евгения Александровича. Нечто подобное произошло и с Александром Муратовым. Очевидно, и я, как собкор, попал под их увеличительное стекло.

Корпункт редакции газеты «Труд» находился в доме профсоюзов рядом со старинным красивым зданием, в котором размещался тогда Куйбышевский горком партии. Недолго думая, я направился к своим соседям. В приемной первого секретаря Валерия Александровича Заикина, посмотрев моё служебное удостоверение, без излишних расспросов пропустили к хозяину кабинета. Вспоминаю об этом и думаю: а ведь при нынешних порядках я, наверное, дальше охранника на входе не прошел. В лучшем случае меня пере-

адресовали бы на пресс-секретаря. А тогда пресс-секретарей при каждой «шишке на ровном месте» не было и в помине.

Хотя объективности ради должен сказать, что толковый, профессиональный пресс-секретарь может значительно облегчить подготовку материала, устанавливая контакт журналиста с нужными специалистами, организуя встречу с первым лицом. Самое главное, он должен быть не барьером между представителем СМИ и руководителем организации, а связующим звеном. Я таких пресс-секретарей встречал во время своей работы. Вспоминаю ученого секретаря президиума Сибирского отделения Академии наук Наталью Алексеевну Притвиц, отвечающую за связь с общественностью. Она не только могла подсказать тему газетного материала, но и без проволочек свести с академиком, директором академического института, заведующим исследовательской лабораторией.

Вернусь к встрече с В.А. Заикиным. Разговор был без экивоков. Я прямо сказал, что вокруг моих нештатных авторов развернулась какая-то странная возня. Кто её затеял и зачем? Заикин доброжелательно выслушал меня и напомнил: газетная статья на бюро горкома признана правильной, своевременной, будут приняты соответствующие меры. Конечно, продолжил первый секретарь, кто-то при проверке фактов, изложенных в статье, переусердствовал. Так бывает. Но из этого не надо делать историю...

После этого разговора нештатных авторов оставили в по-

кое. Но они долго не могли отойти от стресса, и я почувствовал, что прежняя прыть у них поубавилась. Спустя небольшое время в «Труде», как напоминание, что журналисты так просто не сдаются, вышла другая моя критическая корреспонденция о том, как заместитель областного прокурора опекает директора самого престижного в Куйбышеве ресторана «Жигули».

Ресторанная тема была у тогдашних акул пера одной из любимых. Но злая критика вращалась в основном вокруг официантов, метрдотелей и других мелких фигур. А здесь шла речь о серьезных нарушениях – по сути теневой экономике ресторана. Директор «Жигулей» – миловидная, с властными замашками женщина – проворачивала хозяйственные аферы в полной уверенности, что она неуязвима. Ведь за её спиной маячила фигура заместителя областного прокурора. Но произошла непредвиденная осечка, и скандальное дело докатилось до милицейского расследования.

Вот здесь необходимо одно важное, на мой взгляд, пояснение. Обычно газетные публикации на такие громкие темы готовятся по следам судебного разбирательства. Для журналиста так безопаснее. Выступить с разоблачительным материалом до суда, значит полностью брать на себя ответственность за подлинность изложенных фактов, за те выводы, к которым ты пришел. Таких досудебных публикаций боялись прежде всего фигуранты уголовных дел. Широкая огласка связывала им руки, лишала возможности закулисно влиять

на суд.

В моем случае была ещё одна личностная особенность. Заместитель прокурора, опекающий директора ресторана, жил в одном доме со мной. Мы с ним встречались по утрам, приветствовали друг друга. И хорошо, что дальше формального знакомства наши отношения не развились. Увы, собкору приходится все время держать себя на дистанции с личностями такого служебного ранга, чтобы не оказаться потом в неловком положении.

Публикация предшествовала суду и вызвала у читающей публики адекватную реакцию. Никто не пытался упрекнуть меня в очернительстве, в намеренном поиске «жареных фактов», в злословии. Памятуя о наставлении редакционного начальства, я старался держать баланс критических и положительных публикаций. Благо, что Куйбышевская область была кладезем интересных экономических и социальных новаций, она было в то время одним из развитых регионов Советского Союза. И для меня было одно удовольствие писать о трудовых буднях известных производственных коллективов.

Однажды уже на исходе рабочего дня из редакции позвонил Игорь Фролов – журналист старой гвардии, изрядно потрепанной жизнью, с избыточным скепсисом. Старик, сказал он, начинается кампания по обмену профсоюзных билетов, сделай что-нибудь «вкусненькое». И добавил: хотя какое там вкусненькое, всё это формальность, скукота одна...

Меня эта реплика задела. Я всегда считал и считаю, что

для журналиста не бывает тем скучных, если сам журналист не скучный. Да, кампания по обмену профбилетов была в некотором роде формальностью. На многих предприятиях это делали для галочки, лишь бы отчитаться. Некоторые профсоюзные бюрократы даже не поняли, что благодаря такой кампании можно оживить общественную и производственную жизнь, выявить новых неравнодушных людей, больше узнать о их личной жизни, их житейских проблемах, их судьбах.

На Куйбышевском заводе имени Масленникова (в ту пору этот завод был известен всей стране не только выпуском качественных наручных часов) я разыскал Виктора Михайловича Заичкина, который вступил в профсоюз в октябре 1941 года. Профбилет вручил ему тогда прямо у заводского станка седой старик в длинном пальто, перекроенном из старой кавалерийской шинели, и в выцветшей будёновке. В тот день Заичкин работал до четырех часов утра. Вышел из цеха – и зашатался от усталости. Так бы и уснул на земле, но уж очень неласково грело цыганское солнышко, как называли люди в ту пору ночную осеннюю луну.

Вот об этом вспомнилось Виктору Михайловичу при обмене профбилета. И разговор сложился задушевный, с переходом на внутризаводские темы. Был при этом разговоре и я, старательно отражая в блокноте все нюансы собеседования.

Отправил материал в Москву. Жду. Звонит опять же Игорь Фролов. Слышу, по ту сторону провода что-то буль-

кает. Потом расслабленный, заторможенный голос: извини, старик, но так писать нельзя! Я обиженно отвечаю: выбросьте в корзину – и все дела. Ты не понял, старик, говорит мэтр. Забрала меня твоя писанина, я даже на радостях выпил!

Меня такая похвала страшно воодушевила. Обычно из московской редакции доброго слова не дождешься. Оттуда сыплются сердитые задания и часто материалы «маринуются» в отделах без объяснения причин. Скажу без рисовки: труднее всего писать материалы позитивные, очерковые, создавая портрет рабочего человека. В советской печати человек труда – станочник, хлебороб, учитель, врач, учёный – всегда был центральной фигурой. И это хорошо, если бы не легкомысленные перья иных коллег по журналистскому цеху. Умудрялись писать очерки, даже не познакомившись как следует со своим героем. Выдумывали яркие эпизоды из его жизни, приписывали умные рассуждения, а в обрисовке его внешности допускали несусветные ляпы. Очевидно, и я грешил этим, когда писал о людях труда в начале своего журналистского пути. Но с каждым годом, по мере профессионального взросления, я избавлялся от соблазна писать красиво, с включением неудачной фантазии.

Как и сам СССР, Куйбышевская область являлась в то время территорий контрастов и парадоксов. В ней была развита сеть учреждений культуры и искусства. Театр оперы и балета ставил замечательные спектакли. На всю страну гремел драматический театр Петра Монастырского. В област-

ную филармонию нельзя было достать билеты. Спортивные достижения Куйбышева тоже были у всех на слуху. Но стоило только свернуть с парадного проспекта в закоулочек, и ты оказывался в каком-то свинарнике.

Старая часть города представляла нагромождение отживших свой век домов и домишек. На их задворках – помойки, строительный и бытовой хлам, собачьи конуры. Среди всего этого пьяные посиделки, ругань, мат. Культура городского была, что называется, ниже плинтуса. Власть явно не справлялась с переустройством старого города, зато неторопливо, но уверенно росли новые микрорайоны вдоль московского тракта и в прибрежной части.

В постсоветской России старая фасадная часть города начала омолаживаться. Когда после непродолжительного перерыва мы с женой Еленой возвратились не в Куйбышев, а уже в Самару, то заметили эти перемены. И в людях тоже. Они и в былые времена отличались расчетливостью, лабазной хваткой, стремлением разбогатеть любым способом. В том числе и незаконным. А теперь эти фирменные качества мелкого буржуа ещё больше усилились.

Ещё при советской власти, когда горбачевская перестройка и ельцинская криминальная революция даже не маячили на горизонте, в Куйбышеве, как и в других крупных городах подспудно вызревал и набирал силу класс собственников. В Москве роскошная звездная Рублёвка заявила о себе в девяностых годах, а куйбышевская Зубчаниновка удивляла свои-

ми особняками на двадцать лет раньше. В этих дворцах жили не только цыганские бароны, державшие в своих руках наркорынки. Крутой недвижимостью обзаводились торговые боссы, подпольные предприниматели, воры в законе.

В областной прокуратуре меня однажды ознакомили со старыми уголовными делами. Полистав их, я понял, что Куйбышев в советское время не уступал ни Москве, ни Ростову-на-Дону, ни Одессе по своему негласному грабительскому имиджу. Но в СМИ об этом писали от случая к случаю без необходимого анализа и обобщения.

Дворцы ещё не вытесняли стандартные рабочие пятиэтажки и девятиэтажки. Ещё не лезли дуром в районные, городские и областные советы малиновые пиджаки. Ещё по инерции солью земли называли человека труда, рабочего человека. Но на пороге выростала уже другая фигура, требующая признания и внимания к себе.

Не знаю, как это меня надоумило, но я решил взять интервью у главного режиссера Куйбышевского академического театра драмы имени Горького Петра Львовича Монастырского как раз на эту тему: образ человека труда на сцене театра. Мы расположились в его кабинете, я достал блокнот. Но нас все время отвлекали заглядывающие в дверь работники театра. Выдержанного любезного Петра Львовича не смогла вывести из себя и молодая красивая актриса, которая, не обращая внимания на чужого человека, пригласила главрежа на субботний ужин, где будет подана фаршированная щука

по-еврейски.

Когда закрылась дверь, Петр Львович засмеялся: «Они думают, раз я еврей, значит обожаю фаршированную щуку, а её на дух не переношу».

Понимая, что в этой театральной кутерьме нас не оставят в покое, мы вышли из здания и обосновались на лавочке в пушкинском сквере напротив знаменитого памятника Чапаеву.

– Вы видите, кто изображен, кроме Чапаева, в этой скульптурной группе? – спросил Петр Львович, – Поясняю. Сам Василий Иванович, крестьянин-партизан, солдат, матрос с пулеметом, женщина с винтовкой и татарин как символ многонациональности России. Это квинтэссенция общества периода гражданской войны. И все они – изначально люди труда.

Петр Львович стал неторопливо рассказывать о репертуаре театра, его достоинствах и недостатках. Думаю, сказал Монастырский, пьесы романтического характера, революционного действия теперь уступят место – должны уступить! – спектаклям Островского и подобных драматургов, где человек труда сталкивается с человеком потерянной совести, размытой морали. И неизвестно ещё, кто из них останется на коне.

– Трудные времена грядут, – сказал на прощание Петр Львович. – Кто знает, куда отшатнёт нашу страну.

Интервью я даже не стал отправлять в редакцию. От раз-

говора о человеке труда на театральной сцене прославленный главный режиссер ушёл в размышления о том, а каким вообще стал человек, что в нем восхищает, а что вызывает оторопь и неприязнь. Не уверен был, заинтересует ли газету такой поворот беседы.

Двадцать лет спустя, когда новая Россия после чубайсовской приватизации и либеральной «гайдарономики» находилась в криминальных судорогах, подобный разговор произошел у меня с 94-летним токарем Ульяновского машиностроительного завода Михаилом Ивановичем Лимасовым. Разговаривали в его квартире у окна, выходящего во двор дома, где два пьяных мужика на глазах всего белого света справляли нужду. Какой-то верзила лапал визжащую раскрашенную девицу. Рядом десятилетние сопляки смолили сигареты и тянули из бутылок пиво. Мимо сновали люди, кто-то, пугливо озираясь, ускорял шаг, а кто-то наоборот, притормаживал, чтобы поглазеть...

– Вот она телепередача «Окна». Вживую! – сказал Михаил Иванович. – И телевизор не надо смотреть. Мой завод тоже как бы «за окном». Пятнадцать лет назад объявили конверсию, а вместо неё – растащилровка. Безбоязненная, открытая, демонстративная... Эх, зачем я родился...

И в завершение Михаил Иванович выдал фразу, которую и никогда не забуду: социализм мы сами профукали, и если народ не очнется, а власть не раззудится, то мы и капитализм успешно скомпрометируем. Так и будем, как белка в колесе,

бежать, не зная куда и зачем.

Такое осознание происходящего в стране стало приходиться в головы думающих людей гораздо позже, когда у власти стоял уже В.В.Путин, сменивший больного, полностью недееспособного Ельцина. А тогда, в конце восьмидесятых, начале девяностых годов, народ пребывал ещё в состоянии сильнейшего пропагандистского дурмана. Уже в открытую говорилось, что социализм – это тупиковый путь развития, что страна семьдесят лет со дня октябрьского большевистского переворота жила только одними страданиями. А если кто пытался призвать трезво, всесторонне оценивать время и бремя советской власти, то его публично подвергали насмешкам и унижению.

XXX

В мае 1985 года из газеты «Советская Россия» мне поступило предложение возглавить в Новосибирске корреспондентский пункт. Соблазн был большой. «Советская Россия» в те годы была, пожалуй, самой популярной из ежедневных газет. Её возглавлял Михаил Федорович Ненашев, пользующийся большим авторитетом в журналистском сообществе. Газета при нём была остро критической, основательно вскрывающей язвы партийной, экономической и социальной жизни. В то же время она очень живо и оригинально писала о том, что заслуживало позитивной оценки. Так что работать

в такой газете было престижно и интересно.

С другой стороны, в «Труде» я пробыл чуть больше двух лет, только-только стал осваивать закрепленный за мной регион и вновь – переезд. Да никуда-нибудь, а в Сибирь. С маленькими детьми на руках это было не так-то просто. Кроме того, недалеко от Куйбышева в оренбургском городке Бузулуке жили мои уже старенькие родители. И очень не хотелось отрываться от них в далекие края. Точку в моих колебаниях поставила мама Ефросинья Тимофеевна: «Делай так, как нужно тебе по работе», – сказала она с грустной ноткой.

Как водится, перед отбытием к месту работы новоиспеченного собкора всегда напутствовал сам главный редактор. Михаил Федорович Ненашев со мной разговаривал недолго. Его мучил очередной приступ язвы желудка, и он, зажав себя в кресле, попросил: «Мы много критикуем, наши публикации там, наверху, читают через лупу. Поэтому будь предельно точным в изложении фактов и не увлекайся малозначащими разоблачениями. Подумав, добавил: «Мы сейчас фигуру собкора выводим на первую линию. Даже такую рубрику придумали – «Точка зрения собкора». Даём такие статьи на месте передовиц. Главное, и это вы должны понимать, чтобы точка зрения собкора не стала бы «кочкой зрения».

Говорил Михаил Федорович об этом безо всякого назидания, размышляя, и приглашал к этому размышлению и меня. Пройдет чуть больше полгода и М.Ф. Ненашева сразу после 27 съезда КПСС назначат председателем Госком-

издата СССР. К этому времени я только-только стал обжигаться в Новосибирске, старательно осваивать новый для себя тематический пласт – работу многочисленных институтов Сибирского отделения Академии наук, их взаимодействие с производством, вузовской наукой.

Особенно часто приходилось бывать в Научно-исследовательском институте патологии кровообращения, руководил которым академик РАМН Евгений Николаевич Мешалкин. Он был чрезвычайно занятым человеком. Тем не менее в графике его работы стояли и операционные дни. Пробыться на встречу с ним было не так-то просто. И его секретарша была очень удивлена, когда академик принял меня без очереди, и мы с ним в первую встречу проговорили более часа.

Такую любезность с его стороны я объяснил большим авторитетом газеты «Советская Россия», которую я представлял. Но у Евгения Николаевича был свой резон пойти на быстрый контакт с собкором. И он прямо сказал: нужна помощь прессы. Институт разработал технологию и методику операции на сердце под холодовой защитой. Но высокое медицинское начальство тормозит широкое внедрение таких операций в повседневную практику.

Разумеется, тема для статьи выигрышная. В чем был смысл новаторства? Операции на сердце проводились с подключением больного к аппарату искусственного обращения. А такие аппараты в то время имелись только в крупных кардиохирургических клиниках. И даже не во всех городах. Что

же делать, если человек без вмешательства хирурга на пороге смерти? Оперировать без подключения к аику. То есть с остановкой сердца и без принудительного кровообращения. Тело пациента остужалось до 26 градусов, тормозились обменные процессы, и хирург приступал к операции. Но время операции было страшно ограничено. Иначе обескровленный мозг приведёт к смерти. В лучшем случае к глубокой инвалидности.

При таких операциях, разъяснял мне Е.Н. Мешалкин, решающую роль играет профессионализм хирурга, скорость безупречных операционных манипуляций. Да, риск есть. Но когда есть выбор между неизбежной смертью и смертельным риском, то уж лучше выбрать этот риск. Так считал Евгений Николаевич Мешалкин.

Статья вышла в «Советской России», и почти в тот же день на стол главного редактора газеты Валентина Ивановича Чикина легло возмущенное письмо директора института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева Владимира Ивановича Бураковского. Знаменитый хирург упрекал своего не менее знаменитого коллегу в антигуманном подходе, говорил о недопустимости операции под холодовой защитой, так как очень высок риск неблагоприятного её исхода.

Редакция не могла не отреагировать на это авторитетное заявление, и мне было поручено взять у Владимира Ивановича Бураковского интервью о современных тенденциях в кардиохирургии. В общем получилось по пословице: ни ва-

шим, ни нашим. Думается, редакция сделала правильно, заняв такую вынужденную позицию. В таких сугубо профессиональных научных спорах СМИ не могут и не должны выступать в роли третейских судей. С другой стороны, если журналист раскручивает какую-то важную дискуссионную тему, то, будь добр, представь все точки зрения, чтобы тебя не упрекнули в ангажированности.

Увы, это золотое правило теперь неведомо большинству из современных журналистов. Да и работать в нынешних условиях стало гораздо труднее, если ты настроен адекватно отражать жизнь. Сейчас между журналистом и первоисточником информации железобетонно стоит пресс-секретарь, предлагая общаться только с ним, а не с руководителем. А чаще просто отвечая: «Комментариев по этому вопросу не даем». Журналистов это бесит. С каких-то пор им внушили, что они представляют четвертую власть, а тут на тебе – дальше приемной не пропускают...

В действительности же общественный статус журналиста упал, начиная с девяностых годов, как говорят, ниже плинтуса. Главным мотивом его деятельности стал заработок любыми путями. Пышным цветом расцвела жёлтая пресса. А сами так называемые разоблачения порока тоже стали лишь средством добывания денег.

Одним словом, современная журналистика превратилась в службу – крикливую, на ходу переобучающуюся. Такое моё отношение к нынешним СМИ сформировалось не сразу,

я довольно долго вынашивал свои мысли о злокачественном перерождении нашей профессии, искал объективные причины такого перерождения и пришел к выводу, что многое зависит от моральных качеств самого журналиста, от его природного интеллекта и от нравственного климата в стране.

Многие мои коллеги, уже вышедшие на финишную прямую своей жизни, а значит не имеющие смысла лукавить, признают, что от прежней журналистики, наследовавшей лучшие традиции дореволюционных, а затем и советских газетчиков, остались рожки да ножки, что ей на смену пришла профессия под этим же именем, но совершенно с другим содержанием. И если и взвесить на весах её достоинства и пороки, то неизвестно, какая чаша перевесит.

Работа в Новосибирске была напряженной. Не было месяца, чтобы ко мне не приезжал кто-нибудь из московской редакции для подготовки совместного газетного материала. К примеру, Юрий Гладильщиков, ставший впоследствии известным кинокритиком, публицистом, неожиданно нагрянул с предложением провести в новосибирских школах некую социологическую акцию, чтобы выяснить уровень познаний юношей и девушек в авангардистской культуре и искусстве.

Честно говоря, я не видел актуального смысла в таком социологическом срезе. Куда было важнее, на мой взгляд, провести зондаж морально-нравственных установок юного поколения, их жизненных устремлений на развилке историче-

ских дорог, в которой оказалась наша страна. Почти неделю мы занимались этой акцией. Довольный её итогом, Юрий Гладильщиков отбыл в Москву. Но ожидаемая статья так и не появилась на страницах «Советской России». А вскоре он перебрался в «Литературную газету» на должность заведующего отделом искусства.

Гораздо плодотворней оказался приезд другого аппаратчика из Москвы – заведующего отделом писем редакции Валерия Кондакова. «Для нас личное задание главного редактора, – огорошил меня Валерий Павлович. – Будем готовить серию статей о нетрудовых доходах и летунах». Я понимал, откуда принесло эту тему. Как раз в это время с утверждением М.С. Горбачева на должность генсека из кабинетов ЦК и Совмина стали громко раздаваться призывы к борьбе с паразитизмом, пьянством и сопутствующим этому злом. И вся пресса, естественно, переключилась на эту тему.

– Валерий Павлович, – говорю я своему старшему коллеге, – нам надо бы самим понять, что есть причина, а что следствие. Вон в Волгоградской области начали запахивать помидорные плантации частников. Какая беда в том, что люди занимаются таким промыслом? И разве их доходы нетрудовые? И летуны разные бывают. Человек часто меняет работу по разным причинам. И назвать его паразитом язык не поворачивается...

Кондаков, многоопытный прожженный газетчик, только усмехнулся. Конечно, сказал он, нам выставляют для битья

ложные цели. Но с этим надо мириться, выше головы не прыгнешь. Отбарабаним эту тему, наверху придумают что-нибудь новенькое или возвратят старенькое. Вот увидишь, ещё придется вновь писать о социалистическом соревновании – как двигателе производственного прогресса.

Серию статей мы подготовили. Их печатали подряд из номера в номер. Валерий Павлович показал себя виртуозом слова. Чувствовались в нем многолетняя школа журналистики, сильный характер архангелогородца. Родом с русского Севера, он был физически крепким человеком, немного циничным и упорным. Но вот упорства, чтобы покончить со своей застарелой русской болезнью, ему почему-то не хватало. И эту болезнь он приобрёл будучи собкором «Комсомольской правды» в Болгарии. В холле корпункта в Софии прямо у входа стояла большая дубовая бочка, всегда наполненная болгарскими «братушками» молодым виноградным вином.

Командировка Валерия Кондакова заканчивалась и я, не зная ещё о его слабости, предложил посидеть в последний вечерок за бутылкой коньяка. В общем, он с моей помощью «наступил на пробку» и ушел в запой. Чувствуя себя виновным, стал всеми способами выводить его из сумрачного состояния. Только дня через три смог усадить его на самолет, уговорив девушек на регистрации не обращать внимания на слегка нетрезвого пассажира.

Я не стал бы вспоминать этот эпизод, связанный с таким

незаурядным талантливым журналистом. Но спустя какое-то время, когда в стране развернулась несусветная кампания за трезвый образ жизни, в «Советской России» появились антиалкогольные статьи Валерия Кондакова. Они были написаны блестяще, с горькой болью за исковерканные людские судьбы, разрушенные семьи, за весь тот разор и позор, которые несёт в общество алкоголь.

В редакции, как я понял, такие статьи Валерия Павловича восприняли хорошо, но с легкой ироничной оговоркой: ему ли не знать пагубность алкоголизма! Редкий случай, когда журналист свои нравственные заблуждения, физические страдания смело выставляет на суд людской, не думая о своем имидже. В начале девяностых Валерий Павлович системно, упорно высвечивал на страницах «Советской России» и «Рабочей трибуны» зарождавшиеся гнезда мафии, уже тянувшейся к рычагам государственного управления. Он умер от сердечного приступа...

Новосибирск стал для меня своего рода тестом на выносливость. Сменивший М.Ф. Ненашева на посту главного редактора Валентин Иванович Чикин ещё выше поднял творческую планку для собкоров. В те годы, пожалуй, только в «Советской России» собкоровские публикации определяли в целом тональность каждого номера, несли из российской глубинки настоящие, а не мнимые веяния перемен, отражали настроения людей. И днем, и ночью из редакции сыпались телефонные или телетайпные поручения.

Однажды уже к ночи позвонил редактор газеты по отделу сельского хозяйства и попросил подготовить в ближайший номер выступление сибирского комбайнера, принявшего участие во встрече генсека М.С. Горбачева с ветеранами – героями труда. О прошедшей встрече я знал в общих чертах. Горбачев, вбрасывающий в общество лозунг за лозунгом, вдруг пришел к пониманию, что застойную экономику оживит трудовой энтузиазм, дух стахановского движения. Вот об этом и шла речь на встрече генсека с передовиками производства, трудовыми подвижниками. Теперь, после этой встречи, пришла очередь пропагандистской раскрутки этой темы.

Выступление комбайнера, участника той встречи, нужно было отстучать к завтрашнему утру. А на дворе уже ночь. Разница во времени с Москвой четыре часа. Напоминаю об этом редактору отдела. А вы сядьте на вертолет, советует он, слетайте к нему, то есть к комбайнеру, побеседуйте и помогите ему написать его выступление. В общем, сказал редактор, жду текст в номер.

От этих слов мне стало тоскливо. Но делать нечего, поручение надо исполнять. Ближе к полуночи звоню на домашний телефон первого секретаря сельского райкома партии. Объясняю, что к чему. На моё счастье, первый секретарь, которого я поднял с постели, оказался человеком понимающим и с юмором. Он мне подробно, в деталях, рассказал о самом комбайнере, его характере, его взглядах на жизнь. Мне оста-

валось только сесть за стол и изложить выступление комбайнера, которого районный секретарь обещал предупредить...

Рассказываю об этом исключительно только потому, чтобы показать, какая случалась профанация в журналистской работе той поры. «Заавторство», в принципе, нормальное дело. Помочь человеку облечь свои мысли в удобоваримую для публикации форму было обязанностью штатного работника редакции. А чтобы журналист не отлынивал от этой обязанности, с давних пор ввели соотношение собственных и авторских материалов сорок к шестидесяти. Сорок процентов собственных публикаций и шестьдесят авторских. Если такое соотношение нарушалось, то тебе снижали или даже не выплачивали гонорар.

Лично я не ощущал тяготы такого требования. Мне было в удовольствие грамотно и образно изложить интересные мысли какого-нибудь работяги и печатать, разумеется, за его подписью. Но нередко приходилось сочинять статьи за подписью партийных, советских и хозяйственных руководителей довольно высокого ранга. Вот это меня обескураживало. И дело вовсе не в гонораре, который вместо тебя получал автор. Смущало другое. Что же ты за руководитель, если сам, без помощи сотрудника редакции, не в состоянии донести до общества через газету свои суждения, свои глубокие выводы?

Очередное поручение редакции как раз касалось подготовки такого авторского материала. Тему определили в ре-

дакции: почему пробуксовывает перестройка, в чем причина пассивности партийных организаций, трудовых коллективов? Стал перебирать кандидатов на такой разговор. Первый секретарь обкома Александр Павлович Филатов сразу же отпал. По одной простой причине. Находясь во главе области, он вряд ли бы с предельной степенью критичности стал анализировать перестроечные настроения. Иначе пришлось бы швырять камни в свой огород. Правильно ли поймут его там – на самом верху партийного ареопага?

После некоторых колебаний обращаюсь к первому секретарю Новосибирского горкома КПСС Владимиру Васильевичу Казарезову. До этого мне уже приходилось общаться с ним. Эмоциональный, даже импульсивный человек, лишенный робости, он, как мне показалось, с охотой согласится на такой сложный критичный разговор. И я не ошибся. Владимир Васильевич обрадовался моему предложению, сказал: есть о чем порассуждать, за неделю, думаю, управлюсь.

Через неделю звоню. Казарезов смущённо говорит: что-то не вытанцовывается, нужно ещё дня три. Через три дня звоню. Владимир Васильевич отвечает: вот всё продумал, только никак на бумаге не могу изложить, из-за этого даже сон потерял. Предлагаю встретиться и записать беседу с ним, чтобы потом перевести на газетный язык. Такой вариант он решительно отклонил. Что же я за партийный работник, сказал Владимир Васильевич удрученно, если не могу написать статью. И добавил: я теперь по-другому смотрю на труд жур-

налиста, нелёгкое это дело!

К чести этого человека, ставшего впоследствии первым секретарём Новосибирского обкома, он приобщился к журналистике, писательству с другого боку. Уже на пенсии в постсоветскую пору Казарезов фанатично увлекся судьбой Петра Аркадьевича Столыпина, его реформаторскими идеями. Книга Казарезова под названием «Самые знаменитые реформаторы России» представляет нетрадиционные оценки ключевых персонажей российской истории, начиная от великих князей Киевской Руси и кончая Столыпиным.

Моя затея показать жизнь Новосибирской области через размышления одного из её руководителей провалилась. Конечно, мог бы я, используя опять же «заавторство», сочинить откровения какого-нибудь партийного функционера или хозяйственника. Но это была бы липа, дешёвая подмена. А мне на это очень не хотелось идти.

Новосибирск в то время представлял собой громоздкий, какой-то неупорядоченный город. Широко раскинутый по обе стороны Оби, он казался необъятным и немного сумрачным. Это был город-производственник, рабочий город с окраинным научным центром.

Для корпункта мне была предоставлена большая квартира почти в центре города. Вопреки представлению о сибиряках как о суровых малоразговорчивых людях, наши соседи и знакомые оказались доброжелательными и сердечными. Что импонировало, так это их деликатность, я бы сказал, даже

подчеркнутая деликатность. Они не навязывали свою дружбу, но всегда были готовы помочь, если ты нуждался в такой помощи.

Нет, я не был, как и вся моя семья, влюбленным в Новосибирск. Но его обитатели вызывали уважение и даже удивление своей «притерпелостью». Город, которому не было ещё и века, для современной комфортной жизни оказался мало приспособленным. Общественный транспорт ходил плохо. Часть города была перекопана из-за строительства метрополитена, что создавало дополнительные, хоть и временные, трудности. Городские ТЭЦ, поставляющие в дома тепло и горячую воду, работали на угольной пульпе, поступающей из Кузбасса. От этого (особенно зимой) город накрывало сажой. Оконные подоконники приходилось едва ли не каждый день тщательно протирать от черного налёта. Зимой, после снегопадов, белизна дорожных обочин и улиц быстро исчезала, превращаясь в сажевый колер.

Самым привлекательным местом города был, пожалуй, Советский район, где располагались научные центры Сибирского отделения Академии наук и Новосибирский государственный университет. Там же в окружении вековых сосен стояли очень симпатичные и довольно скромные даже по тем временам особняки для научной элиты и жилые микрорайоны работников Академгородка. Не было и дня, чтобы я не бывал в Академгородке. Возвращался в корпункт уже к вечеру, чтобы забрать младшего сына Ваню из детского сада

и встретить старшего сына Павла из школы, поскольку жена Елена не всегда успевала к этому времени возвратиться с работы. Она тогда служила в отделе кадров областного управления МВД.

С продуктами питания в Новосибирске в те годы катастрофических проблем не было, как это любят сейчас представлять. В магазинах, конечно, полки не ломались. Выставленный на продажу товар наводил уныние своим однообразием. Помнится, всегда в достатке были фабричные довольно вкусные пельмени в картонных коробках. А вот с курами творилась непонятная вещь. Яйца в магазинах были в избытке, а кур не было. Помню, к нам в гости из Свердловска приехал тесть Федор Васильевич, мы к его приезду отоварились в так называемом обкомовском столе заказов. Увидев плохо общипанных костлявых кур, он долго удивлялся тому, что и таких куриных скелетов не было в свободной магазинной продаже.

Да, признаюсь, обкомовский буфет нас сильно выручал, там можно было купить сыр, полукопченую колбасу, пачку сливочного масла, индийский чай, банку растворимого кофе. Но как я знал, что точно такой же «джентльменский набор» многие горожане приобретали в заводских столах заказов или через знакомых продавцов, или с переплатой из-под прилавка. Так было везде, не только в Новосибирске. И это при кажущейся нормальности было патологически ненормально.

Горбачевская перестройка набирала темп. Но это пока было обильным словоизвержением на всех этажах партийной и советской власти. Очевидно, и сам Горбачев не понимал, откуда идет торможение заявленных реформ. Первый лозунг, брошенный лидером страны в апреле 1985 года, был лозунгом научно-технического ускорения. Его реализация требовала мощной финансовой концентрации. Но бюджет страны, как тришкин кафтан, не позволял сбалансированно развивать экономику и одновременно поддерживать потребительский рынок. Нужно было чем-то жертвовать. А жертвовать социальной хрупкой стабильностью было опасно.

Следующий лозунг – борьба за трезвый образ жизни – с самого начала вызвал активное отторжение у народа. Этой борьбой наломали много дров. Вряд ли позитивные итоги тотальной кампании за абсолютную трезвость перевешивали её разрушительную изнанку. Одним из очередных и мало-вразумительных горбачёвских призывов стало его спонтанное обращение к народу «давить антиперестройщиков снизу, а мы – сверху». В ответ – всплеск начальствофобии, криминальные случаи расправы с госслужащими. Именно в те дни ко мне в корпункт пришёл один обиженный на что-то кооператор и в запальчивости заявил: «Мы теперь возьмёмся за топоры!».

Вот на этом фоне у людей снижался интерес к горбачевским новациям, наступала апатия. Перестройка уже воспринималась не как неумолимая неизбежность, а как опасный

исторический казус. В неформальный обиход вошла анекдотичная фраза: сначала перестройка, затем перестрелка, потом переключка. Кто бы знал тогда, что это станет кошмарной реальностью нашей дальнейшей жизни.

В феврале 1986 года наметили созыв 27 съезда КПСС. Ему предшествовали областные и краевые отчётно-выборные партийные собрания. Такое собрание состоялось и в Новосибирске. Для подготовки статьи об этом важном мероприятии ко мне на подмогу приехал из аппарата редакции заведующий отделом науки Владимир Петрович Долматов, с которым мы когда-то работали в свердловской газете «Уральский рабочий». Мы долго обсуждали, что выбрать лейтмотивом статьи, какую взять тональность в изложении.

Выступления делегатов конференции сами подсказывали, на что в первую очередь обратить внимание. А главное было вот что. Прошло почти два года, как руководство страны во главе с Горбачёвым заявило о коренной перестройке экономической и социальной жизни, о движении к «социализму с человеческим лицом». Два года – срок небольшой для таких исторических сдвигов, но хоть какие-то промежуточные итоги должны же быть. Где они?

Этим вопросом задавались участники конференции. Были интересные острые выступления, но были и аллилуйные, воздающие хвалу мудрому руководству партии и правительству, «ведущему страну к новым высотам». У нас создалось такое впечатление, что в партийной организации области ца-

рит атмосфера какого-то выжидания, мешкотности. И это отражало общее настроение людей, не понимающих, а что делать-то?

Мой коллега Владимир Долматов, человек крайне осторожный, не любящий острых углов, неожиданно предложил отразить работу конференции без прикрас, так как есть. Писали ночью, выпив не одну чашку кофе. Утром текст продиктовали редакционной стенографистке. Главный редактор Михаил Федорович Ненашев распорядился поставить её в номер.

Партийные функционеры, приближённые к власти люди отозвались о статье неодобрительно, посчитали её тенденциозной, порочащей деятельность одной из крупнейшей в стране партийной организации Новосибирской области. Звонки в корпункт простых читателей говорили о другом: правильно написали, можно было бы резче! Не сомневаюсь, что по поводу той статьи М.Ф. Ненашева допекали сверху раздражёнными звонками. Но он никогда и нигде не обмолвился об этом. Он всегда считал, что свою долю ответственности редактор должен переживать в одиночку.

О статье вспомнили на 27-м съезде КПСС. Делегат съезда первый секретарь Кемеровского обкома партии Николай Спиридонович Ермаков, посвятив часть своего выступления оценке развернувшейся перестройке, сказал такие возвышенные слова. Цитирую по стенографическому отчету. *«Политический доклад Центрального Комитета партии бук-*

важно взбудоражил, потряс всех своей необычностью, глубиной анализа, смелыми творческими обобщениями и выводами, удивительной силой воздействия на людей. С шахт и разрезов, заводов и фабрик, из колхозов и совхозов индустриального Кузбасса идут сообщения о новой воодушевляющей атмосфере, вызванной работой съезда. Да по-иному и быть не может! Ибо партия разговаривает с народом на языке правды. (Аплодисменты.)».

Очевидно, этот текст писали для Николая Спиридоновича штатные златоусты. Они же уже по ходу съезда добавили в его выступление следующий абзац. Цитирую по стенограмме. «В борьбе с укоренившимся злом огромную роль призваны играть печать, радио, телевидение. Это – могучее оружие партии, но надо умело им пользоваться. Мы горячо поддерживаем критические замечания в адрес прессы, высказанные Егором Кузьмичом Лигачевым. (Аплодисменты.) Нельзя терять чувство меры! Нельзя, чтобы отдельные журналисты, не имея ни опыта, ни профессиональных знаний партийной работы, давали свои субъективистские оценки проведению крупных партийных мероприятий. (Аплодисменты)».

Это был прозрачный намек на нашу критическую статью о новосибирской партийной конференции. Спустя многие годы, приходится признать, что мы тогда однобоко восприняли её работу. Ведь коммунисты Сибири не исчислялись только партийными приживалами и беспринципными карьериста-

ми. Среди них были и те самые рабочие лошадки, которые критично, по-деловому воспринимали заявленные реформы в обществе. Они видели, что пока вся энергия уходит в словесную эквилибристику. Нам надо было бы показать в той статье и таких людей, чтобы не создавалось у читателей впечатление безысходности и провала.

Перечитывая стенографический отчет того съезда, поражаешься тому, сколько лицемерия, лжи, мимикрии таилось в его атмосфере. Почти каждый выступающий курил фимиам Горбачёву, хотя за кулисами уже велись разговоры о его бесплодности. Каждый выступающий повторял, как мантру, слова о величии теоретического наследия Ленина. А ведь уже в это время имя Ленина всюду полоскали, не встречая отпора, либеральные издания.

Вот как начал своё выступление на съезде первый секретарь Московского горкома партии Борис Николаевич Ельцин. Цитирую по стенограмме. *«На одном из съездов партии, где были откровенные доклады и острые обсуждения, а затем делегаты выразили поддержку единства, Владимир Ильич Ленин наперекор скептикам с воодушевлением воскликнул: «... вот это я понимаю! Это – жизнь!».* Много лет минуло с тех пор. *И с удовлетворением можно отметить: на нашем съезде снова атмосфера того большевистского духа, ленинского оптимизма, призыва к борьбе со старым, отжившим во имя нового. (Аплодисменты).»*

Очень красиво сказано. Но спустя считанные годы ядро

ельцинского окружения станет изо всех рупоров внушать обществу, что Ленин был врагом России, увёл её в исторический тупик. На съезде подчеркнуто твердили о сплочённости и единстве партии. Но уже в это время намечался её раскол. Уже в это время наиболее трезвые головы высказывали сомнение в способности Горбачёва руководить страной. И вскоре одним из первых публично взбунтовался посол СССР в Польше В.И.Бровиков.

Вот что он сказал. Цитирую по стенограмме. *«Четыре года назад состоялся XXVII съезд КПСС. Он подверг строгому критическому осмыслению прошлое, выработал исторически важные задачи, оптимистические и в то же время реальные. Но давайте, товарищи, вернемся к съезду. Давайте наложим то, что он решил, на то, что у нас выходит на деле. И мы легко заметим, что свернули с пути, начертанного съездом, получили не те результаты, которые тогда закладывали в свои планы.*

Вместо ускорения социально-экономического развития (а именно в этом состояла квинтэссенция съезда) идет его замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит ее деформирование. И наконец, вместо укрепления партии ведется линия на ее ослабление и дискредитацию. Ведется различными силами: и оппозиционными, и силами, которые внутри самой партии.

Как, товарищи, понимать все это? Съезд ошибся в своих оценках и установках или ЦК, все мы с вами, вместе взятые, оказались не на высоте? Больно, но надо признать второе. ЦК, прежде всего его Политбюро и Секретариат, не подкрепил принятого съездом курса должной организаторской и политической работой. И в этом я вижу один из секретов падения авторитета нашей партии после XXVII съезда. Такая же судьба, кстати, постигла и многие решения пленумов Центрального Комитета, которые также повисли или повисают в воздухе. Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и в смежных с ним.

Я уже сказал, что за провал решений XXVII съезда должны, по моему мнению, нести ответственность ЦК и его Политбюро. Надо присовокупить сюда и местные партийные органы. Но если следовать ленинским принципам, то решения у нас коллегиальные, а ответственность персональная. Кстати, это значит и в проекте нового Устава, который мы на следующем заседании будем обсуждать. Поэтому считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично отвечать не только товарищ Лигачев, которого здесь называли, но и товарищи Горбачев, Медведев, Слюньков, Яковлев, Лукьянов».

Выступление Владимира Игнатьевича на февральском 1990 года пленуме ЦК КПСС не получило развитие в речах других выступающих. Его будто бы не слышали. Как сказа-

ли бы сейчас, зал запасся попкорном и ждал продолжения зрелища. Горбачёв, не дав Боровикову договорить, нервно спросил: Что вы предлагаете? И тут же получил разящий ответ: «Снять с платформы к предстоящему съезду партии положение о президенте, о председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть и не в том, какие мы кабинетные революции проведем. Дело в том, как будет действовать партия, какую политику она будет проводить, какие цели преследовать».

Это выступление В.И.Бровикова поставило крест на его карьере. Его вывели из состава ЦК КПСС и ровно в 60 лет отправили на пенсию. В народе память об этом человеке сохранилась благодарная. Когда он умер, его похоронили на Новодевичьем кладбище рядом с могилой другого знаменитого выходца из Белоруссии Кирилла Трофимовича Мазурова.

Я помню реакцию людей на выступление Бровикова. Говорили, что это наш мужик, не побоялся врезать Меченому под самое дышло. А ведь в сущности ничего бунтарского он и не сказал тогда. Речь его была, строго говоря, выдержанной, по-деловому конкретной и честной. И вот эта честность была воспринята как покушение на авторитет уже неавторитетного генсека.

В марте 1990 года на третьем съезде депутатов Верховного Совета СССР состоялись два исторических решения. Был учреждён пост Президента СССР и отменена шестая статья

Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС. Последнее решение назревало давно. Партия, насчитывающая 19 миллионов человек, катастрофически теряла свой авторитет, и сама становилась неуправляемой. Удержать её на плаву могла бы только свежая кровь – приток умных деятельных людей, преданных социалистическим идеалам.

Но вместо «свежей крови» в партию стали пробиваться «искатели счастья и чинов» с психологией шкурников, а то и просто природные дураки. Уж они-то никак не могли поднять авторитет партийных организаций, наоборот, отпугивали от неё достойных людей. В одной из командировок в Искитимский район Новосибирской области мне пришлось столкнуться с таким чудачком при партийной должности. Это был молодой ещё человек, бывший агроном, обживающий новый кабинет. Я попросил его, как заведующего отделом сельского хозяйства райкома партии, поделиться своими соображениями о проходящем в районе весеннем севе. Он долго собирался с мыслями, а потом ляпнул: ничего не должен вам говорить, это секретная информация.

О том, что кадровая селекция работает на отрицательный отбор, я догадывался ещё по работе в Свердловской, Самарской областях и Мордовии. Встречались такие экзотические новобранцы руководящего звена, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Не хватало им ни ума, ни основательных знаний. И хорошо, если при этом они не были вороватыми людьми. При всей разности характеров у них была одна об-

щая черта: раболепие перед начальством. И они понимали, что быть в милости у вышестоящего руководителя – это залог продвижения по карьерной лестнице.

У партии, которая считала себя политическим авангардом общества, в первые десятилетия советской власти ещё работал механизм очищения от случайных в ней людей. Одним из инструментов такого очищения был обмен партийных билетов. Это не было сугубо технической процедурой. Обмен сопровождался индивидуальной беседой, сверкой документов. Одним словом, обмен партбилетов служил скрытым поводом основательно покопаться в общественной и личной жизни каждого партийца, прощупать его умонастроения и пристрастия. Бывали случаи, и довольно частые, что в ходе обмена партбилета, человеку отказывали в дальнейшем пребывании в партии.

Последний, четвертый по счету, обмен партбилетов состоялся в 1973 году. Очевидно, такой способ контроля за чистотой рядов партии, был расценен как недопустимое вмешательство в личную жизнь человека, как недоверие соратникам по партии. Как раз в эти и последующие годы руководители с партбилетом в кармане, допустившие серьёзные правонарушения, не говоря уже о нравственных нормах, становились неприкасаемыми.

Работа в Новосибирской области меня обогатила новыми впечатлениями. Я старался чаще бывать в Академгородке – святылище сибирской науки. Судьба дала мне возможность

познакомиться с учёными, на имена которых я ссылался в прежних публикациях, работая на Урале и Поволжье. В своё время в «Уральском рабочем» вышла моя статья под заголовком «Та деревня, где был Вася». В очередной командировке в сельскую глубинку я набрёл на село с добротными домами, школьным зданием, с водяной мельницей на отшибе. И – ни одного человека! На крыльце бревенчатого дома наконец-то увидел старичка в фуфайке и драной шапке, хотя на дворе был тёплый золотой сентябрь. Он мне и поведал, что жители села съехали в райцентр Байкалово, в близлежащие городки, а то и дальше – в Свердловск.

– Мы, наша жизнь неперспективными оказались, – сказал с напускной веселостью старичок. – Сначала закрыли почту, потом больничку, детсад был, школа, и их прикрыли. Ну народ и потянулся из села кто куда. Поля, видишь, обезлюдели. Пахать некому...

Зашел я в один из пустующих домов. Крепкий дом-пятистенок, из уральского кедра. В углу одной из комнат стопка ученических тетрадок и потрёпанной учебник «Родная речь». А на стене с ободранными обоями размашистая угольная надпись – «Здесь был Вася». След диких туристов, случайно забредших в брошенную деревню. Я стоял посреди искусственного разора, чувствуя, как сердце охватывает холод. Никак не мог понять, почему, из каких высоких государственных соображений на слом отданы тысячи, десятки тысяч таких сельский поселений?

Стал готовить статью на эту тему. Начальник областного управления сельского хозяйства Эдуард Тимофеевич Ясиновский, сопереживая мне, пояснил: эти так называемые неперспективные деревни, их социальную инфраструктуру государству не под силу содержать. Есть даже такая концепция неперспективных деревень. Автор её – академик из Новосибирска Татьяна Ивановна Заславская.

И вот теперь, в Новосибирске, мне представился случай поговорить на эту тему непосредственно с самим академиком, кому приписывают авторство теории неперспективных деревень, послужившей обоснованием государственной политики в отношении малых деревень и поселков. Она назначила встречу у себя в квартире в домашней обстановке.

Разговор она с жаром начала с экономической социологии, её современных исследований. Это был её конек, цель и смысл её научной деятельности. Я потихоньку стал переводить беседу на проблему «неперспективных деревень». Спросил издали: может ли деревня быть неперспективной? Ведь это всё равно что назвать неперспективной самую жизнь. И правда ли, что её концепция «неперспективных деревень» легла в основу государственной политики ликвидации мелких и даже средних поселений? На что Татьяна Ивановна с некоторой укоризной, если не обидой, сказала: не надо преувеличивать мою роль. И напомнила мне. Ещё Никита Сергеевич Хрущёв ратовал за создание современных агрогородков с переселением в них жителей с обширных рос-

сийских просторов.

Этой известной хрущёвской затее не дано было развиваться. Её еще при Сталине называли левацким загибом, троцкистским вывихом. Позже с приходом Хрущёва на главную руководящую роль идея агрогородков снова стала активно раскручиваться прессой, но до решительных действий, к счастью, не дошло.

Спустя годы она возникла уже в другой форме – как концепция «неперспективных деревень». И экономисту–социологу Т.И. Заславской выпала сомнительная честь научно обосновать эту разрушительную идею. Смысл которой заключался в том, чтобы сермяжную деревню двинуть к городскому комфорту, а не наоборот – комфорт нужно нести в село: твёрдые дороги, школы, медицинские и образовательные учреждения, коммунально-бытовое обслуживание. В семидесятые годы это так и намечалось. К примеру, на Среднем Урале с помощью предприятий-шефов облагораживали сельские поселения, при животноводческих комплексах открывали медицинские кабинеты, магазинчики, сауны, строились дороги, подъездные пути к фермам, производственным помещениям. Но финансы уже начали петь романсы. Село с её социальными запросами стало в тягость государству. Вот тогда и выплыла концепция неперспективных деревень.

Уже после свержения советской власти новые властители, обвинив своих предшественников в обнищании села, при-

думали лукавую формулу «оптимизации». Звучит заманчиво. Оптимизировать – значит улучшить, добиться желанного результата при наименьших затратах. В действительности, оптимизация привела к массовому закрытию малокомплектных школ, больниц, почтовых отделений, автобусных маршрутов, заготовительных пунктов потребкооперации.

Вышло по пословице – не моем, так катаньем. Уход деревни с лица земли продолжился. Нарушилось равномерное расселение. Гигантские площади становились сиротскими, если на них не ступает нога хлебопашца и животновода.

Беседу с Татьяной Ивановной Заславской я не стал предлагать редакции. Потому что я сам ещё не сформировал своё отношение к её социологическим выводам, не мог разобраться, в чем их подлинная научная ценность. А делать механическую запись интервью, без его осмысления, не хотелось. Меня смущало вот ещё что: каким образом социологический опрос мог определить дальнейшую судьбу аграрных поселений? Неужели сами сельские жители массово изъявляли желание расстаться с родовыми гнездами и перебраться ближе к удобствам городской жизни? Наверное, социологические исследования Т.И. Заславской имели заданную цель, чтобы оправдать снижение инвестиций в сельскую инфраструктуру.

1986 год был для меня напряжённым по работе и тревожным в личной жизни. Родители-старички проживали в Бузулуке – в трех часах езды до Куйбышева (теперь Самара) на

поезде. Рядом никого из детей не было. Как-то позвонила старшая сестра, сказала, что у отца инсульт. Слабый, но тревожный как предвестник более сильного удара. Как раз в это время в Куйбышеве скоропостижно скончался мой коллега – собкор «Советской России» Анатолий Васильевич Бочкарёв.

Это был журналист, прошедший огни и воды, беспощадно критикующий глупость и самодурство, лакейство и лицемерие. В ту пору он был одним из самых сильных собкоров «Совраски», как называли между собой тогда, да и сейчас, газету «Советская Россия». До Куйбышева Анатолий Васильевич представлял «Совраску» в Ставрополе и жил на одной площадке со вторым секретарем крайкома КПСС М.С. Горбачёвым. Неуживчивый, щетинистый собкор был поперёк горла будущему генсеку. Газетные критические материалы журналиста портили благостную картину экономической и социальной жизни Ставрополья, которую отражали власти края в своих репортажах в Москву. Терпеть такого «очернителя» Горбачёв не стал. Вскоре Анатолия Васильевича подловили на банальном выпивоне и потребовали от редакции принять меры. Бочкарёва перевели в Куйбышев, где он, не изменяя себе, честно работал да самой кончины.

О том, что не стало Анатолия Васильевича, я узнал из телефонного звонка заведующего отделом корреспондентской сети газеты Григория Орловского. Подумав, предложил ему: «Куйбышев не может быть долго без собкора, переведите ме-

ня туда. Рядом с Куйбышевым живут мои престарелые родители. Им нужен догляд».

Орловский в тот же час переговорил с главным редактором В.И. Чикиным, и тот не возражал. Но на редколлегии, где стали обсуждать этот вопрос, заартачился ответственный секретарь Александр Яковенко. «Не нужно идти на поводу собкора, – прокуренным голосом сипел он. – Он хорошо начал в Новосибирске, пусть осваивается и дальше. А родители... У всех родители. Нечего ими прикрываться». В общем, Яковенко переубедил Чикина.

Меня такой оборот дела не то что обидел, но заставил подумать: что же дальше? Оставить стариков в одиночестве я не мог, забрать к себе в Сибирь, значило сократить и так уж недолгую их жизнь. Через день я позвонил в Куйбышев главному редактору областной газеты «Волжская коммуна» Петру Архиповичу Моторину. Объяснил, что к чему, и спросил, есть ли у него какие-нибудь вакансии? Вскоре Петр Архипович сам перезвонил мне и сказал: «Мне нужен заместитель. Первый секретарь обкома не возражает против твоей кандидатуры. Приезжай».

XXX

Итак, я снова оказался в Куйбышеве, где два с половиной года представлял газету «Труд», а теперь возвращался сюда в новом для себя качестве. Не знаю, почему Петр Архипович,

подбирая себе заместителя, остановил свой выбор на мне. В ту пору в редакции «Волжской коммуны» работали опытные авторитетные журналисты. Отдел партийной жизни редакции возглавлял Владимир Петрович Шикунов – выходец из «Труда». На отделе культуры сидел Евгений Николаевич Жоголев – очень своеобразный человек, готовый спорить до хрипоты даже по ничтожному поводу.

«Пехоту» редакции составляли бойкие перья – Юрий Миганов, Иван Болкунов, Светлана Игошина, Юрий Гибш, Валентина Неверова, Татьяна Воскобойникова, художник-иллюстратор Юрий Воскобойников, фотокорреспонденты Николай Никитин и Юлия Рубцова. Я понимал, что мне, «инородцу», будет трудно на первых порах быть их начальником. Особенно болезненно воспринимали они элементарную правку материалов. И мне приходилось терпеливо, даже ласково убеждать, почему нужно писать так, а не эдак.

Однажды ко мне в кабинет с решительным намерением поругаться зашел Евгений Жоголев: «Коля, имей в виду, у нас принято так: вассал твоего вассала не твой вассал». Я сразу смекнул, в чем дело. Накануне я попросил корреспондента отдела культуры Светлану Игошину подготовить материал о работе сельских клубов: почему эти очаги культуры не горят, а чадят? Посоветовал ей на выходные съездить в какое-нибудь село, вечером пообещаться с деревенским людом, набраться живых впечатлений. Но предупредить об этом Евгения Николаевича забыл. И вот такая самолюбивая

реакция...

Зарождавшийся мелкий конфликт быстро уладили, скрепив мир крепким рукопожатием. И я о нём не забыл лишь потому, что он заставил меня задуматься о взаимоотношениях со своими коллегами. Журналистский коллектив особый. В нём «табель о рангах» ничего не значит. Тебя ценят и уважают не за должность, а за творческое умение, независимый и в то же время уживчивый характер.

«Волжская коммуна» в ту пору была одной из лучших ежедневных газет Поволжского региона. Очевидно, благодаря главному редактору Петру Архиповичу Моторину и его предшественникам. Замечу, что Моторин не был профессиональным журналистом, по образованию он агроном. Но у него было особо ценное для редактора чутьё. Он, может быть, не всегда знал, как нужно писать. Но он точно знал, как не нужно писать. Поэтому в газете не было пошлости, мелкотемья, откровенных славословий в адрес властей придерживающихся.

Осмотревшись, пообвыкнув, я увидел, что не все сотрудники редакции впряжены в журналистскую колесницу. Помня о том, как в «Уральском рабочем» на основе редакционной почты создавались яркие злободневные статьи и корреспонденции, я попытался расшевелить творческую инициативу у сотрудников отдела писем «Волжской коммуны». Увы, это дело оказалось безнадёжным. Работники отдела, немолодые семейные женщины, пугливо, даже ошарашенно

восприняли мои предложения об их командировках по следам письма. И всё-таки удалось добиться, чтобы одна из сотрудниц расследовала критическое письмо и написала материал. Помнится, после публикации она ходила как именинница. Но это чувство творческой победы у неё так и не закрепились.

Как и во всех областных партийных изданиях, в «Волжской коммуне» был отдел пропаганды. Ума не приложу, почему именно этот отдел, обязанный по своей функции быть самым интересным, боевитым, поставлял на страницы газет серые портянки невыразимо скучных статей. Это было и в «Уральском рабочем» и, как я увидел, в «Волжской коммуне». Одно из таких вымученных пропагандистских произведений пришлось однажды снять прямо с полосы. Заведующая отделом Лилия Ш. пришла выяснять, почему сняли статью.

Смотрите, говорю ей, в статье идет речь о росте благосостояния советских людей. Приводятся статистические цифры. В частности, данные о производстве бытовой техники – телевизоров, холодильников, стиральных машин... Для сравнения берется 1913 год. Очевидно, потому, что этот год перед первой мировой войной для царской России был пиком её экономического развития. Но разве можно оглядываться на то время, когда такую бытовую технику массово не выпускали даже в западных передовых странах?

А вот здесь, говорю ей, автор пишет, что в нынешнем го-

ду весенний сев начался раньше намеченных сроков на две недели. Точно так же писали и в прошлом и в позапрошлом году. Выходит, сев нынче должен начаться если не в феврале, то в марте. Не бред ли?

Заведующая отделом, милая деликатная женщина, явно в расстроенном виде. Успокаиваю её, предлагаю ей эту же тему, рост благосостояния людей, показать через быт конкретной семьи. Пусть семья сама расскажет, что изменилось в их жизни за последние пять лет. Конечно, есть и нехватки, их не надо замалчивать. Но движение вперед всё равно замечается. Вот только сказать об этом надо по-человечески, без буфонады.

Лилия Ш. удивляется. Но тогда, говорит она, такая статья уже не по её отделу. И я понял, что такую тенденцию рутинного официоза в пропагандистской работе ничем не сломить. Она задаётся сверху и охотно подхватывается в низах как дежурная обязанность, не требующая мозговых и душевных усилий.

Жизнь на новом месте потихоньку налаживалась. Вскоре нашей семье выделили квартиру, а через короткое время мы переселили родителей из Бузулука в пригород Куйбышева в небольшой, с газовым отоплением домик. Не думал я тогда, что маме Ефросинье Тимофеевне осталось жить меньше года. В организации похорон неоценимую помощь оказали мои коллеги. И я ещё раз убедился, что друзья-товарищи познаются в беде. Их сочувствие было неподдельным.

В феврале 1987 года меня ожидал сюрприз: на областной конференции избрали делегатом на 18 съезд профсоюзов СССР. Прежняя работа в центральной профсоюзной газете «Труд», конечно, помогла мне понять внутренний механизм деятельности профсоюзов. Нечего и говорить, что они были встроены в государственную систему и являлись одной из организационных опор партийно-советской власти. Свободными, в демократическом понимании, они не были. Профкомы, отраслевые ЦК, да и сам ВЦСПС, находились под пристальным оком партии. Но что крайне любопытно, свои социальные функции советские профсоюзы исполняли довольно эффективно, если не эффективнее, чем в капиталистических странах.

Социальное страхование, путевки в санатории и дома отдыха, детские оздоровительные лагеря, распределение квартир, охрана и безопасность труда – всё это было при непосредственном участии профсоюзов. Разумеется, материальная и финансовая база их деятельности обеспечивалась не только за счет членских взносов, но и в большей степени государственными субсидиями. И государство, социальное по своей идеологии, не скупилось на них. Но и отдача была соответствующей. Ведь одной из главных функций профсоюзов считалась производственно-массовая и экономическая работа. Она находила своё выражение в организации изобретательского и рационализаторского движения, в руководстве научно-техническими обществами и производственными-

ми совещаниями, в участии представителей профсоюзов в разработке народнохозяйственных планов и их реализации.

Но с годами профсоюзы, словно следуя закону вырождения, из энергичной массовой общественной организации постепенно стали превращаться в аморфные бюрократические образования с непомерно раздутым чиновничьим аппаратом. Позднее, уже в постсоветское время, приходилось встречать некоторых бывших профсоюзных деятелей, органично вписавшиеся в руководящие структуры рыночной жизни. Для них советские профсоюзы явились не «школой коммунизма», а колыбелью ушлых карьеристов.

На съезд куйбышевская делегация выехала в Москву фирменным поездом «Жигули». Руководитель делегации председатель облсовпрофа Борис Федорович Дробышев, хорошо зная, как в таких случаях люди коротают время, предупредил: ни грамма алкоголя! И посоветовал: лучше подумайте, что сказали бы вы на съезде, если бы вам дали слово.

Сам Борис Федорович мог бы, как мне думается, высказать с трибуны съезда дельные горячие мысли. Это был человек из уходящей в прошлое когорты пассионариев – страстный, увлеченный, верящий в мудрость человека. Он начал свою деятельность с заводского цеха, был технологом, начальником технологического бюро. Затем перешел на партийную работу, возглавил крупнейший в Куйбышеве партком авиационного завода. На посту первого секретаря горкома партии он перенес инсульт. Ему предложили «спокой-

ную» должность председателя областного совета профсоюзов. Этой работе Борис Федорович Дробышев отдался без остатка. Он умер в июле 1993 года незадолго до свержения советской власти – разгона Верховного Совета РСФСР. В Куйбышеве (ныне Самара) сохранилась добрая память об этом человеке.

Ночное бдение в поезде все-таки не обошлось без сдержанных возлияний. Слегка развязались языки. Один из делегатов, председатель обкома отраслевого профсоюза, стал запальчиво убеждать других, что профсоюзы душит бюрократия. Отраслевой принцип организации, многоступенчатость в управлении породили сонм паразитов. На содержание аппарата уходит львиная доля взносов и государственных финансовых вливаний.

Интересно, что на самом съезде эти же мысли, только в более спокойной примирительной форме, звучали в выступлениях многих делегатов. Меня же удивило, что засильем паразитов возмущались как раз те профсоюзные чиновники, которые сами являлись пиявками. Вообще самобичевание – родовая черта русского человека. Натворит он что-нибудь и мучительно кается. Закоренелые взяточники, как я заметил, любят публично, гневно осуждать этот порок. Пьяницы, чуть протрезвев, клеймят пьяное безумие. Люди с холопскими наклонностями покорно терпят барство над собой, втихую браня и ненавидя это барство. Какая-то двойственность человеческой природы. уродливая психология. Она, как мне

кажется, сформирована веками, когда человек только и думал, как выжить, как сохраниться в сущем бедламе. Отсюда – приспособленчество, лицемерие, двоедушие...

Заседания делегатов проходило в кремлёвском Дворце съездов. Уже в первый день ожидалось присутствие М.С. Горбачёва и его сподвижников. В огромном зале у каждой делегации было строго определено своё место. Поэтому меня очень удивило, когда рядом со мной оказался ленинградец Владислав Игнатьевич Стржельчик – знаменитый актёр театра и кино, женский сердцеед, ставший всенародным любимцем после вышедшего на телеэкраны страны фильма «Адъютант его превосходительства».

Осмотревшись, я увидел «маршала Жукова» – народного артиста СССР Михаила Александровича Ульянова. Он сидел в окружении рязанских делегатов, восторженно называвших его «дядей Мишей». Чуть далее, наискосок, ещё одна популярная в народе личность – тоже актёр. Вскоре, когда в президиум съезда вышел М.С. Горбачёв со своим шлейфом, я понял, для чего среди делегатов расселись в шахматном порядке наши театральные и киношные знаменитости.

Пока мы со Стржельчиком сидели локоть к локтю, он рассказывал занимательные истории из своей жизни и жизни его друзей. Одну такую историю я запомнил, как наглядную иллюстрацию непотопляемости чиновника. Один из заместителей Ленинградского горисполкома просидел в своем кресле долгие годы. Стржельчик на правах его давнего дру-

га однажды спросил, как ему удалось пережить всех своих начальников? На что тот правдиво, честно ответил: «За всё время я умудрился не подписать ни одной серьёзной бумаги».

Так неспешно, в свое удовольствие, мы вели беседу, пока в президиум откуда-то из закулисного входа не вышел Горбачёв. Он даже ещё не вышел, а только обозначился в полфигуры, как мой импозантный сосед вскочил с кресла и стал яростно аплодировать. Боковым зрением я увидел Михаила Ульянова и другого, в отдалении, артиста, которые первыми, как и Стржельчик, вскочили с кресел и стали отбивать овацию. Разумеется, весь гигантский зал, ведомый артистами, в ту же секунду взорвался аплодисментами – действительно бурными и действительно продолжительными.

В первом же перерыве Владислав Игнатьевич, посчитав, что дело сделано, поспешил в гостиницу «Россия» и дальше на поезд «Красная стрела». Я не сомневался, что на подобных всесоюзных мероприятиях в последние годы существовало организованное ликование. И в роли клакеров выступали обычно аппаратные чиновники. Но здесь, на профсоюзном съезде, ликование организовали по высшему разряду, с привлечением артистического бомонда, дабы убедить страну, что народ, его лучшие представители от сохи и станка, поддерживают и одобряют перестроечную идеологию Горбачёва, ну и, конечно же, обожают его лично.

Как это грубо, выпукло не вязалось с бесконечными при-

зываются генсека уходить от парадности, славословия, быть ближе к жизни и говорить правду и только правду. Историки утверждают, что доверие к Горбачёву у народа пошатнулось после известных событий в августе 1991 года. Думаю, это не так. Вскоре после того, как его избрали генеральным секретарем ЦК КПСС, и он заявил о неизбежности коренных преобразований, в народе стали распространяться, как индикатор настроений, анекдоты о заявленных изменениях. Вот один из них – самый точный: перестройка идет как в тайге – верхушки шумят, а внизу тихо.

Так и было на самом деле. Народ не понимал, что же делать, к чему стремиться. Социализм, как идеологию, как ориентир развития, уже вовсю начали оплёвывать в леволиберальных СМИ. Народ же вел себя индифферентно, выжидал, куда кривая выведет. На 19-й Всесоюзной партконференции в июле 1988 года писатель-фронтовик Юрий Бондарев в своем выступлении выразил то, над чем стали задумываться все здравые люди. Он сравнил горбачевскую перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. И только очень прозорливые люди могли догадываться, что посадочная площадка замышляется на бездорожье капиталистической экономики.

Один из очередных вояжей М.С. Горбачёва по стране выпал на Куйбышевскую область. В Тольятти Михаил Сергеевич вместе с Раисой Максимовной посетили Волжский автомобильный завод, осмотрели дизайн-центр, где были выставлены изготовленные в пластилине автомобили будущего. Выставка таких авто, рожденных свободной фантазией конструкторов, впечатлила генсека. В альбоме, предназначенном для отзывов гостей, М.С. Горбачёв оставил свой автограф в виде вот такого пожелания: «ВАЗ должен стать законодателем в автостроении в мире».

Что ж, раз верховный правитель страны пожелал, значит так тому и быть. Возникла довольно нелепая ситуация, когда эмоциональная проходная реакция первого руководителя государства привела к масштабным и позитивным (для ВАЗа) последствиям. Тут же последовал приказ министра автомобильной промышленности [В.Н. Полякова](#) «О мерах по реализации поручений Генерального секретаря ЦК М. Горбачёва во время посещения г. Тольятти». Чуть позже вышло постановление правительства СССР о создании в объединении «АВТОВАЗ» отраслевого научно-технического центра по легковому автомобилестроению.

Так мог ли «ВАЗ» в такой стадии своего развития заткнуть за пояс японских, американских, немецких автопроизводителей? Не маниловщина ли это? С таким вопросом я обратился тогда к генеральному директору научно-технического центра ВАЗа В.В.Каданникову. Владимир Василье-

вич в своем интервью высказал парадоксальную мысль. Мы можем, сказал он, создать автомобиль не хуже, чем японцы или немцы. И можем поставить его на конвейер. Но в бедной стране он мало кому будет нужен. Его цена – не по карману отечественному массовому покупателю. Вот почему, добавил Каданников, на конвейере долго ещё будут «копейки», «двушки» и другие модели, заложенные ещё итальянскими конструкторами.

Позже мне приходилось ещё два раза брать интервью у Каданникова, когда он был уже генеральным директором ВАЗа, а затем одним из организаторов криминально известного автомобильного всероссийского альянса (АВВы). Об этом я ещё расскажу в своем повествовании, а пока отмечу, что Владимир Васильевич был всегда предельно откровенен в общении с журналистами. И вот это его суждение о том, что потребительский спрос, уровень обеспеченности населения значительно влияет на развитие легкового автомобилестроения было для меня нелишним подтверждением определённой закономерности: бедность граждан и хороший отечественный автомобиль несовместимы.

XXX

Работа в «Волжской коммуне» мне не доставляла никаких огорчений. И это благодаря зрелому коллективу, где не замечались интриги, склоки, взаимные подозрения, недоб-

рожелательность. Петр Архипович Моторин, если назревал какой-нибудь внутренний конфликт, умело гасил его в зародыше. Для меня он был образцом редактора, таким же, как Иван Степанович Гагарин в «Уральском рабочем», Леонид Петрович Кравченко в «Труде» и Михаил Федорович Ненашев в «Советской России». И я старался не прерывать отношения с коллегами из этих дорогих для меня газет.

Однажды раздался звонок из отдела культуры «Советской России»: что там у вас случилось с Юрием Антоновым, почему он прервал гастрольный концерт, можешь об этом написать? История с Юрием Антоновым, действительно, вышла скандальная и даже немного дурацкая. Артисты во главе с певцом явно были в приподнятом состоянии, но не только от творческого возбуждения. Это было заметно. Поскольку я сам был очевидцем сорванного концерта, то мне не понадобилось что-то уточнять. Как всё это было я изложил в корреспонденции «Испортил песню»:

«В Куйбышеве прерваны гастроли популярного певца и композитора Юрия Антонова. Что же случилось в Куйбышевском дворце спорта, где выступал артист?»

Уже в первых минутах концерта Ю. Антонов начал устанавливать своеобразный контакт с залом, то и дело адресуя язвительные реплики партеру и «демократически» заигрывая с галеркой. Оскорбительны были его обращения к зрителям старшего возраста.

Все это можно было бы понять как не совсем удачные

шутки, если бы артист не нагнетал их от выступления к выступлению, явно демонстрируя пренебрежительное, высокомерное отношение к залу.

Ну а что сам концерт? Репертуар Антонова был откровенно беден. И только однажды, когда со сцены зазвучала песня «Снегири», зрители увидели, что перед ними прежний Антонов – певец мягкого душевного склада, лиричный, доверительный. Но это было мгновение, которое, к сожалению, не почувствовал и не подхватил сам артист.

Финал гастролей таков. В негромком всплеске жидких аплодисментов Юрий Антонов расслышал брошенную кем-то раздраженную фразу: «Это же халтура!» Он потребовал, чтобы зритель немедленно покинул зал. А затем сам ушел со сцены и больше не появился.

В партере, между прочим, сидели в основном рабочие куйбышевских предприятий, жители пригородных районов, купившие билеты по коллективным заявкам. Их надежды, как и других зрителей, увидеть праздник эстрадной песни не оправдались».

Вот и вся история... И никто бы её не вспомнил, если спустя какое-то время сам Юрий Михайлович не стал бы раздувать её до масштабов политического преследования неугодного певца. На разных телевизионных каналах он рассказывал, как стал жертвой партийно-советской бюрократии, как злобно мстили ему за его демократические настроения. Телевизионные ведущие охали-ахали и чуть ли не рыдали от

обиды за всенародного любимца.

Юрий Антонов в самом деле был и остаётся любимым певцом. Ему и в подмётки не годятся иные современные певуны и певуны, не сходящие с телеэкранов в прайм-тайм. Кстати, самого Антонова теперь не увидишь и не услышишь в музыкальных программах электронных СМИ. А тогда его как козырь, то и дело вытаскивали на экран, чтобы показать, какого человека «гнобила» советская власть.

Я сам критически воспринимал многое, что происходило в моём Отечестве под именем СССР. Видел, что причины всяческих неурядиц, экономических, социальных и нравственных уродств коренились в самом человеке, в его зоологических инстинктах, в неразвитости сознания. Но никогда не считал, что, выбрав социалистический путь развития, страна вошла в тупик. А именно такой вывод, внушаемый идеологами либеральной рыночной экономики, стал звучать на всех перекрестках. На телеэкранах появились узнаваемые лица, рассказывающие байки о том, как Советская власть терроризировала их души, посягала на свободу мысли.

Вот известный артист на телевизионной тусовке рассказывает, что великого русского поэта Сергея Есенина ему приходилось читать тайком под одеялом. Боялся, что за это донесут в соответствующие органы и его лишат работы. Другой человек, тоже узнаваемый, познакомился с романом Булгакова «Мастер и Маргарита» в начале семидесятых годов, купив самиздатовскую книгу из-под полы, с оглядкой, как бы

не замели за это. И этому беспардонному вранью непросвещённый телезритель вынужден верить на слово. Никакой телеведущий не скажет, что Сергей Есенин никогда не был под запретом, что роман «Мастер и Маргарита» был опубликован в столичном журнале в 1967 году и позднее регулярно издавался немаленькими тиражами.

Моя однокурсница по факультету журналистики в недавнем разговоре о том, какую страну мы потеряли, запальчиво и зло сказала: «О чем жалеть? Нам в советской школе даже Достоевского не позволяли читать!». Дорогая моя, ответил я ей, ты, наверное, забыла, что литературу в школе нам давали по полной программе. Другое дело, что качество преподавания хромало. А читать или не читать Достоевского – это ты решала сама.

И вот таких примеров лжи, искажения фактов, нагромождения непроверенных слухов было невпроворот. Думаю, Юрий Антонов со своей куйбышевской историей удачно подвернулся кому-то под руку и его вписали в долговременный сценарий разоблачения прошлой «постыдной нашей жизни». Чтобы завершить эту тему, добавлю одну красноречивую деталь. Известный гитарист Виктор Зинчук работал музыкальным руководителем группы Юрия Антонова как раз в то время, когда произошел тот самый скандал. Как позднее говорил сам Зинчук, после этой истории он пересмотрел свои взгляды на концертную деятельность и решил уйти от Антонова, занявшись сольными выступлениями.

В начале лета 1987 года мне позвонил собкор «Правды» по Куйбышевской области Владимир Александрович Шалгунов. Мы были с ним достаточно близко знакомы. Жили недалеко друг от друга, иногда встречались в баре, выпивали по рюмке водки. Мне было интересно с ним общаться. В журналистской среде он слыл старожилом, хорошо разбирался в хитросплетениях бюрократической власти, мог, если возникала такая необходимость, дать дельный совет. На этот раз он меня удивил:

– В корсети «Правды», – сказал Вадим Александрович, – интересуются тобой, не хочешь ли перейти к нам на работу?

Меня это предложение застало врасплох. В Куйбышев я перебрался из Новосибирска исключительно по семейным обстоятельствам. Вскоре после переезда похоронили маму, а отца забрала к себе одна из моих старших сестер. Казалось бы, теперь меня ничто не держит и мне будет легко согласиться на это лестное предложение. Но я колебался. Семья уже устала от переездов. Старший сын Павел за какие-то пять лет сменил шесть школ. И в каждую школу ему приходилось все труднее и труднее вживаться. Он был проказливым, ершистым мальчишкой, и это ещё больше усложняло его юную жизнь и добавляло нам хлопот.

Жена Елена, подобно нитке за иголкой, безропотно следо-

вала за мной. Но и она на этот раз помрачнела, узнав о нашем возможном очередном перемещении на другое место работы. А мне предложили очень отдаленный регион – Туркмению, Ашхабад. Учитывая настроение семьи, пришлось отказаться.

Через недели две звонок из редакции «Правды». На этот раз предложили корпункт в Ульяновске с охватом Ульяновской, Пензенской областей и Мордовской автономной республики. Это уже меняло дело. Через несколько дней я был на собеседовании в редакции газеты, а затем в секторе печати ЦК КПСС. Заключительная беседа – с заместителем отдела пропаганды и агитации ЦК В.Н. Севруком.

Владимир Николаевич вёл разговор конкретный. Чувствовался его интерес ко мне, вопросы задавал не дежурные, а по ситуации, я бы сказал, резонные. Не знаю, насколько бы затянулось наше общение, если бы не звонок по внутреннему телефону. Это был прямой телефон секретаря ЦК А.Н. Яковлева. Реакция Владимира Николаевича на этот звонок меня неприятно поразила. Севрук бросился к аппарату как Александр Матросов на амбразуру. С такой стремительностью, с такой поспешностью, что сорванная с рычага трубка выпала из рук и Владимир Николаевич от этого ещё больше запаниковал. Я подумал тогда, что же за атмосфера такая на Старой площади, если обычный рабочий звонок партийного вельможи выносит мозги у подчиненного.

Яковлев всего-навсего интересовался у Севрука, кто та-

кой Альберт Лиханов. Ну, наверное, Яковлев должен был бы и без подсказки знать об этом широко известном детском писателе, главном редакторе всесоюзного молодёжного журнала «Смена». Но поскольку речь шла о создании Советского детского фонда (ныне Российский детский фонд) и его руководителе, то вопрос Яковлева был скорее всего проверочным или перестраховочным. В.Н. Севрук мгновенно выдал исчерпывающую характеристику писателю, отмечая его несомненные достоинства как общественного деятеля.

На В.Н.Севруке закончились мои хождения по высоким кабинетам и едва ли не через неделю вышло постановление секретариата ЦК об утверждении меня на должность собкора, а следом – приказ главного редактора «Правды» В.Г. Афанасьева.

Надо все-таки сказать, что из себя представляла главная партийная газета. Являясь печатным органом ЦК, газета по своему статусу имела огромное влияние на политическую и социальную жизнь страны. Любое принципиальное выступление «Правды» расценивалось как мнение высшего руководства. Отсюда – крутые строгости в толковании фактов, аскетизм в подаче публикаций, некоторая чинность. Таков был облик газеты. И её нельзя было сравнивать с традиционно более вольными «Известиями» или раскрепощённой «Литературной газетой», которая после войны в 1947 году стала общественно-политическим изданием.

Но постепенно «Правда» меняла свой образ. Оживлялся язык, разнообразнее становилась тематика, внимание журналистов стали привлекать нужды и заботы простого человека, производственные и социальные конфликты. Газета никогда не испытывала дефицит высококлассных кадров. Нужно было только создать атмосферу творческой раскованности, ослабить партийную зажатость, чтобы полностью раскрыть потенциал правдивости. Это и произошло при главном редакторе газеты академике Викторе Григорьевиче Афанасьеве.

При нём заблистали журналистские перья Виктора Кожемяко, Василия Парфёнова, Виктора Белоусова, Станислава Пастухова, Юрия Казьмина, Виктора Хатунцева, Евгения Соломенко, фельетонистов Валентина Прохорова, Александра Головенко... Если раньше «Правду» совершенно безосновательно называли «кладбищем журналистских талантов», то теперь в неё стремились попасть коллеги из других популярных изданий. В восьмидесятые годы в «Правду» высадился целый десант из Комсомолки. Это были лучшие перья всесоюзной молодёжки – Владимир Губарев, Владимир Снегирёв, Дмитрий Горбунцов, Владимир Любицкий...

Когда говорят, что «Правда», как идеологический рупор ЦК КПСС, якобы тормозила демократические процессы горбачёвской перестройки, я всегда отвечаю так: как раз «Правда» в это время проявила себя хотя и сдержанно, но последовательно и принципиально. Если другие газеты ска-

тывались на эпатаж, искажая реальное положение дел, то «Правда» спокойно, без панических выводов вскрывала глубинные корни экономических и социальных деформаций, которые подвели могучую страну к кризисной черте.

Заместитель главного редактора Дмитрий Васильевич Валовой, курирующий экономическую тематику в газете, опубликовал ряд статей, показывающих несовершенство плановых показателей – и прежде всего отчетного показателя валового производства. По этому поводу в редакции даже незастенчиво шутили: Валовой воюет сам с собой, борется с валом.

Даже не напрягая мозговых извилин, можно было понять, что стремление к росту валового производства в денежном выражении переворачивает всё с ног на голову. Идет искусственное удорожание продукции, устраняется мотивация к научно-техническому прогрессу, торжествуют липовые отчетности. Это – экономика абсурда. Но, кроме «Правды», эту тему никто не затрагивал, а на записки Дмитрия Васильевича Валового в ЦК, непосредственно Горбачёву и Рыжкову, реакция была настороженной, если не равнодушной. Позднее, уже при Путине, Валовой утверждал, что именно абсолютизация валового показателя обрушила экономику, способствовала развалу страны.

Пока либеральная пресса во главе с еженедельником «Огонёк» упражнялась в разоблачении сталинских репрессий и брежневского застоя (хрущёвские разрушительные эс-

капады почему-то не упоминались или упоминались как предвестники демократии), «Правда» системно, настойчиво давала реальную картину текущей жизни. Газета стремилась показать обществу, что говорить о прошлом нужно непредвзято, с уважением и при этом не забывать, что творится в стране сейчас. Кто это скажет лучше журналиста? Да сам читатель!

В год в «Правду» приходило более 400 тысяч читательских писем. Среди журналистов, анализирующих почту, была Татьяна Самолис – скромный, незаметный в редакции человек, хотя она занимала должность заместителя редактора отдела писем и изучения общественного мнения. Впоследствии она стала пресс-секретарем Службы внешней разведки, куда её пригласил Евгений Максимович Примаков (тоже бывший зарубежный собкор «Правды»). И вот из-под её пера вышла довольно объёмная статья под названием «Очищение», написанная на основе читательских писем. В ней шла речь о могущественной системе чиновничьей номенклатуры, которая с некоторых пор превратилась в касту привилегированных народных нахлебников.

Выступление «Правды», в принципе рядовое, вызвало во все не рядовое недовольство как в консервативной части ЦК, так и в стане ретивых перестройщиков, считающих право на критику существующих порядков исключительно своей монополией. Мне даже доводилось слышать, что вот, дескать, «Правда» и другие партийные издания мимикрируют, стара-

ются вскочить на подножку уходящего поезда. А ведь именно со страниц партийных изданий сначала робко, а затем все настойчивее начинался тревожный разговор о том, в каком состоянии пребывает наша страна, всё общество. И главным солистом выступала газета «Советская Россия». И уж потом встроились, как искусные трубадуры гласности, «Московские новости», «Огонёк», «Аргументы и факты».

XXX

В октябре 1987 года я приступил к работе как собкор «Правды» по Ульяновской, Пензенской областям и Мордовской автономной республике. Для меня эта зона была знакомой. Будучи собкором газеты «Труд» изъездил её вдоль и поперек. Не забуду первую командировку в Ульяновск. Мне было поручено редакцией «Труда» подготовить материал о том, как распределяются профсоюзные путёвки в санатории и дома отдыха. Пришлось покопаться в документах, переговорить со многими рабочими и служащими. Выяснилось, что санаторные путёвки достаются в основном тем, кто ближе к профсоюзному, и не только профсоюзному, начальству. А человек, который остро и вполне заслуженно нуждается в санаторном лечении, такой путёвки может и не дожидаться.

Профсоюзная деятельница, неотступно сопровождавшая меня в той командировке, очевидно, имела задание «обезвредить» корреспондента. Она постоянно напоминала, что

нужно обязательно побывать на шоколадной фабрике, мясокомбинате и ликёроводочном заводе. Такая опека мне порядком надоела, и я прямо сказал об этом. В общем, нейтрализовать меня не удалось. И вышел материал под заголовком «Втихомолку на курорт» – о том, как обесценивается настоящая профсоюзная работа и подрываются её социальные функции.

Ульяновск тогда произвел на меня двойственное впечатление. Город, где родился и вырос Владимир Ленин, был чист и опрятен. Но только в центре! Ступишь на окраину и там можно увидеть, как и в других городах, заросшие чертополохом пустыри, пыльные улицы и закоулки, мусорные кучи. И всё-таки город Ленина выглядел намного свежее, чем другие областные центры, благодаря уникальному расположению между Волгой и Свиягой. В Ульяновске не было химического и металлургического производств, что могло бы удушить город. Не было того обилия машин, которые, как в городах-миллионщиках, отравляли атмосферу. Наконец, окрестности Ульяновска привлекали девственно чистыми дубравами и березняками, ягодными лугами.

По-настоящему реликтовой была Ундоровская зона – ровное, в обрамлении лесов плато на правом высоком берегу Волги. Здесь, на срезе крутых обрывов обнажаются геологические слои от среднеюрского до мелового периода, охватывающего временной отрезок от 180 до 65 млн лет.

Ловлю себя на том, что говорю об этом в прошедшем

времени. Наверное, потому, что за сорок лет проживания в Ульяновске многое изменилось. И не во всём в благоприятную сторону. Там, где можно было сохранить природу, человек оставил грубые грязные следы. Стремительная урбанизация сделала город более комфортным и одновременно более токсичным. Причём, неблагозвучное слово «токсичность» стало затем широко употребляться в характеристике человеческих взаимоотношений.

С оригинальными нравами ульяновцев я и моя семья столкнулись в первые же дни. Старшему сыну Павлу (ему было тогда 12 лет) до завершения учебного года оставалось полтора месяца. Рядом с домом, где мы поселились, располагались две школы – так называемые элитные, куда кто мог впихивали своих чад. Навели справки о порядках, царящих в этих школах, и решили отдать сына в обычную чуть отдалённую школу – в пяти трамвайных остановках.

Позже жена Елена мне рассказала, какой комичный разговор состоялся у неё с суровой директрисой этого учебного заведения. Изучив школьный дневник сына, где часто в конце учебной недели стоял неуд по поведению, она поняла, что подросток не подарок и, видимо, сразу решила отфутболить его. Елена долго спорила с ней, не понимая, почему, на каком основании отказ. И вдруг сценка как в чеховском «Хамелеоне». Когда жена наконец-то объяснила, что мы переехали из другого города в связи с переводом мужа на работу в Ульяновск и работа у него такая-то, директриса мгновенно

переменилась. Павел сразу стал Пашенькой и долгожданным учеником в их школе. На следующий учебный год наш старший сын перешёл в другую школу, поближе к дому, успешно её закончил, потом также успешно отучился на юридическом факультете Ульяновского филиала МГУ.

Этот эпизод – подходящая иллюстрация к повадкам симбирского обывателя. И не важно, в каком он обличье. Самодовольный начальник или прислуживающая ему шестёрка. Нас очень напрягала лицемерие здешних людей и их уверенность, что они, аборигены, здесь пуп земли, а пришлые – они и есть пришлые, перекаати-поле. Здесь, как ни в каком другом городе, очень сильна родственно-кумовская сцепка, местническая психология. Стоит какому-нибудь Иванову или Петрову зацепиться за чиновничье кресло, он сразу же притягивал во власть братьев, сыновей, невесток, племянников, сватов – порою таких бездарных, глупых, вороватых, что хоть святых выноси...

Не случайно, московская власть, зная об этой симбирской особенности, старалась прислать на руководство областью человека со стороны – как правило, из индустриального региона. Были удачные варяги, как Анатолий Андрианович Скочилов, например. А вот его преемник куйбышевец Иван Максимович Кузнецов, прошедший цековскую школу, не смог выжить в мягких объятиях местного партийно-советского чиновничества. Бесперывные угощения обернулись для этого человека катастрофой. И тогда, чтобы спа-

сти область – родину Ленина – прислали из Тбилиси Геннадия Васильевича Колбина, с которого можно было бы писать картину «Комиссар».

Колбин, действительно, был впечатляющей внешности. Если позволить такое зоологическое сравнение, то он был похож на вепря с тяжелым поставом головы, с пронизательным, нередко настороженным взглядом маленьких глаз. Понимая, что оздоровление области нужно начинать с кадров, Геннадий Васильевич начал тасовать кадровую колоду, не имея в ней заметных козырных фигур. И часто бывало, что менялось шило на мыло. Вместо одного пьяницы приходил другой. Или глупца сменял такой же не сразу распознаваемый глупец.

Местный люд, претендующий на внимание нового руководителя области, всячески исхитрялся попасть ему на глаза с благоприятного ракурса. Колбину стали подражать во всем. Даже в походке, жестах, в приёмах речи. А один чиновник, руководитель плановой комиссии, заметив, что хозяин области подчеркивает текст в деловых бумагах цветными маркерами, живенько перенял эту особенность. И эта подражательная привычка так выросла в него, что позднее, уже изгнанный из руководящей обоймы, писал доносы и кляузы с использованием цветных карандашей.

Круто взялся Колбин за область. Одна из бурных кампаний, затеянных с присущей ему неистовой энергией, была борьба за тотальную трезвость. Вообще-то она развернулась

по всей стране с весны 1985 года, но в Ульяновске она приняла иезуитский характер. Все алкаши и выпивохи стали вдруг усердными трезвенниками, но пить продолжали по-прежнему, тайком – как говорится, под одеялом.

Суровую методику борьбы за трезвость ульяновские аборигены припомнили Колбину, когда он уехал в Казахстан на смену первому секретарю республиканского ЦК Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву. В адрес Геннадия Васильевича полетели запоздалые критические стрелы от одного из местных журналистов, посчитавшего себя незаслуженно обиженным им.

Что ж, деятельность Г.В. Колбина на родине Ленина была не безошибочной. Но главная его заслуга в том, что он растормошил сонное «обломовское» царство, заставил руководителей всех уровней энергичнее впрягаться в работу. Мне довелось пообщаться с Геннадием Васильевичем, когда, как собкор газеты «Труд», готовил материал с Ульяновской областной профсоюзной отчетно-выборной конференции.

Для участия в этой конференции из Москвы приехала секретарь ВЦСПС Александра Павловна Бирюкова. Разумеется, по протоколу её должен был сопровождать во время пребывания сам Колбин. После завершения конференции я поинтересовался у Бирюковой, как она оценивает работу ульяновских профсоюзов. Геннадий Васильевич, находившийся рядом, мгновенно включился в наш разговор и, воздав должное высоким достоинствам секретаря ВЦСПС, по-

рекомендовал мне особо подчеркнуть в газетном материале её выдающуюся роль в современном мировом профсоюзном движении.

Меня, честно говоря, это здорово озадачило. Я видел явную несоразмерность такой оценки с должностным положением А.П. Бирюковой. Не мог же такой опытный царедворец так неумеренно льстить. Вскоре вышло сообщение, что А.П. Бирюкова избрана секретарем ЦК КПСС. Спустя какое-то время она стала кандидатом в члены Политбюро, а затем первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Всё стало на свои места. И повышенное внимание Колбина к гостю из Москвы и щедрое восхваление её заслуг. Видимо, о выдвижении профсоюзного деятеля на высшие посты в государстве Геннадий Васильевич знал заблаговременно, и он умело, галантно воспользовался этой информацией.

В Ульяновск я перебрался, когда во главе обкома КПСС стоял Ю.Г. Самсонов, незадолго до этого сменивший Г.В. Колбина. Председателем облисполкома был Ю.Ф.Горячев, имевший опыт работы в комсомоле и районном партийном звене. Очень трудно вживался я в новую для себя роль. Понимал, что любая заметка в «Правде», положительная или критическая, независимо от её глубины, будет читаться с особым пристрастием, с поиском в ней потаённого смысла. Учитывая это, я не спешил писать какие-нибудь разносные или, наоборот, хвалебные статьи.

Помнится, на одну из рядовых заметок с критическим уклоном первый секретарь Ленинского райкома партии Евгений Степанович Баландин в коридорном разговоре сказал: «Вы, я вижу, пристрелку пока ведете. А потом как жахнете из главного калибра!». Нет, такой цели не было. Меня интересовали не личности как таковые, а типичные ситуации, в которых проявляется человек в разных красках.

Видел я и другое. Как и в каждом провинциальном городе, во властных и окол властных кругах Ульяновска плелись свои паутины, сколачивались группы и группки, скрытно враждующие между собой. Запуская какую-нибудь сплетню, разносчик этой «утки», как бы отмежёвываясь от неё, всегда добавлял: за что купил, за то и продаю. Интриганы при этом старались использовать втёмную как местные, так и центральные СМИ. Так что ухо надо было держать остро, чтобы не стать слепым орудием в руках всяческих прохиндеев.

Первая публикация, которая наделала много шума не только в Ульяновской области, была связана с деятельностью милиции. Так уж получилась, что мой старший брат Александр смолоду служил в системе МВД, дорос до полковника, и ушел на пенсию с ампутированной ногой после тяжёлого огнестрельного ранения. Служила в милиции и жена Елена – старшим инспектором в отделе кадров областного УВД. К своей работе и к своим коллегам они относились с уважением, хотя изнутри знали о многих безобразиях, творившихся

в то время в милиции. В народе, однако, к «службе дни и ночи» было определённое почтение. Ведь на авторитет милиции работала вся кино- и теле индустрия того времени. Министр МВД Щёлоков приложил немало усилий для художественной героизации профессии милиционера, начиная от участкового инспектора, оперативника, следователя и кончая фигурами с большими звездами на погонах.

В жизни было не так всё складно и героически, как изображалось на экранах кино и ТВ, в романах и повестях. Человек в милицейских погонах нередко сам являлся первым нарушителем законности и правопорядка. Но об этом старались не говорить публично или просто-напросто замалчивали.

История, которая произошла в Димитровграде, тоже могла «лечь под сукно», если бы не письмо в корпункт «Правды». Суть дела. Молодая привлекательная женщина, одетая дорого, но не вызывающе, шла к автобусной остановке. Вот ещё пятнадцать метров, она сядет в автобус и через несколько минут будет дома, где её ждёт муж – научный работник института ядерных реакторов.

И тут на пути спешащей женщины встали милиционеры патрульно-постовой службы. Им показалось, что от неё слегка пахнет спиртным. Что было дальше, нечего и рассказывать. Дальше последовало по сценарию, написанному всем известной многолетней милицейской практикой. Медвытрезвитель с вонючими кушетками и с изъеденными кры-

сами стенами. Спецкресло для связки беспокойного клиента. К этому спецкреслу женщину, раздев донага, трижды привязывали, заломив до кровоподтеков руки за спину. Зачем, почему? А только за то, что она влепила пощёчину милиционеру вытрезвителя, когда он без протокола, без свидетелей, вырвал у неё из рук дамскую сумочку и стал в ней рыться как в своём кармане.

Нет, её зверски не избивали, не говорили в лицо гадкие слова, её просто дико, смертельно унижали насильственными действиями. Когда блюстители порядка сообразили, что хватили через край, женщину выпустили, разумеется, безо всяких извинений. Валентина, так звали их жертву, придя домой, вскрыла себе вены. Её едва успели спасти...

Прежде чем сесть за подготовку статьи под названием «До остановки не дошла», я встретился со всеми действующими лицами этой позорной для милиции истории. Милиционеры мекали-бекали, пытаясь оправдаться. А оправдание в их понимании было одно – тупое, железобетонное: не мы это придумали, так делают всегда и везде. Спустя почти двадцать лет я ненароком встретился с полковником В.И. Бочковым. Это он возглавлял Димитровградское ГУВД, когда произошел тот случай в медвытрезвителе. Уже отставник, увлекшийся на пенсии пасекой, он, вспомнив прошлое, чистосердечно сказал: правильно было написано, в точку! И то, что полковник после газетной публикации получил служебное взыскание, его тогда ничуть не расстроило, а заставило по-

копаться в самом себе, признать, что зло сидит в нас самих и кто-то умеет и хочет его подавить, а кто-то – нет.

В статье «До остановки не дошла» мне пришлось вспомнить и другой случай. На заседании бюро Ульяновского обкома партии рассматривали апелляцию бывшего коммуниста с многолетним партийным стажем. Его грех был в том, что, возвращаясь в воскресенье со своей дачи, он попросил закурить у встретившегося на улице капитана милиции. Запах вина – вытрезвитель – исключение из партии. Я навел справку об этом человеке. Начальник передвижной механизированной колонны, трудяга, хороший семьянин. В тот злополучный день – день своего рождения – он выпил с соседями по даче пару рюмок водки. И вот нарвался на придурка-капитана, посчитавшего оскорбительным для себя просьбу какого-то хромоногого чудака дать ему закурить.

Члены бюро даже не стали вникать в суть дела, апелляцию отклонили. Я знал, что половина членов бюро сами не дураки выпить. И уже после заседания спросил одного из них, почему молчал, ведь человек не заслуживал такого бездушного предательского отношения. И услышал ответ: «Заступись я тогда за него и меня обвинили бы в потакании выпивохам».

Я тогда понял – у такой партии песенка спета. Если прожжённых деляг, чуть ли не преступников, она готова неистово защищать, а вот таких бедолаг, попавших по недоразумению в неприятную историю, сдаёт без боя, то за такой партией народ уже не пойдёт. Начальник ПМК просто оказался

не той масти, так себе, мелкота, им можно пожертвовать для симуляции принципиальности и непримиримости к человеческим порокам.

Публикация в «Правде» всё-таки свою роль сыграла. В СМИ, как будто плотину сорвало, начали активно обсуждать, кому нужны такие медвытрезвители, где человека могут не только ограбить, но и жестоко избить, всячески унижить и, отправив ему на работу скандальную бумагу, сломать его судьбу, судьбу его семьи. Спустя какое-то время руководство медвытрезвителями было передано от МВД министерству здравоохранения. А потом от них вообще отказались, посчитав, что в новой России, где каждый волен делать, что хочет, они не нужны. Вот так всегда! Из крайности – в крайность. Наконец, поняв, что вытрезвитель должен иметь чисто медицинскую функцию, не сопряжённую ни с какими карательными действиями, их работу снова восстановили после 2020 года. Теперь они действуют, разумеется, на коммерческой основе.

XXX

Как всегда, на новом месте стал присматриваться к местным журналистам и своим коллегам из центральных газет. Ульяновская пресса представляла довольно унылую картину, хотя в ней работали небесталанные люди. Видимо, многое зависело от редакторов, от их умения и желания сделать

газету боевой, содержательной и главное – не пошлой! Когда в конце восьмидесятых годов расшевелились центральные издания, на периферии, подражая им, тоже стали использовать всяческий «оживляж» для привлечения читательского любопытства. При этом больше внимания уделяли форме, а не содержанию.

Однажды областная газета «Ульяновская правда» выдала на первой полосе подборку производственных фотографий под аршинным заголовком: «Глаза пугают, а руки делают». Что ж, можно и такой дремучей неграмотностью вызвать улыбку у читателей. В этом же номере на второй полосе большая статья под заголовком «Вредоносность колорадского жука – под строгий контроль!». Видно, креативность на заголовки иссякла уже на первой полосе, где глаза не боялись, а пугали.

Привожу эти примеры вовсе не для того, чтобы как-то уязвить своих коллег по журналистскому цеху. СМИ начали входить в полосу «свободного полета», когда сначала ослабла, а потом и вовсе исчезла партийная и государственная цензура. И многие журналисты просто не выдерживали экзамены на профессиональную и социальную зрелость. Создавались тысячами новые газеты и журналы, куда пришли неподготовленные кадры, вообразившие, что печать может стать доходным делом и обогатить их.

В Ульяновске такие издания тоже появились, причём на первых порах неплохо кем-то финансируемые. К примеру,

городская газета «Симбирский курьер», как либеральный рупор местного звучания, стала потрошить советское прошлое как безнадежно потерянное время для страны. Чувствовалась тематическая заданность, предопределённость. Но ведь невозможно бесконечно выезжать на подобных публикациях, которые, кстати, читателями воспринимались без восторга. Надо же чем-то заполнять газету.

Из любопытства я просмотрел новорожденные ульяновские печатные листки. В них живописно преподносилась техника сексуальных утех, изуверские убийства, изнасилования, кражи, грабежи... Очевидно, образцом такого освещения жизни являлся для многих «Московский комсомолец», редактируемый Павлом Гусевым, выдвинутым впоследствии за такие заслуги в «видные общественные деятели».

В провинции яростно подражали столичным детищам свободной прессы. Газета «Симбирский курьер», учреждённая новым составом Городского совета, из номера в номер, используя для этого чуть ли не разворот, кормила читателей кулинарными рецептами графини Молоховец, настойчиво советуя, в частности, как осветлять бульон из воловьего мяса двумя фунтами паюсной икры. По мысли редактора газеты, это было, видимо, очень актуально, когда вся область и город сидели на продовольственных талонах. Вот таким образом уводили читателя от кричащих проблем, гипнотизировали общественное настроение, чтобы скрыть, затуманить ползучий подход к криминальному делу государственной

собственности.

Вот об этом я и написал в корреспонденции «Напрасные слова». Реакция самих газетчиков на это была нервно-молчаливая. Коллеги вообще критику в свой адрес воспринимают обостренно, не любят, когда кто-то пытается их учить. Но я ведь не нравоучения предлагал, а приглашал задуматься, на какую тропу уведут журналистику учредители новой прессы.

Из официальных лиц первым откликнулся на публикацию в «Правде» заместитель председателя Горсовета депутатов Николай П-в – будущий местный активист гайдаровской партии «Демократический выбор России». Встретив меня в коридоре здания горсовета, он важно и грозно заявил, что по поводу публикации в газете «Правда» Ульяновский горсовет заслушает меня на своем заседании.

Прости меня, Господи, но я, выслушав это, сорвался на явное к нему неуважение, назвал его круглым дураком. Но он оказался не таким уж глупцом. В девяностые годы либерал – майор в отставке учредил четырнадцать коммерческих предприятий, занимающихся вырубкой и продажей леса. Его же фирма, получив лицензию на оценочную деятельность, способствовала ограблению сельскохозяйственных предприятий, искусственно доведенных до банкротства. Имущество стоимостью в десятки миллионов рублей оценивалось в копейки и скупалось нужными людьми. Пыталась за него цепляться прокуратура, но он ловко ускользал от уго-

ловного преследования. Прокуратура, насаждая на таких ушлых дельцов, потом плавно давала задний ход, следуя неписаному правилу «не кошмарить бизнес». И это правило позднее, в 2010 –х годах, стало даже директивой, исходящей от самого Д.А. Медведева, ставшего президентом.

Итак, СМИ на пороге нового тысячелетия преобразались в соответствии с происходящими фундаментальными изменениями в стране. Уже при Горбачёве журналисты были поделены на своих и чужих по идейному водоразделу. Свои, это разумеется, те, кто критиковали социалистическое прошлое, представляли его черной эпохой, высмеивали и шельмовали известных деятелей, якобы препятствующих обновлению страны. Чужие – это неразвитые писаки, не способные ориентироваться в реалиях времени, тоскующие по советским временам.

Но не только это разделяло некогда монолитное и дружное журналистское сообщество. Многие мои коллеги в наступившей профессиональной вольнице почувствовали себя как рыба в воде. Не заботясь о своем нравственном облике, они поставили себя на службу интригам, бандитским разборкам, междоусобным распрям чиновничье-бюрократических кругов. Увы, это коснулось и некоторых моих знакомых журналистов.

Один из них, всегда хваставшийся своим собкоровским прошлым, стал, где только можно, городить чушь о том, как он на страницах центральной прессы отважно боролся с по-

рочной социалистической системой. Наверное, этой писанине кто-то верил. Но я-то хорошо знал этого человека – пронырливого, беспардонного, умеющего конвертировать свой собкоровский статус в разные материальные приобретения. Уважаемая газета, от которой он работал в Ульяновске, разобравшись наконец-то, что из себя представляет этот тип, от него избавилась, используя его пьяные дебоши как формальный повод для увольнения.

В Ульяновске газету «Сельскую жизнь» представлял собкор Геннадий Иванович Красноперов – полная противоположность тому человеку, о котором я рассказал выше. Геннадий Иванович, как журналист, родом из районного звена печати, с агрономическим образованием. Он являл собой ходячую иллюстрацию к образу упёртого, бескомпромиссного журналиста. Статьи он писал суховатые, но глубокие, выверенные до мелочей. Позже, когда центральные партийные газеты, сменив учредителя, были брошены на нищенское выживание, Г.И. Красноперов стал редактором газеты «Жизнь и экономика», созданной местным отделением Сбербанка. Он сумел организовать нештатный актив добросовестных авторов. Конкретно, на фактах текущей жизни, газета показывала, к чему привела стихия горбачёвских скороспелых преобразований. Подписной тираж издания за короткое время вырос с десяти до двухсот тысяч экземпляров.

В двухтысячных годах Г.И.Красноперов, выйдя на пенсию, увлекся городским садоводством. В своем микрорайо-

не он создал множество цветочных клумб. Там, где был чертополох, репейники и крапива, теперь по весне цвели астры, мальвы, бархатцы, бальзамин, календула, космея и много чего другого, названия которых не упомнишь. За десяток лет на пустырях, школьных дворах, вдоль тротуаров он высадил более миллиона декоративных растений. Его худенькая фигура с лейкой и садовой лопаточкой, в широкополой соломенной шляпе настолько примелькалась горожанам, что, когда он однажды приболел, многие встревожились: а где тот смешной старичок, так похожий на доброго гнома?

Мечта Геннадия Ивановича привлечь к городскому садоводству как можно больше энтузиастов, увы, не осуществилась. Некоторым людям (а таких немало) больше нравилось вытаптывать клумбы, ломать их ограждения, вываливать на них мусор, чем беречь и холить созданную цветочную красоту. Удивительно, но Геннадий Иванович, огорчаясь, не злобился на таких людей. «А за что осуждать-то? – говорил он примирительно. – В них ещё сидят гены разрушения, бактерии уродства, их не так-то просто вытравить».

Постепенно втягиваясь в собкоровские будни, я старался каждый день отправлять в редакцию если не корреспонденцию, то хотя бы информационную заметку. Заведующий отделом корреспондентской сети Владимир Дмитриевич Федотов (сам бывший собкор) немного остудил меня. Не мельтеши, сказал он в телефонном разговоре, выбирай солидные темы, детально прорабатывай их, облачай в яркий, но про-

стой язык. Подготовив материал и отправив его по телетайпу или через стенографистку, я торопился узнать, что с ним, будут ли печатать. Такая назойливость кое у кого вызывала раздражение.

Так оно и получилось в моих взаимоотношениях с отделом науки, где редактором был Владимир Степанович Губарев. После Чернобыльской трагедии, произошедшей в апреле 1986 года, в мире изменилось отношение к ядерной энергетике. В обществе нарастал страх, названный радиофобией. Многие страны стали отказываться от атомных реакторов, переключившись на разработку возобновляемых источников энергии с одновременным использованием углеводородного сырья, что наносило непоправимый вред экологии.

СССР в конце восьмидесятых годов, на территории которого произошёл ядерный катаклизм, переживал в то время сильнейший комплекс вины. В общество через СМИ вбрасывались многочисленные экспертные оценки о гибельности атомной энергетике, о неизбежной необходимости отойти от неё, переключившись на углеводородное сырьё – нефть, уголь и газ. Чтобы усилить паническую тревогу за энергетическое будущее в стране, в СМИ замелькало предсказание якобы болгарской прорицательницы Ванги о скорой катастрофе в ядерном научно-исследовательском центре в Димитровграде Ульяновской области. Это побудило меня взять командировку в Димитровград, чтобы узнать об этом мнение самих ученых-ядерщиков.

После долгой беседы с директором института Валентином Борисовичем Ивановым я подготовил публикацию «Назад к лучине или риск без страха». Валентин Борисович аргументированно показал, что отечественная атомная энергетика стала заложником радиофобии и политических спекуляций. Общество лишено точной научной информации о том, что применение атома, как источника энергии, повлечёт за собой гораздо меньше негативных последствий, чем наращивание углеводородного сырья в выработке тепла и света. Увеличение доли ископаемого топлива в производстве энергии приведет к чрезмерному расходу кислорода в атмосфере. А если это будет уголь, то вместе с золой и пылью, окислами азота и серы неизбежно увеличится и радиационный фон.

Более того! Уже сейчас возникает реальная угроза человечеству от парникового эффекта, одна из главных причин которого – интенсивное использование органического топлива. Отсюда вывод: будущее за ядерной энергетикой. В её пользу говорит и тот факт, что человечество (прежде всего в экономически развитых странах) уже накопило организационный, технологический и научный опыт безопасной эксплуатации атомных реакторов. И чем скорее пройдет реабилитация ядерной энергетики после Чернобыльской аварии, тем лучше для экономики нашей, в частности, страны.

Так получилось, что тему этой статьи я не согласовал с редактором отдела науки и готовил её «на авось». Владимир Степанович Губарев, как я знал, первым из журнали-

стов оказался на месте Чернобыльской аварии сразу после произошедших взрывов. Результатом его командировок стали не только репортажи в «Правде», но и пьеса «Саркофаг», которая была поставлена в 56 театрах мира. В Великобритании пьеса была удостоена театральной премии имени Лоуренса Оливье. Как отреагирует редактор отдела, он же автор нашумевшей пьесы, на предложенную статью, отвечает ли она его умозрению, мне было неизвестно.

Отправил по телетайпу текст в редакцию и на следующий день звоню В.С. Губареву. «Пока я не видел материал, – ответил он. – Перезвоните через пару деньков». Не стал выжидать пару деньков, назавтра звоню снова.

– Слушайте, – раздраженно ответил Губарев, – вы как курица, яйцо ещё не снесли, а кудахчете...

– Я то снес яйцо, – отвечаю запальчиво, – а вот вы даже не смотрите его...

Через пару часов звонит уже сам Владимир Степанович и примирительно говорит: «Ваш материал выставлен в номер. Всё нормально».

И действительно, статья вышла в обозначенный срок и, как я понял, она прорвала блокаду публичных разговоров о неизбежности дальнейшего развития ядерной энергетики.

Следуя совету заведующего отделом корреспондентской сети Владимира Дмитриевича Федотова, я старался не мельчить, искал повода для серьезных глубоких тем, достойных внимания «Правды». Впрочем, критерии качества журна-

листского труда уже начали меняться, как и тематическое содержание СМИ. Статьи на конкретные экономические темы, корреспонденции о работе предприятий промышленности в новых условиях вытеснялись громоздкими теоретическими размышлениями различных авторов о дальнейших путях развития страны и многостраничными экскурсами в историю страны советского времени. Разумеется, события прошлого преподносились под определённым углом, внушая читателям, что социалистическая модель экономики и социальной жизни подвела страну к банкротству, укоренила в людях иждивенческую психологию, паразитизм.

Некоторые теоретики (ими стали в одночасье не только неизвестные до того экономисты, но и журналисты, тоже мало до этого известные) призывали войти в рынок решительно, без каких-либо промежуточных шагов. «Нельзя быть наполовину беременным, – твердили либеральные остроумы, – пропасть надо преодолевать одним прыжком». Какую пропасть? Каким прыжком?

В общем, сознание людей так заморочили, что они не могли уже критически воспринимать навязываемые идеи стремительного перехода на капиталистические рельсы. А самое главное, народ не мог даже предположить, что не за горами бандитский захват государственной и общественной собственности под покровом разгосударствления экономики, ухода от диктата государства во всех сферах жизни.

Из редакции, где отдел экономики возглавлял старейший

журналист кандидат технических наук Василий Александрович Парфёнов, каких-то директивных указаний не поступало. «Правда», как мне тогда казалось, уходила от острых дискуссий на тему дальнейшего экономического развития страны. Собкоры реагировали на события в своих регионах по-разному, в меру своего понимания происходящего. Но неизменным оставались критический настрой, стремление высвечивать и разоблачать теневые стороны деятельности партийных и советских функционеров, хозяйственных руководителей.

Одним из таких выступлений стала статья собкора «Правды» в Башкирии Владимира Прокушева под заголовком «Преследование прекратить...». Это была первая в советских СМИ перестроечного периода публикация, подготовленная не на материалах уголовного дела или прокурорского реагирования, а на фактах непосредственно журналистского расследования. И главным объектом ошеломительной критики явился первый секретарь Башкирского обкома КПСС Мидхат Шакиров. Владимир Прокушев показал, что по распоряжению Шакирова на протяжении нескольких лет правоохранительные органы республики фабриковали уголовные дела в отношении неугодных партийных и хозяйственных руководителей. Суды по этим делам беспрекословно штамповали приговоры. И таких несправедливых приговоров были сотни.

Кто же был жертвой такого необузданного своевластия?

Люди с собственным мнением, не боящиеся идти поперек мнения Шакирова и ставившие интересы дела выше карьеристских соображений. Выступление газеты взорвало общественность республики. Люди только о том и говорили, что наконец-то правда взяла своё. Что любопытно, башкирская история почему-то не заинтересовала издания либерального крыла. Они эту тему старательно избегали, по-прежнему фокусируясь на перетряхивании событий прошлого.

С Владимиром Прокушевым я встретился после его нашумевшей публикации в КПЗ – так между собой мы называли соборовскую квартиру, куда селились корреспонденты, прибывшие по вызову редакции в Москву. Владимир Иванович пребывал в задумчивом одиночестве со стаканом мадеры в руках. Для меня он был старший товарищ по всем статьям – и по возрасту, и по журналистскому опыту, и по бойцовским качествам. Всё-таки надо было иметь незаурядное мужество, чтобы замахнуться в своей критике на члена ЦК, первого руководителя крупнейшей в СССР автономной республики.

Мне показалось тогда, что эта публикация далась Владимиру Ивановичу сильнейшим нервным напряжением. Когда мы разговорились, он немного отмяк, отложил стакан с вином в сторону и стал рассказывать о своих башкирских знакомых, ставших для него родными. А знакомые у Владимира Ивановича, оказывается, были люди простого звания – бригадиры-полеводы, инженеры, водители-дальнобойщики,

врачи, учителя...

– Водись с такими людьми, – сказал Владимир Иванович, – от них получишь больше разумения, больше мыслей, чем от бездушного чиновника. Хотя... и чиновники бывают разными.

С того дня, как мы так хорошо, тепло поговорили, Владимира Ивановича я больше не видел. Вскоре он был избран депутатом Верховного Совета СССР, потом работал у М.П. Полторанина в министерстве печати, занимался организацией региональной прессы. Но московская атмосфера была ему не по душе, она его отторгала. Он возвратился в родной Красноярск, где и умер...

XXX

В своем регионе я старался побольше ездить в самые отдалённые, забытые богом уголки. Однажды у магазина деревни Зимненки Вешкаймского района Ульяновской области я наткнулся на длинную сидячую очередь. За каким дефицитом?

–

Хлеба ждем, – ответила пожилая

,

с

изможденным лицом

женщина.

Разговорились. Александра Трофимовна Степанова – пенсионерка, вчерашняя доярка. О своём домашнем достат-

ке говорит полузабытой ныне пословицей: хлеб на стол, так и стол – престол.

– Уж и престол?

– А у нас, милоч, так! – Александра Трофимовна смахнула кончиком платка невидимую слезинку, – Не привезут хлеб из райцентра, так и суп в горло не пойдёт. Хорошо, если удачная выпечка. А иной раз такое привезут – глядеть не хочется.

Эта и другие подобные встречи на сельских проселках заставили меня приглядеться: отчего хороший хлеб у самих же хлеборобов в такой нехватке?

Невеселая вскрылась картина. Разветвленная сеть хлебопекарен потребкооперации стала вдруг сокращаться. Местная власть из соображений экономии перешла на централизованное хлебопечение. А потом из райцентра на машинах развозят хлеб по селам и деревням. А там уж расписано, когда у них хлебный час. Нередко случалось, что в непогоду долгожданная машина запоздает или вовсе не придёт... Так и возникали по деревням и селам сидячие хлебные очереди. И это на пороге 21 века.

Корреспонденция «Хлебный час» стала для меня своего рода тестом в отношениях с будущим «красным» губернатором, а на тот момент председателем облисполкома Юрием Фроловичем Горячевым. Где бы ни было, на совещаниях, конференциях, в неформальном общении с людьми, Юрий Фролович всё время подчеркивал, что для него первостепен-

ные нужды народа – святое дело! Он был искушенный мастер социальной демагогии, опытный игрок на чувствах и эмоциях. Даже его лексика, простонародная по форме, отражала колоритный образ «человека из народной глубинки». Школы он называл школками, больницы больничками, детей – детками.

Чтобы подчеркнуть, что он вне политических интриг и занимается черновой работой не жалея сил, он взял за правило объезжать колхозы и совхозы на рассвете дня. К примеру, приходил на животноводческую ферму, когда доярки ещё глаз не разодрали. И те обалдевали, когда видели на пороге фермы аж самого председателя облисполкома, позже, как я уже говорил, ставшего губернатором.

В последующие годы (не знаю, по чьей подсказке) он учредил еженедельные выезды в народ. Длинная кавалькада машин из областного центра прибывала на место общения с народом (как правило, в сельский клуб) и начиналась публичная порка разных чиновников. Те хорошо знали этот сценарий, картинно каялись в своих недоработках и клялись не щадить живота своего на поприще дальнейшего служения людям. Заканчивалось это любопытное мероприятие обильным обедом, на который председателю колхоза приходилось иногда забивать последнего бычка. Такие шоу, получившие название «утренние дойки», происходили в девяностых годах.

...И вот такой удар по его имиджу. Ведь деятельность

потребкооперации, обеспечение потребительского рынка самыми необходимыми товарами – это было исключительно в компетенции председателя облисполкома. И хотя его фамилия в статье не называлась, и ему было понятно, что в этом деле дал слабину никто иной как сам Горячев. Его реакция на выступление газеты была крайне болезненной, хотя и скрытной. Напрямую он никогда не высказывал своё недовольство прессой. Но при удобном случае всегда старался напомнить, кто в доме хозяин. Он мог дать негласную команду выставить редакционную машину из гаража или порекомендовать соответствующим органам заинтересоваться заграничной поездкой журналиста и выяснить, на какие средства и зачем он выезжал за кордон. Это типичные приёмы давления на психику корреспондента, посягнувшего на непререкаемый авторитет руководителя области.

Не я один, а многие мои коллеги заметили, что уже при Горбачёве отношения прессы и власти приняли противоречивый характер. С одной стороны, СМИ предлагалось смелее, активнее вторгаться в запретные ранее для критики сферы, бичевать, не взирая на лица, пороки и недостатки, с другой стороны, в отличии от прошлых лет, – полнейшее и демонстративное равнодушие к таким выступлениям. Одновременно в народе распространялись анекдоты про журналистов, представляющие их продажными бездушными писаками, которые врут как дышат. Чтобы представить газетную критику злой, разрушительной, человека сравнивали с му-

хой. И того, и другую можно убить газетой.

Так подрывался общественный статус газетчика советской поры и ему в новые времена отводилась роль холопа, который должен знать своё место и не воображать себя мифической четвертой властью. Конечно, такой процесс «перформативирования» журналистского труда не мог быть одномоментным или скоротечным. В обывательском сознании ещё теплился уголёк доверия и уважения к СМИ и чтобы окончательно погасить его, требовалось время.

XXX

В «Правде» издавна был заведён такой порядок. Собкора время от времени вызывали в Москву, чтобы он поработал недельки две-три, а то и месяц в одном из отделов редакции. Журналист как бы встряхивался в общении со столичными коллегами, перенимал их опыт и с высоты московских мерок по-другому смотрел на жизнь закрепленного за ним региона. В свою очередь, сотрудники редакции сверяли свои мысли и оценки со взглядами собкора на текущие события, иногда отправлялись в совместные командировки.

Я уже говорил, что мне везло на людей. Неосторожные неприятные знакомства в расчет не беру. В памяти – встречи и общение с замечательными коллегами, которые стали для меня надёжными верными друзьями, единомышленниками. В «Правде» таким друзьями стали для меня Виктор Хатун-

цев, Евгений Григорьев, Александр Батыгин, Виктор Широков, Вадим Шалгунов, Валентин Прохоров...

О Валентине Фёдоровиче Прохорове речь особая, благодарственная. Впервые о нем я услышал ещё в Свердловске (теперь Екатеринбург), когда работал в газете «Уральский рабочий». Как только заводился разговор об известных выходцах из «Уральского рабочего», то наряду с громкими журналистскими фамилиями непременно называли имя Прохорова. В то время «Правда» имела большие возможности для переманивания лучших журналистских кадров со всей страны. Валентина Фёдоровича заметили за его остроумное фельетонное перо. Любопытно, что он, крайне деликатный по своему характеру, в своих обличительных материалах всегда находил такой стиль изложения, такую выверенную сатирическую интерпретацию фактов, что никто потом не мог опровергнуть.

В лице В.Ф. Прохорова отдел фельетонов «Правды» получил отличное пополнение. Отделом заведовал тогда Илья Миронович Шатуновский. И вот эти два автора задавали критический тон в газете. Позже на фельетонной волне стали ярко работать другие правдисты – Владислав Егоров и молодой тогда ещё Александр Головенко.

В очередной приезд в редакцию Валентин Федорович, заскучавший от редакционного затворничества, предложил невероятное: съездить в Саров – город атомщиков, центр производства ядерных бомб. Саров!? Да кто нас туда пустит!

Секретнее, чем этот город, нет в стране другого объекта. И зачем нам туда? О чем писать? О том, что мирные инициативы Горбачева сняли многолетнюю напряжённость между СССР и Западом и оборонная промышленность перешла на путь конверсии? И как Саров с его научно-исследовательским институтом ядерной физики, с его заводом по производству ядерных зарядов вписался в политику «нового мышления и общечеловеческих ценностей»?

Владимир Степанович Губарев, редактор «Правды» по отделу науки, когда мы пришли к нему за поддержкой, сказал со свойственной ему иронией: вас туда на пушечный выстрел не допустят, но давайте попробуем! Не знаю, то ли связи Губарева помогли, то ли сработала тогдашняя атмосфера тотальной и беспрекословной гласности, но нам без проволочек оформили документы на допуск в Саров и дали контакты с нужными людьми.

Такой уж это город Саров, что куда не подайся из него, помимо КПП, обязательно упруешься в ряды колючей проволоки, вспаханную между ними пограничную полосу, хотя до ближайшего зарубежья отсюда тысячи верст. А в остальном город как город. С развитой инфраструктурой, добротными домами, проспектами, школами, магазинами. Всё на уровне среднерусских стандартов, пожалуй, чуть выше. Свои поэты и музыканты, спортсмены и учёные... Число последних, правда, столь велико, что каждую минуту рискуешь столкнуться где-нибудь на улице или в общепитовской точке с ма-

ститым доктором наук, членкором, а то и полным академиком. О кандидатах не говорим, поскольку счет их вместе с лауреатами самых престижных научных премий идет на сотни.

Побродили по улицам. Набережная, стадион, аэропорт. Прямое сообщение с Москвой. Словом, всё есть. Нет лишь собственного места на карте да названия путёвого. В разное время город именовали по-разному. То Москвой-300, то совсем уж несуразно Приволжской конторой, то Арзамас-16, хотя до настоящего Арзамаса десятки километров. И горком партии вроде бы с претензией – Кремлёвский.

Тогда это было необходимо. И географические утайки, и совершеннейшая охранная сигнализация по гигантскому периметру, и прочее вроде вышек с автоматчиками – всё имело под собой более чем веское основание. Контора занималась делом, похожим на известный американский урановый проект «Манхэттен». Отсюда ушла в казахстанскую степь первая советская атомная бомба. Здесь мы запросто беседовали с человеком, собиравшим «вот этими руками», первую водородную.

... Спокойный голос сопровождающего нас человека уводит в достопамятный пятьдесят третий год. Невероятно тяжелый, опасный, но и отмеченный научными взлётами. Несколько месяцев не дожил тогда до термоядерного триумфа «великий кормчий», заканчивал земные счета его соратник и первый куратор атомных дел Лаврентий Берия. Городу

за колючкой шел восьмой год.

Если быть точным, то первые кольшки на месте будущего атомного центра вбили лет за двести до того люди не учёного и не военного, а духовного звания. Здесь стояла знаменитая Саровская пустынь, правда, закрытая как рассадник поповщины через десяток лет после Октябрьской революции. Пустынь славилась невероятными деяниями старца Серафима. И надо же, не прервалась за многие годы эстафета чудес. Неужто и вправду, выбирая в заповедной глуши место для ядерной цитадели, кто-то подумал о преподобном Серафиме? Ведь имя его значит «пламенный», «испепеляющий». Во всяком случае оно не забыто. В отделе лазеров для термоядерных исследований ввели в обиход физическую единицу «серафим». Не совсем обычно звучит древнееврейское имечко в ряду джоулей и рентгенов.

История Саровской пустыни, конечно же, стоит хорошей книги. Как и город атомщиков, выстроенный в середине 20 века на её камнях. А что мы знаем о нем? Секреты, секреты, одни только секреты... Но в случайных разговорах с саровчанами всплывают такие интересные детали, которые ни в одной книге не найдешь.

– Заходит ко мне как-то Андрей, – так начинается рассказ об Андрее Дмитриевиче Сахарове его сослуживец. Для него трижды Герой Социалистического Труда, академик, один из отцов водородной бомбы, в поздние годы диссидент, правозащитник – всего лишь Андрей, товарищ по научным де-

лам. О Сахарове он вспоминает с юмором.

Однажды из Москвы пришло указание о командировании академика на какое-то важное представительное совещание. Предупредили: позаботьтесь о его приличной одежде, а то заявится, как всегда, в затрапезном виде... Что есть, то есть. Андрей Дмитриевич никогда не был щёголем, был равнодушен к своему одеянию. Впереди поездка в Москву, а у него на голове потёртая кроличья шапчонка. Предложили ему шикарную норковую – отказался. «Я к этой привык», – говорит трижды Герой Соцтруда, – мне в ней удобнее».

Тогда коллеги Сахарова разработали хитроумную операцию. Шофер, возивший академика, слёзно пожаловался ему: купил себе по великому благу ондатровую шапку, оказалась большой. Такие деньги отдал! Выручайте, Андрей Дмитриевич, может вам подойдет? Путем такой комбинации добились желанного. В Москву академик отправился в новой дорогой шапке. И долго-долго носил её.

Удивительно беспомощным был он в житейском смысле, но способный к мощнейшему сосредоточению в делах научных. Многоцелевой научно-исследовательский центр, развернувшийся из скромных поначалу лабораторий, поднимали люди, подобно Сахарову, выдающиеся. Люди – целые направления. Люди – школы. Элита! Имена многих из них давно обжились в энциклопедиях. Я.Б. Зельдович, Е.И. Забабахин, И.Е. Тамм, Н.Л. Духов, Н.Н. Боголюбов, М.А. Лаврентьев, Г.И. Флеров, Е.А. Негин, Д.А. Франк-Каменецкий,

Ю.А. Трутнев. Ну, а первыми ступили на саровскую землю ставшие потом трижды Героями Социалистического Труда Ю.В. Харитон и Б.Л. Ванников.

...Мы с коллегой Валентином Фёдоровичем Прохоровым бродили по городу, посещали (насколько было дозволено) лаборатории, цехи завода, беседовали с руководством научно-исследовательского института экспериментальной физики (его научным руководителем был в ту пору Юлий Борисович Харитон), ну и, это само собой, заходили в магазины, столовые, кафе, чтобы убедиться, как здешний люд жирует на фоне свалившихся на страну вместе с Горбачёвым различных дефицитов. Поразило, что и здесь, как в заштатном российском райцентре, стоят люди в унылой покорной очереди. А в общепитовских точках не протолкнуться. И в этой толчее теряют время кандидаты и доктора наук...

Крепко сдал буквально за последний год славный город ядерщиков. Гнут долу житейские заботы – с жильём, одеждой, питанием. Фонды отовариваются наполовину. Рынок ведь не положен – зона! И растрачивают светлые умы своё безмерно дорогое время на стояние, ожидание, доставание. Рассказали, как как один молодой физик-теоретик семи пядей во лбу стал разводить кроликов – для питания семьи.

И всё же не эта, свалившаяся вдруг, напасть глубоко волновала наших саровских собеседников. Философски приняв очередь за хлебом насущном, тревожились они о материях иного порядка. О судьбе дела своей жизни, жизни страны.

Нам, людям сугубо штатским, не обремененным стратегическим умом, непросто было понять их сетования на прекращение атомных испытаний или урезание бюджета на модернизацию ядерного оружия.

Вот об этом и шёл наш долгий разговор с директором института и его заместителями, имена которых и сейчас нельзя раскрывать. Нужны ли ядерные испытания? Да! – утверждали наши собеседники. Иначе – чреватая последствиями остановка на важнейшем научном и оборонном направлении. Другая сторона – прежде всего США – это отлично понимает и программу свою свёртывать не помышляет.

«Философия» ядерного оружия проста и сурова: отстаешь – жди диктата. А мы уже в девяностые годы начали отставать, особенно после известного договора 1996 года о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Этот договор, в отличие от новой России, США так и не ратифицировали, оставив для себя лазейку для продолжения своих атомных наступательных изысканий. И только совсем недавно, в декабре 2023 года на традиционной пресс-конференции, президент России Путин признал нашу «наивность и избыточную доверчивость» в отношении так называемых партнеров нашей страны.

Оставим за скобками юридическую и моральную квалификацию такой наивности и доверчивости, исходящих от первых лиц в государстве. Вернемся в Саров времён братания с ведущими западными державами. Мирлолюбивый

сдвиг в отношениях с ними действительно завораживал. Ради надёжного безъядерного будущего, как мыслил советский обыватель, можно и нужно было пойти на деидеологизацию страны, отмежеваться от своего социалистического прошлого. И редко кто в те годы хотел задаться простым вопросом: а разве Западу, как историческому антагонисту, не все ли равно, какой окраски Россия? Красная она или белая, авторитарная или либеральная, но лишь бы управляемая извне и немощная, неспособная защитить свой суверенитет и территориальную целостность.

Собранный материал в Сарове был обширен, его надо было скрепить важной сквозной мыслью. Валентин Фёдорович Прохоров, чуткий к редакционной политике, предложил описательский вариант. Без назойливых рассуждений и плакатных выводов. Договорились, что каждый пишет свой текст, а затем мы его объединяем единым согласованным стержнем. Так и получилось.

Статья «Как ядерную бомбу пустили на мыло» была опубликована 30 марта 1991 года. К этому времени главный редактор уже сменился, на место Виктора Григорьевича Афанасьева пришел советник М.С. Горбачёва академик Иван Тимофеевич Фролов. Нечего и говорить, что он вряд ли позволил бы публикацию такой тональности, идущей вразрез с горбачёвской политикой «нового мышления». Можно только предположить, что здесь свою роль сыграл Владимир Степанович Губарев – редактор газеты по отделу науки. Не

помню точно, но, кажется, именно он подписывал этот номер. Как и тот номер, в котором была перепечатка статьи из итальянской газеты La Repubblica, в которой говорилось о беспробудном пьянстве Бориса Ельцина и его расточительных тратах во время девятидневного турне по Соединенным Штатам.

XXX

Командировки в Мордовию и Пензенскую область всегда сулили неожиданные встречи, знакомства с неординарными людьми. Мордовия вообще привлекала своей самобытностью. Республика, находящаяся под боком у Москвы, сохранила свой патриархальный облик. В деревнях и поселках крестьянский быт удивлял своей суровостью. Через Мордовию со свистом шёл в Европу газ по экспортным трубам «Уренгой – Помары – Ужгород», а в селениях республики печи топили углем и дровами. Жители, многие из которых за всю свою жизнь не бывали дальше райцентра или Саранска, денно и ночью трудились на полях и фермах. А когда выпадал подходящий случай, то находили удовольствие в стакане водки.

Впрочем, республику нельзя было назвать пьющей. В этом эрзя и мокша всё-таки знали меру, но при этом умело и с мордовским упрямством накачивали угощением гостей. Я это понял сразу и старался избегать такого навязчивого и

избыточного хлебосольства. В свою первую поездку в Мордовию я столкнулся со странным протоколом, в котором было расписано по часам, где и когда я должен побывать, где позавтракать и где пообедать, с кем встретиться. Секретарь республиканского комитета КПСС Павел Данилович Грузнов, предложивший такой план моей командировки, ничуть не смутился, а даже, как мне показалось, обрадовался, когда я эту программку на его глазах отправил в мусорную корзину.

Помнится, меня здорово озадачила структура управления республики. По количеству министерств она едва ли уступала Москве. В какой коридор не зайдешь, тут же наткнёшься на таблички с золотым тиснением. Министерство сельского хозяйства, Министерство жилкомхоза, Министерство социального развития, Министерство спорта и так далее... На восемьсот тысяч человек населения столько министерских портфелей!

Подобная структура была в советскую пору и в других автономных республиках. Это отражало бюрократический стиль управления, стремление чиновного люда быть в привилегированном статусе. Уже при Ельцине «министерская» болезнь расплзлась вширь и вглубь. Почти во всех российских областях, независимо от их экономического потенциала и размера территории вместо управлений и отделов появились министерства, а в них – департаменты, управления и отделы. В Ульяновской области, к примеру, бывшее управле-

ние сельского хозяйства, получившее статус министерства, разрослось до немыслимых размеров, куда вошли разные аналитики, эксперты, советники, пресс-секретари... И это при том, что его распорядительно-управленческие функции фактически свелись к сбору статистических данных о работе частнособственных аграрных предприятий и раздаче государственных субсидий. И так везде!

Любопытно, что накачивание мышц чиновничьего спрута происходило под привлекательным лозунгом, выдвинутым ближайшим соратником Горбачёва – А.Н. Яковлевым, о разгосударствлении, депаратизации и деbüroкратизации страны. Другой деятель, не мельче Яковлева, в каком-то телевизионном обсуждении утверждал обратное: советская власть потому так легко сгнула, что слишком мала была чиновничья гвардия и с недостаточными привилегиями. Видимо, эта мысль, высказанная в приступе откровения, стала впоследствии мотивом и обоснованием безумного расширения государственного и муниципального управленческого аппарата как основной социальной базы будущего постсоветского государства. Сейчас даже трудно назвать его численность. Открытых статданных нет. А кроме того, бездна чиновничьих контор закамуфлирована под различные агентства, корпорации, фонды, они как бы выведены за скобки госструктур и вообще не улавливаются статистикой.

С одним таким министром опереточного министерства Мордовии мы двинулись в отдалённый Ардатовский район.

Министр оказался разговорчивым. Без умолку рассказывал о выдающихся представителях мордовского народа, упомянув, конечно, что сам Черномырдин чистейшей воды эрзянин. До этого другие люди убеждали меня, что Виктор Степанович крещёный еврей. В Чувашии его почему-то считали чувашем. Очевидно, будущий ельцинский премьер-министр производил на людей магическое впечатление, и все хотели видеть его своим соплеменником. А вот в Оренбургской области, где Черномырдин работал когда-то партийным функционером и где многие хорошо знали о его способностях, отзывались о своем земляке весьма сдержанно...

Да из нас, – вдохновенно говорил министр, – каждый второй – исполин. И он стал перечислять фамилии. Великий реформатор православной церкви Патриарх Никон – мордвин! Протопоп Аввакум – борец с никонианством и сожжённый никонианами тоже мордвин. Историк Василий Ключевский, Максим Горький, Василий Иванович Чапаев, маршалы Устинов и Ахромеев, лётчики Валерий Чкалов, Алексей Маресьев, певица Лидия Русланова, писатель Василий Шукшин – это же всё мордва!

Министр, утомившись называть фамилии, наконец выдохнул самое важное. Степан Эрзя! Русский Роден. Человек, создавший историю человечества в скульптуре. Последнее утверждение, конечно, нужно воспринимать с натяжкой. Но образы Моисея, Карла Маркса, Ленина, библейской Евы, Иоанна Крестителя потрясают. Современный поэт Мордо-

вии Светлана Ламбина под обаянием скульптуры «Ева» написала экспромтом замечательные строки:

В позе искусственно – виноватой,
Ты руками плечи обняла...
Впереди – библейская расплата,
Счастье материнского тепла.
К дереву прижалась беззащитно,
Плодородьем тело налилось...
Ева и природа тесно слиты:
Эрзя знал – с тебя всё началось!

И вот мы приехали в село Баево Ардатовского района, где в 1876 году родился Степан Дмитриевич Нефёдов, взявший впоследствии своим псевдонимом название мордовской народности Эрзя. Наверное, в истории человеческой культуры нет другого такого примера, когда деревенский ремесленник, резчик по дереву, иконописец, ставший ваятелем, назвался именем своего народа и это имя обессмертил на века и на весь мир.

Мы ходили по улицам Баево и министр, назубок знавший биографию Эрзи, рассказывал о его родителях, простых мордовских крестьянах, о его первых опытах резьбы по дереву, о его учёбе в Москве, о том, как он создавал монументальную летопись революции, которую он принял всем сердцем. И наконец, рассказ о его жизни в Аргентине, где мордовский демиург первым в мире освоил технику скульптурной обработки субтропических деревьев альгарробо и ке-

брачо, которые по своей твердости едва ли уступают железу. Где-то в складках старинного села, в сумраке деревянных домов наверняка теплится ещё жизнь людей, знавших и помнивших Эрзью. И такого старичка-боровичка мы нашли. Он, такой маленький, скукоженный, сидел на завалинке дома и дремал. В ватной фуфайчонке, хотя на дворе был июнь, в белых шерстяных носках, в вязаной, от внучонка, шапочке, из-под которой торчали седые с желтизной космы. Помнит ли он Эрзью? Старичок долго молчал, уходя далеко-далеко в своё детство, и переспросил: Стёпку что ль? А как же, сказал он, помню, но не сильно. Упрямец был. Ох, какой упрямец. Умрет, но своего добьётся.

Не знаю, придумал это старичок или в самом деле помнил он своего высокочтимого односельчанина, но его слова о невиданном упорстве Эрззи помогли понять широко известный эпизод из жизни скульптура. В Буэнос-Айресе он взялся за работу над созданием образа библейского пророка Моисея. Материалом послужило дерево альгарробо, которое с великим трудом поддавалось обработке. Ножовки, рашпили, фрезеры вгрызались в тело дерева по миллиметру. Ладони мастера кровоточили, на сон уходило не более двух-трех часов в сутки. Спал, не снимая сапог. Когда Эрззя, после многих-многих дней, закончил своё творение, то сапоги сдирали с его ног вместе с кожей...

В Аргентине люди, знавшие чудаковатого скульптура из России, были потрясены его фантастической самозабвен-

ностью. То, что в заокеанской стране назвали в характере скульптура творческой одержимостью, в Мордовии по простоте душевной считают диким упрямством, свергающим всё и вся на своём пути. Таким был протопоп Аввакум, не отступивший от канонов дониконианской православной церкви. Таким был легендарный Михаил Девятаев, угнавший немецкий боевой самолет со сверхсекретного острова Узедом, где немцы изготавливали ракеты «Фау». Да любого, эрзя или мокшу возьми, то из них так и прёт цепкость и напористость.

Писатель Мельников-Печёрский, один из дотошных дореволюционных исследователей мордовского характера, тоже отмечает эту особенность, но при этом делает упор на русификацию мордвы, отказывая ей в желании сохранить свои обычаи, язык, народную культуру. Обрусение, считает Мельников-Печёрский, больше всего затронуло малочисленные мордовские племена терюхан и каратаев, о которых позже, в советское время, знали разве что только историки и этнографы.

О русификации мордвы мы разговорились с моим попутчиком-министром.

– Нет никакой русификации, – сказал он с нажимом. – Это болтовня. Другое дело, многие эрзя и мокша в паспортной графе о национальности называют себя русскими. Чудеса, да и только! По-мордовски шпарят, на мордовском языке песни поют, в деревнях женщины наряжаются по-мордовски, а по

паспорту считаются русскими.

– Почему так?

– Не знаю... Думаю, что давно уже нет чистокровной мордвы, как, впрочем, и чистокровных русских. И с другими национальностями в Приволжье такая же история. Может быть, в этом и есть сила России?

– А вы-сами-то, кто по паспорту?

– Русский, конечно.

– А по национальности?

– Конечно, мордвин. Эрзя.

Этот разговор подтолкнул меня подготовить для «Правды» интервью председателя Верховного Совета народных депутатов МАССР Николая Михайловича Жочкина. Заголовок в редакции дали этому интервью такой: «Горжусь, что я мордвин». Через его мысли хотелось донести до читателя, почему начальственная надстройка в мордовском народе стыдится своего происхождения, старается от него как бы дистанцироваться. Казалось бы, должно быть наоборот. При Советской власти национальные меньшинства получили сильный толчок для своего развития. Всячески поддерживалась культура, на языках мордвы издавались газеты и журналы, книги. Развивалось фольклорное искусство, народные промыслы, не забывались достойные обычаи предков. Это создавало реальную основу для полной национальной идентификации, для народной цельности и единства.

Раскачать Николая Михайловича Жочкина на откровен-

ный глубокий разговор мне, увы, не удалось. Он говорил правильные слова о национальном своеобразии, сложном и драматичном пути развития мордовского народа. Но почему просвещенная часть мордвы старается называться русскими, он так и не объяснил. И я, напрягая свои мозговые извилины, не могу уяснить эту особенность. Может быть, ответ на это кроется в материальном расслоении простого народа и той его части, которая стоит у управленческих рычагов. Мордвин во власти хочет быть более русским, чем даже сам русский, стоящий над ним.

Ну, это так – мои досужие размышления, не претендующие на серьёзные выводы. Одно только могу твердо сказать. Многолетняя жизнь в Поволжье, постоянное общение с татарами, чувашами, удмуртами, башкирами и другими представителями малых народностей этого региона убедили меня в том, что нацмены, как мы иногда неосмотрительно говорим, ощущают себя неразделимыми с русскими. И так же, как и русские, они чутко и болезненно могут реагировать на унижающие действия власти, её пренебрежительное отношение к материальным и духовным интересам глубинного народа. Вот о чем надо помнить.

XXX

Поездки в Мордовию, как правило, были связаны с редакционными заданиями. Но какой ты собкор, если держишь се-

бя в каких-то шорах и на заглядываешь дальше и глубже, чем тебе предписано начальством из Москвы. В восьмидесятых и девяностых годах 20-го столетия вся пресса, радио и ТВ кипели рассказами о Гулаге, об уголовном преследовании за инакомыслие, об ужасных условиях содержания заключенных. Вся страна уже знала, что такое СЛОН, (Соловецкий лагерь особого назначения), АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины), сеть северных лагерей Дальстроя, Карлаг, Донлаг, Дубравлаг...

Дубравлаг находится в Мордовии, в непролазных дебрях западной её части. Природа здесь завораживает и навеивает настроение сказочности. Кажется, вот-вот сейчас из сумрачной зелёной уремы выползет маленький пузатый Аука или соскочит с ели Лихо Одноглазое. Но вместо этих мифических существ наш взгляд вылавливает то караульную вышку с автоматчиком, то двойной ряд колючей проволоки, то свежесрубленные сосны, приготовленные для барачной постройки.

Поселок Явас, в котором мы с Валентином Фёдоровичем Прохоровым оказались по милости нашего настойчивого журналистского любопытства, можно назвать столицей Дубравлага, теперь уже бывшего Дубравлага. В посёлке чистенько и опрятно. За порядком здесь вынужденно строго следят расконвоированные зэки. Есть магазины-лавки. Есть школа искусств для здешних ребятишек. Есть довольно уютная гостиница для приезжающих «на свиданку». В центре

Яваса управление учреждения ЖК-385. Так теперь именуется мордовский лагерь для заключенных.

Из биографии Дубравлага: в 1929 году Мосгортуп организовал заготовку дров в лесах Мордовии. Работали здесь комсомольцы-добровольцы. Через год их сменили заключённые-уголовники. Начиная с 1937 года в лагерях Потьмы, Яваса появились первые политические. В известные годы мордовские лагеря пропустили через себя тысячи и тысячи политзаключённых. Это чеэсы (члены семей репрессированных руководителей), соэ (социально опасные элементы), аса (осужденные за антисоветскую агитацию), пш (подозреваемые в шпионаже).

То уже прошлое – незабываемое, трижды проклятое и, дай Бог, невозвратимое. И всё же спросили, не без иронии, о наличии свободных мест. Начальник управления ИТУ Мордовии полковник юстиции Г. Горкушев ответил на это тоже с иронией: свободных мест не бывает только в ресторанах и гостиницах.

На въезде в поселок Барашево остановились у полуразрушенных строений. О том, что было здесь, безмолвно свидетельствует проржавевший каркас пропускного коридора, покосившаяся охранный вышка. В глубине – барак. Отсюда, согласно указу об амнистии, ушли последние заключенные. Уход их был похож, как мы догадывались, на стремительное радостное бегство. Скорее, скорее... Вот брошенные впопыхах алюминиевая кружка, недошитая рукавица, опорок от

старого кирзового сапога.

– В таких опорках у нас только Андерсон щеголял. Лагерный Пикассо. Художник, – поясняет бывший начальник отряда бывшей колонии А.Шальнев, – а вот этой кружкой, возможно, пользовался Николай Рыжков.

– Тот самый?

– Да, тот самый – «афганец» ...

Печать сообщала о жестокой судьбе русского парня. Вихрь афганской войны занес его в США. С нетерпением и страхом выбирался он на Родину. Выбрался. Чтобы быть осуждённым военным трибуналом.

– Сидел здесь один, – с неохотой вспоминает А.Шальнев. – Вот с этих клумб срывал цветы и ко мне с поклоном: «Будь ласка, начальник». Куртуазный мужик, откуда-то родом из Ровно. Как глянул в его дело – волосы дыбом. Каратель. Младенцев расшибал насмерть о колеса автомашин.

– Как же он вышки избежал?

– Трибунал решал... До разоблачения, говорят, ударно трудился, ордена получал.

Колоритна тоже фигура одного артиста, завербованного в своё время немецкой разведкой. Он в лагерных концертах с чувством исполнял песню «Партия наш рулевой». Или другой каратель, за жестокость носивший кличку Гитлер. Ну и Степан Затикян, запомнившийся москвичам по бессмысленным жестоким взрывам в метро в 1977 году. Ещё до этого он отсидел в Дубравлаге четыре года за антисоветскую дея-

тельность. Вышел на свободу и после организации кровавых терактов в Москве был приговорен к расстрелу.

Под впечатлением рассказа о фашистских пособниках и разного рода садистах стали знакомиться мы с уникальной тетрадью – своего рода хроникой диссидентского движения 60-х и 70-х годов – время брежневского правления. Неизвестный хозяин этой летописи, вероятно, офицер лагерной администрации, вёл досье на осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду. Характеристики предельно кратки: «Враждебно настроен», «Крайне враждебный». К кому?

Считается, что хрущёвская оттепель вызвала к жизни движение, не совпадающее с официальными установками. При Брежневе, поначалу смягчившим репрессивные меры, это движение получило новый энергичный толчок. Среди инакомыслящих появились рабочие, военнослужащие. Радикальнее становилось студенчество. В ответ, по закону противодействия, – усиление карательного нажима.

Что знали у нас тогда обо всем этом? То, что Сахаров и Солженицын отщепенцы. Писатели Синявский и Даниэль – очернители и хулители... В общем антинародные элементы.

Читаем в тетради: «Андрей Донатович Синявский. Русский, кандидат филологических наук. Осужден 16 февраля 1966 года за антисоветскую агитацию и пропаганду, срок – 7 лет». Крохотная тюремная фотография. Спокойные, чуть печальные глаза, открытое лицо, борода. Чем-то напоминает Глеба Успенского.

– В начале семидесятых годов я работал в Явасе. Как раз в это время заканчивался срок у Синявского и Даниэля, – рассказывает В. Хухлынин, бывший заместитель председателя КГБ Мордовской АССР. – Если Даниэль был таким шептунным, крикливым, то Синявский, наоборот, вёл себя корректно, сдержанно. Оба от заявлений о помиловании отказывались, виновными в преступлении себя не считали. На лесоповале, как утверждают теперь в некоторых изданиях, Синявский никогда не был. Заключенные «тройки» (колония №3), где он сидел, изготавливали мелочёвку из металла, дерева. Синявский после смены занимался Пушкиным. Книг много выписывал.

Судя по безымянной тетради, движение диссидентов было отнюдь не разрозненным и стихийным, как некоторые представляют. В 1968 году лагерь принял в свои объятия сразу целую группу ленинградских учёных и студентов. Среди них Е. Вагин, научный сотрудник академического института русской литературы, специалист по Достоевскому, В. Платонов, востоковед, ассистент кафедры африканистики ЛГУ, Н. Иванов, ассистент кафедры того же университета... Всего 25 человек. Организация называлась ВХСОН – Всероссийский христианский союз освобождения народов. Идейная платформа – учение о христианском социализме.

Почти одновременно с членами ВХСОН в Дубравлаг доставили участников рязанско-саратовской молодежной организации – братьев Вудки, Сенина. Им инкриминировали со-

чинение книги «Закат “Капитала”».

– А у вас не возникало ощущения, что некоторые из заключённых осуждены понапрасну, что преследовались мыслящие люди, глубоко и искренне переживавшие за судьбу страны? – спрашиваем мы В.Хухлынина.

– Если бы я так считал, то, наверное, сменил китель офицера госбезопасности на робу арестанта, – говорит В. Хухлынин. – Не скрывая симпатий к таким людям, как Синявский или Вагин, я был убежден: нарушил закон – отвечай. Другой вопрос: кем закон писан и для чего...

Профилактика инакомыслия доходила до абсурда. Один из заключённых попал сюда только за то, что в пылу воспалённого воображения заявил своему соседу, что непременно скоро станет Председателем Правительства СССР и убеждал всех в том, что марксизм в нашей стране досконально знали только Ленин, Сталин и он. Другой загремел в Дубравлаг за «антисоветскую пропаганду на лбу» – не очень патриотическую татуировку.

Мы слушали эти, как поначалу казалось нам, неправдоподобные истории и вспомнили один эпизод из печальной жизни Льва Гумилёва. Когда его оформляли на отсидку, Лев Николаевич спросил следователя: за что? «За то, что вы опасны», – сказал вежливый следователь. Чем же я опасен, – поинтересовался Гумилев. А тем, что вы грамотны, – невозмутимо отреагировал следак.

Я не являюсь антисталинистом, как не являюсь и его

безумным поклонником. И у меня, как и у миллионов моих соотечественников, есть свой счет к тому времени, когда людей загребали мелкочейистой НКВДэшной сетью и отправляли в лагеря. И за их сгорбленными понурыми спинами сурово маячил не только «кремлёвский горец». По всей стране, будто клонированные, множились унтер-пришибеёвы: они стучали на брата, отца, сына, жену, мужа, соседа, сослуживца...

И если Сталин открыто вёл кровавую борьбу со своими политическими противниками, то с кем и за что вели свою крысиную войну доносители и осведомители разных калибров? Их никак не назовёшь идейными, тем более преданными социализму. Своими шкурническими помыслами они создавали себе маленькое обманчивое счастье. Но именно их доносительской энергией питалась и жила карательная система.

... Мы уезжали из Яваса со смятенным чувством. В своей будущей публикации нам не хотелось идти проторенной либеральной тропой. Это было бы, учитывая новые веяния Кремля, не так сложно. Достаточно было живописно изобразить людоедскую систему исправительно-трудовых лагерей и тебя взасос расцелует псевдодемократическая братия. Но это был бы однобокий журналистский взгляд.

Тогда мы решили воссоздать увиденное в Дубравлаге по правилам отстранённого наблюдения. Показать то, что видели и ощущали, абстрагируясь от своих взглядов и убеж-

дений. Статья «Зона особо опасных» вышла в «Правде» 30 сентября 1990 года. Это было время наивысшего, пожалуй, накала низвержения советского прошлого. 1993 год, как памятный год разгона Верховного совета РСФСР, только маячил впереди, а в умонастроение общества уже вбивали активное неприятие советов как органов власти.

Мы не удивились, что наша статья была встречена некоторыми читателями очень недружелюбно. А как иначе? Ведь мы пошли не в ногу с ними. Ленинградский журналист Михаил Нафтальевич Золотонос в своей публикации «Палачи умирают в почете», размещённой в газете «Час пик», высказал свое возмущение. Чем же? А тем, что нашими проводниками по «зоне опасных» стали офицеры лагерной администрации, бесстыдно «перекрасившиеся в гуманистов». А ведь они, как считает Михаил Нафтальевич, за свое палачество должны нести суровый ответ. Увы, факты, подтверждающие, что конкретно творили эти конкретные люди, не названы. Тогда за что им нести ответ? Только за мундир офицера?

Другой отклик прилетел через газету «Набат Северо-Запада» в корреспонденции Эдуарда Хямяляйнена, возглавлявшего историко-литературный клуб. В отличие от М.Н. Золотоносова, Хямяляйнен сам прошел лагерные испытания и мог бы добавить что-нибудь конкретное, лично им пережитое. Эдуард Матвеевич, будучи студентом ЛГУ, был арестован и осужден за поджоги агитационного панно «Ле-

нин, партия, народ – едины» и щитов фотовыставки «Торжество ленинских идей». Но и он ничего не добавил к той картине, которую мы отразили в своей статье.

Весь пыл его негодования выплеснулся на лицемерие лагерной администрации, пытавшейся мелкими уступками, культурно-просветительскими акциями завоевать доверие эков. И даже тот факт, что лагерное начальство относилось с уважением к Синявскому и не мешало ему работать над рукописью о Пушкине, Эдуард Хямяляйнен называет подозрительным, многозначительно намекая неведомо на что.

Хямяляйнен был реабилитирован в ноябре 1993 года, когда по советской власти уже справили тризну. Через полгода он покинул Россию, перебравшись в Хельсинки. Если он жив-здоров, то уже вдогонку хочется напомнить ему один факт из достойной жизни и судьбы Андрея Донатовича Синявского. Во время президентских выборов 1996 года он неожиданно высказался против Б.Н. Ельцина.

– Я считаю, – заявил Синявский, что Ельцин ещё большее зло, чем нынешние коммунисты. Почему? Потому что 30 процентов населения, которое выпало за черту бедности в результате «реформ» президента Ельцина и его бывшего премьер-министра Егора Гайдара, не имеют иного выбора, кроме как обратиться к оппозиции, т. е. к коммунистам. Именно бедные составляют основу избирателей, намеревающихся голосовать за Зюганова. Таким образом, именно политика Ельцина привела к подъему прокоммунистических

настроений в России, и они только будут расти, если он останется у власти на второй срок.

Прав Синявский? Это очевидно. Прошло четыре года очередного ельцинского правления и всем стало ясно: его нужно менять, чтобы не обрушить страну в горячее гражданское противостояние, последствия которого не могла бы предугадать даже болгарская провидица Ванга.

XXX

Конец восьмидесятых и последующие девяностые годы стали временем решительных структурных изменений в обществе. Идеологи либерального капиталистического рынка понимали, что им не удержаться у власти, если в стране не будет создан, и как можно скорее, класс собственников. И не важно, каким путем. Б.Н. Ельцин в одном из своих спонтанных выступлений на многолюдной публике с присущей ему категоричностью не предложил, а потребовал: обогащайтесь, кто как может! И это стало дополнительным сигналом к буйному растаскиванию страны по частным сусекам.

Мне, как журналисту, не терпелось показать, а кто собственно претендует на роль хозяев жизни? Я не имел в виду бесчисленные бандитские группки и группировки, обирающие мелких торговцев и предпринимателей. Они, конечно, тоже были вовлечены на службу становления частного капитала. Но я искал такую фигуру, типичную фигуру, ко-

торая бы отражала дармоедский характер нарождавшегося русского буржуа. И такая фигура неожиданно подвернулась мне.

Посёлок Новосёлки Мелекесского района Ульяновской области с давних пор был центральной усадьбой совхоза имени Крупской. Он создан в пору развернувшейся доведенной коллективизации и должен был стать наглядным примером успешности социалистического аграрного производства. Конечно, государство вбухивало в него немалые средства. Чтобы защитить совхозные поля и поля других хозяйств от заволжских суховейных ветров, были созданы знаменитые Тимирязевские лесополосы. Такие полосы простирались зелёным ожерельем по всему Поволжью создавая экосистему, благотворную для зернового производства.

Мне доводилось часто бывать в этом совхозе, руководил которым замечательный человек Герой Социалистического труда Михаил Николаевич Костин. Новосёлки поражали своей опрятностью и ухоженностью, высокой культурой деревенского быта. Здесь был полный набор коммунальной и социальной инфраструктуры. И это поднимало людей, создавало в них настоящий, а не мнимый трудовой энтузиазм.

Замечу, что посевные площади в этом хозяйстве доходили до пятидесяти тысяч гектаров. Урожайность в благоприятные годы составляла до сорока центнеров с гектара. Ныне не каждый современный агрохолдинг имеет такие пахотные просторы и такую продуктивность.

И вот в этой фабрике зерна среди большого коллектива механизаторов и животноводов, учителей, врачей возник, как бес из табакерки, местный революционер – 45-летний Фёдор Сергеевич С. Член КПСС с 1978 по январь 1991 года. Образование высшее. Благодаря членству в КПСС вошел в руководящую номенклатуру и возглавил колхоз в этом же районе. Вскоре его с этой должности изгнали как провалившего дело. Но членство в партии опять его спасло. Он сел не за рычаги трактора, не в бригады, а стал учителем по труду в средней общеобразовательной школе.

В конце восьмидесятых годов, когда был взят перестро-ечный курс на создание крестьянско-фермерских хозяйств, наш герой решил стать первопроходцем в этом деле. Он попросил отдать ему в аренду полста гектаров земли и продать по оптовым ценам тракторы МТЗ-80 (новый), ДТ-25 (новый), Т-16 (новый), две тракторные тележки (новые), селялку и другой сельхозинвентарь. Кроме того, по остаточной стоимости (за копейки!) купил комбайн СК-5, трактор Т-40 и вездеходный автомобиль ГАЗ- 66.

Первый же недоуменный вопрос: на полста гектаров не многовато ли столько лошадиных сил? Оно, конечно, не обременительно, когда крестьянско-фермерские хозяйства временно освобождены от налогов. Значит, приобретение дефицитной сельхозтехники в этот период – надёжный вклад денежных средств. Владимир Сергеевич это уяснил сходу.

Директор совхоза Михаил Николаевич Костин с тяжё-

лым сердцем воспринял навязанного ему из райкома пионера фермерского движения. С неохотой, но всё-таки предоставил ему и землю, и технику. При этом сам себя убеждал так. Ну, если С., никак не проявивший себя в коллективном хозяйстве, добьётся внушительный успехов на аренде, значит будет над чем задуматься, значит, действительно, многое придется менять в хозяйственной системе.

Замысел Костина, можно сказать, не удался. Ведь чистого эксперимента не получилось. Пропагандистский шум, поднятый вокруг новорожденного фермера С., лично для него, как и следовало ожидать, обернулся реальными материальными выгодами, такими привилегиями первопроходца. К примеру, новый МТЗ-80 из скудных фондов хозяйства районное руководство чуть ли не силой заставило передать в собственность С.

Его фамилия действовала уже как пароль. А если перед ним не слишком спешили открыть двери, он их распахивал, как говорится, ударом ноги. То, что было недоступно при нашей бедности другим фермерам, Федору Сергеевичу предоставлялась без особых проволочек. Впрочем, об этом он говорил сам на учредительном съезде Крестьянской партии России (её основателем был журналист-аграрник, бывший правдист Юрий Черниченко). «Если мне в чем-то отказывают, – делился С. своим опытом с трибуны, – то я им заявляю: вот возьму прикую себя цепью в людном месте и буду ждать, пока не придет секретарь обкома. И они, трусы,

быстро сдаются. Ладно, говорят, что нужно дадим... А вообще, льстите им (то есть руководителям-коммунистам), величайте их демократами, а раз они демократы, значит, внушайте им, что с простым человеком обязаны обходиться бережно...»

Было бы понятно, если бы так говорил вконец измученный фермерскими страданиями человек. А таких, взваливших на себя бремя единоличного труда, познавших, насколько призрачна и тяжела независимость хозяина, было уже немало по всей России, по всему Союзу, ещё не разваленному в ту пору.

И среди этой большой рати фермеров, ринувшихся в беспокойный океан сельского предпринимательства, было много лжефермеров, получивших за целковый целые колхозы и совхозы и создавших на их основе, свою дармовую кормушку. Хозяевами СПК и КФХ стали сыновья прокуроров, судебных работников, бывшие директора и председатели, партийные функционеры, бывшие уголовники.

Своими глазами я наблюдал, во что превращают землю эти «раскрепощённые хлебоборобы». Севообороты, как великое достижение культурного земледелия, современная агротехника для них пустой звук. Однажды я проехал на машине от Нижнего Новгорода до Волгограда и везде, куда хватало глаз, простирались моря подсолнечника. Эту культуру и до сих пор высевают из года в год на одних и тех же участках. Земля после этого превращается в прах. На ней потом ни-

че-гошеньки не растёт!

Погоня за варварской сиюминутной выгодой оборачивается омертвлением пашни, затуханием биоценоза. Ныне уже покойный ученый-аграрник Николай Сергеевич Немцев, долгое время возглавлявший Ульяновский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, поделился со мной по секрету своими тревожными мыслями. Все наши научные разработки по агротехнике, говорил он, наши рекомендации, как сбалансированно вести полеводство и животноводство, остаются втуне. Нынешним аграриям они не интересны. Им главное – «делать бабки». Скажем, на потребительском рынке, большой и постоянный спрос на растительное масло. Вот они и засевают землю одним подсолнечником.

– Знаете, – сказал мне Николай Сергеевич, – прогрессивное аграрное производство и дикий рынок – вещи трудно совместимые. Личная выгода, выдвинутая Адамом Смитом как похвальное достоинство, должна всё-таки соизмеряться с выгодой общественной, общегосударственной. Иначе это обернётся и для экономики, и для социальной жизни тяжёлым регрессом. На Западе это давно усвоили. Кровожадные инстинкты собственника там нейтрализуются комплексом государственных мер, в том числе и налоговых. А мы в этом деле пока простаки. Подняли на пьедестал частновладельца, а других заткнули ему под каблук.

...Корреспонденцию под заголовком «Чтобы плясали под

нашу дудку», в которой я рассказал об оригинальном облике зарождавшегося аграрного собственника, отправил в редакцию, не надеясь, что её опубликуют. Поначалу хотел адресовать текст на имя редактора отдела экономической жизни Егора Тимуровича Гайдара. Незадолго до этого он, очевидно, с ведома «архитектора перестройки» А.Н. Яковлева, перешел в «Правду» из журнала «Коммунист», где также заведовал отделом экономики.

К этому времени в редакции, насколько я мог судить, сгустилась атмосфера неопределённости, легкого раздрая. Кто-то поспешил покинуть газету, перескочив в издания так называемого демократического толка. Среди перебежчиков оказался и редактор по военному отделу контр-адмирал Тимур Егорович Гайдар. Он переселился в один из кабинетов редакции газеты «Известия» на Пушкинской площади ещё в разгар перестройки.

О Тимуре Аркадьевиче в «Правде» вспоминали эпизодически и с юмором, обыгрывая его воинское звание с приставкой «контр». Однажды, как вспоминает Михаил Полторанин, Тимур Гайдар пришел на заседание редколлегии в новенькой контр-адмиральской форме. Главный редактор В.Г. Афанасьев внимательно оглядел его невысокую грузную фигуру и не без сарказма сказал: «Вижу, Тимур, вы контра хороший, а вот адмирал – никакой».

Не знаю, почему коллеги относились к Тимур Аркадьевичу с некоторым преубеждением. Возможно, из-за того,

что его журналистская карьера стремительно пёрла вверх под сенью отцовского имени – Аркадия Гайдара. Может быть, срабатывала элементарная человеческая зависть...

И вот где-то в начале 1990 года в редакции объявился второй Гайдар, сменив Василия Александровича Парфенова на посту редактора «Правды» по экономическому отделу. Егор Тимурович поражал какой-то неестественной отстранённостью от редакционных будней. На летучках, в которых мне не раз приходилось участвовать, он не произносил ни слова, нередко с сахарной улыбкой закатывал глазки к высокому потолку конференц-зала или, наоборот, упирался ими в свои ноги.

На летучках спорили, в меру бранились, и каждый старался произвести на своих коллег неотразимое впечатление. Но Егора Тимуровича всё это никак не трогало. Его равнодушие будто говорило всем нам: всё, что вы говорите здесь – это полная чепуха. Однажды я зашёл к нему в кабинет, чтобы выяснить судьбу своего материала, отправленного две недели назад. Егор Тимурович, не дослушав меня, скороговоркой выпалил: «Текст отличный, при первой возможности опубликуем».

Я вышел из его кабинета с довольной физиономией. Секретарша в приёмной посмотрела на меня и с усмешкой спросила:

– Сказал, что текст отличный и при первой возможности опубликует?

– Да, так и сказал, а что?

– Да он всем так говорит. Но ничего, что от собкоров приходит, он не читает.

– Как так, почему?

– Он читает только иностранные газеты и журналы. Видели, какой ворох у него на столе?

Этот случай так задел меня, что впоследствии я старался не связываться с экономическим отделом. Но этот материал «Чтобы плясали под нашу дудку» по своей тематике должен идти как раз через отдел Гайдара. И я, опасаясь, что его там похоронят без объяснения причин, отнес статью в отдел партийной жизни, которым уже много лет заведовал Виктор Стефанович Кожемяко.

Кожемяко по своему характеру, умению общаться с собкорами, глубокой заинтересованности в их успешной работе был наиболее близок нам – периферийным сотрудникам «Правды». У меня до сих пор сохранились его телетайпные записки о том или ином материале, присланном в отдел партийной жизни. Он не браковал текст, если даже он не устраивал его, а предлагал варианты, как довести его до кондиции. Именно благодаря В.С. Кожемяко некоторые собкоры, достойно проявившие себя, были переведены в центральный аппарат редакции на ответственные должности.

Передав корреспонденцию «Чтобы плясали под нашу дудку» на имя Кожемяко, на третий день я увидел его уже опубликованным. Меня это поначалу удивило и озадачило: поче-

му так быстро? Подумав, я понял, что через конкретную локальную историю затронул очень болезненное явление, когда на гребень прогрессивных устремлений общества выскочили прохиндеи, искатели синекур, просто авантюристы. И чтобы удержаться на этом гребне, они должны давить, давить, давить всех, кто представляет для них опасность. Давить так, чтобы играли под их дудку и не смели поднять голос.

Увы, и в «Правде» ощущалось настроение уступчивости, заигрывания с людьми, которые уже показали себя яркими ниспровергателями советского прошлого, обличителями социалистических идей. Весной 1990 года редколлегия газеты при поддержке коллективов крупных промышленных и научных учреждений Москвы и Московской области организовала фестиваль газеты «Правда», приурочив это мероприятие ко Дню печати 5 мая. Фестиваль проходил в павильонах ВДНХ СССР, сопровождался обширной культурной программой и, утверждаю без натяжки, привлёк большое внимание москвичей и гостей столицы.

Кто-то из руководства редакции предложил представить на страницах газеты мнение известных людей о деятельности «Правды» в перестроечное время. Составили список таких личностей и среди них оказались фамилии драматурга Михаила Шатрова и главного редактора журнала «Огонёк» писателя Виталия Коротича. Взять у них интервью поручили мне. Очевидно, только потому, что я подвернулся под руку.

С Михаилом Филипповичем Шатровым удалось связаться с первого раза. По голосу чувствовалось, что он приболел, говорил с хрипотцой и натугой. На моё предложение высказаться по поводу фестиваля газеты «Правда», оценить её деятельность в современных условиях, он ответил кратко и ясно. «««Извините, я не хотел бы высказываться на эту тему», – сказал он, – она меня сейчас не занимает...»».

Спасибо, что сказал честно, без оговорок. Творчество Шатрова на тот момент я знал поверхностно, хотя пьесы этого драматурга ставились в ведущих театрах страны. А спектакль «Так победим!» не поленился посмотреть во МХАТе весь состав Политбюро во главе с Генсеком ЦК КПСС Брежневым.

Пожалуй, именно Шатров первым из «инженеров человеческих душ» представил Ленина не плакатным вождем, а самым что ни на есть «человечным человеком» с тревогами, сомнениями и ошибками... По свидетельству близко знавших его людей, Шатров до конца жизни оставался приверженцем социалистических идеалов, но при этом жестко критиковал период сталинской власти.

Отказ Шатрова от интервью меня несколько не огорчил, как и не обрадовало согласие Виталия Коротича порассуждать на страницах «Правды» о достоинствах современной публицистики. Удивительное дело, журнал «Огонёк», который стал редактировать по велению А.Н. Яковлева киевлянин Виталий Алексеевич Коротич, за короткое время стал

одним из самых читаемых изданий в СССР. В то же время к самому редактору было настороженное, скорее недоверчивое, отношение.

Посвящённые в его писательскую судьбу люди знали, каким он был неистовым критиком капиталистических нравов и таким же ярким защитником социалистических порядков. За книгу «Лицо ненависти», в которой Коротич показал звериный облик США, он в 1985 году был удостоен Государственной премии СССР. Сам лауреат высказался тогда о задаче современной публицистики такими словами: «Мы обязаны знать и помнить, что в Советском Союзе воплотились мечты всех трудящихся на земле». Не прошло и года, как Коротич возглавил «Огонёк», и в нем валом пошли публикации, показывающие звериный облик уже не США, а СССР.

Редактор «Огонька» принял меня в кабинете, который выглядел как закуток – очень маленький и бедно обставленный. Мне тогда показалось, что это не его кабинет, а присутственное место какого-нибудь сотрудника. Может быть, того же будущего зятяка Ельцина – Валентина Юмашева, нашедшего в журнале должность заведующего отделом писем. Возможно, так оно и было.

Виталий Алексеевич встретил меня улыбкой. И эта улыбка не сползала с его лица до конца нашего разговора. Он был с ног до головы в какой-то мыльной оболочке. Казалось, протяни к нему руку, и она скользнет, не задев его плоти. Я думал, что он сейчас возьмёт и скажет о главной партийной

газете страны что-нибудь неприятное, но верное. Например, о её беззубости, догматичном подходе к освещению жизни партии и страны. Это было бы логично услышать от человека, радикально поменявшего свои идеологические взгляды и распространяющего эти взгляды через многомиллионный тираж популярного журнала.

Ничего подобного! Виталий Алексеевич начал с комплиментов газете, отметив, что она отказалась от директивно-го тона, стала более демократичной. А потом пошли общие улыбочивые рассуждения. «Публицистика, – сказал Коротич, – это удел смелых, мыслящих личностей, которые в постоянной душевной тревоге за судьбу Отечества». Очевидно, у меня не хватило смелости спросить, а когда он почувствовал, что Отечество наше выбрало не тот путь развития, что мы запутались, как он считает, в социалистических тенётах. Ведь критика в «Огоньке» касалась уже не отдельных одиозных личностей, а самой основы жизнеустройства страны – её экономического базиса и политической надстройки.

Коротич ещё беспробудно славил социалистический образ жизни и приходил в ужас от мерзостей буржуазного общества, когда в СССР думающие люди всю зачитывались «Привычным делом» Василия Белова, повестями Валентина Распутина, публицистическими очерками Ивана Васильева, миниатюрными, с философской начинкой, рассказами Василия Шукшина, эпическими романами Федора Абрамова и

Чингиза Айтматова... Это они будили самосознание читателей, показывали, к чему ведет отход от народного мироощущения, от лучших вековых традиций, от идеалов народовластия.

Горбачевская перестройка замела этих столпов советской литературы куда-то в угол, как мусор, мешающий новому мышлению. А на их место воздвигла творчество писателей, убивающих прошлое СССР, проповедующих индивидуализм, ценности либерального общества, экономические и социальные достоинства западных держав.

Как об этом поспоришь с Виталием Алексеевичем Коротичем? Ведь я пришел не на дискуссионную площадку, а брать у него интервью. И интервью этого глашатая нового чудного мира получилось округлым и гладким, как прибрежный камень. Я надеялся, что в редакции его забракуют, но нет! Опубликовали накануне Дня печати 5 мая.

Другая встреча в тот же день была с Владимиром Крупным – писателем, главным редактором журнала «Москва». И она по своему содержанию, по той сердечности, которая исходила от этого скромного человека, уравнила негативный заряд, полученный от общения с Коротичем. Меня поразили его глаза – глубокие, иноческие, как у обитателей художественных полотен Михаила Нестерова.

Владимир Николаевич рассказывал о своих давних творческих связях с «Правдой», на страницах которой он не раз выступал с публицистическими статьями на темы деревен-

ской жизни. Говорил, что сейчас, как в никакие другие времена, высока цена здравого смысла, трезвого, рассудочного взгляда на происходящее в нашей стране. Получалось так, что Крупин как бы заочно спорил с упомянутым Коротичем, у которого было много рассуждений о судьбе Отечества, об отречении от старого мира (как в «Марсельезе») и мало практического смысла.

Невольное противопоставление этих двух значимых людей навело меня на мысль о том, что советское общество незаметно, упорно раскалывается, что в зачатке холодная гражданская война, и слава тому герою, который в будущем возьмёт на себя великую ношу отрезвления и сплочения страны.

XXX

Август 1991 года я провел в командировках в Пензенскую область и Мордовию. С кем бы не разговаривал, почти каждый клял на чем свет стоит Горбачёва. Люди от власти были осторожнее на слова, но тоже недовольно хмурились, когда заходила речь о его политике нового мышления и преобразования страны. Кто посмелее, отзывался зло и кратко: трепач, болтун! И всё чаще в обыденных разговорах всплывала фамилия Ельцина. «Крутой мужик, надёжный», – говорили о нём, не зная собственно ничего из того, что он представляет из себя на самом деле. А те негативные публикации, ко-

которые появлялись о будущем президенте России, воспринимались как клевета и гонения на народного героя.

19 августа стал громом среди ясного неба только для дурачков. Все давно уже понимали, что Ельцин сметёт Горбачёва и лучше, если бы это произошло без драматических потрясений. Но Борис Николаевич к тому времени уже демонстративно вышел из партии и использовать демократические партийные рычаги для смещения Горбачёва он уже никак не мог. Нужна была чрезвычайная политическая интрига, чтобы с позором изгнать КПСС с политической сцены. И тогда Президент СССР коммунист М.С Горбачёв лишился бы легитимной основы своего президентства. Таким образом для его оппонента открывался прямой путь в Кремль.

Что в те дни происходило в Москве, описано в сотнях книг и брошюр. Телевизионные экраны сохранили кадры исторического значения. Вот ГКЧП во главе с вице-президентом СССР Геннадием Ивановичем Янаевым на пресс-конференции. Вот взъерошенный президент РСФСР Ельцин на танковой броне в окружении напряженных охранников. Вот вице-президент РСФСР Александр Владимирович Руцкой с пистолетом Стечкина в руке и демонической искрой в глазах. И вот, наконец, сам Горбачёв, якобы освобождённый из форосского плена, со своей семейной свитой спускается по трапу самолёта и на ходу бросает в толпу репортёров странную фразу, которую впоследствии вымарали из всех журналистских отчетов. А сказал он примерно вот что: никто ни-

когда до конца не узнает всей правды о произошедшем!

Спустя многие годы, я перерыл весь интернет, чтобы найти контекст, в котором прозвучало это самопроизвольное признание Горбачёва. Не нашел! И все, кто топтался вокруг него, когда он вышел из самолета во Внуково, в своих воспоминаниях избегают даже намёка на эту ключевую фразу, так неосмотрительно сказанную возбуждённым Михаилом Сергеевичем.

Когда речь идет о фигурах исторического масштаба, неприменимы обычные человеческие оценки – нравится или не нравится, злой или добрый, честный или лживый. А мне как раз хотелось понять, как же относились к Горбачеву его земляки – простые люди из ставропольских станиц. Такая возможность у меня появилась. Я много ездил по степному краю и кавказскому предгорью, общался со старожилками и молодежью. Нет, ничего хорошего о своём знаменитом земляке они не сказали. В лучшем случае презрительно хмыкали, добавляя при этом: а что гуторить и так всё ясно.

Одна женщина уже в том возрасте, когда нет смысла и желания врать, сказала: «Мы его звали Мишей-рюкзачком. Любил он подношения. И сам умел подносить». Всё сказанное о Горбачеве и свои собственные впечатления об этой действительно большой исторической фигуре мне хотелось выразить в какой-нибудь притче или в другой иносказательной форме. Так родилась у меня маленькая сказочка под названием «Миша-рюкзачок». Вот она...

«В привольных степях у отрогов кавказских гор родился мальчик. И у его колыбели тут как тут появились и злые и добрые феи. И вот между ними возникла ссора. Добрые феи хотели, чтобы мальчик по имени Миша стал самым добрым и сговорчивым на свете. А чтобы не потерять его из виду среди большого множества людей, они сделали ему красивую метку на лбу. За что мальчика прозвали потом пятнистым оленем.

У злых фей была другая мечта. Они вообразили, что с этим Мишей можно повернуть давно задуманный эксперимент. Смысл этого злонамеренного опыта заключался вот в чем. А что, если, думали эти хитрющие злыдни, прицепить к Мише волшебный рюкзачок, а в нем – всевозможные желания, на которые только способен человек. И не обязательно плохие желания. Пусть они будут вперемешку с хорошими, даже благородными! И от самого Миши будет зависеть, каким желаниям он отдаст себя.

Добрые феи на то они и добрые, что их легко можно обмануть и даже взять в свои союзники. И они согласились с этим экспериментом. Тем и закончилась эта ссора у колыбели мальчика.

Тем временем Миша рос не по годам, а по дням. И всегда за его спиной торчал рюкзачок, в котором таились как нехорошие, так и добрые желания. И чем старше становился Миша, тем чаще в рюкзачок попадали всяческие хотелки от разных людей, видевших в нём всемогущего человека, кото-

рый мог, как они думали, исполнять не только свои, но и их мечты.

Злые феи, следившие за каждым шагом Миши, решили научить его вранью. Так будет легче, думали они, выдавать дурные желания за благочестивые. И вот Миша, став уже взрослым человеком, так ловко научился врать, что даже его покровители-феи изумились его способности втирать очки со сказочной изворотливостью. Вот представьте, врет он и при этом говорит: а вот всю правду я вам – фигушки! – никогда не скажу. И люди думают: ага, значит правду хоть и не всю, но сказал нам до этого. Вот шельмец-шельмецом, а всё -таки честный, сам признаётся, что не всю правду сказал.

Так и жил Миша-Рюкзак – половинка на серединку. Что он ни сделает, вроде бы, на первый взгляд, хорошо. А приглядишься – пустота какая-то. Конечно, добрые феи очень были расстроены. Как же они недоглядели, как проморгали перерождение Миши? Ведь в его рюкзачке были добрые, благородные желания. Почему они не возобладали над возжелениями пакостливыми?

А Миша – рюкзачок и сам был не рад такому двойственному положению. И пошёл он бродить по свету, чтобы избавиться от гнетущих его чувств. Но худая слава, как говорят, всегда впереди бежит. Куда он не придет, а там уже говорят: так это Миша-рюкзачок! Тот самый, который на смерть изоврался. Так и бродит он туда-сюда. Так долго

*бродит, что люди уж и не знают: то ли он бродит, то ли
тень его...».*

XXX

В провинции известие о ГКЧП вызвало двойственную реакцию. Сужу по своим наблюдениям в Ульяновской области. Местное руководство замерло, выжидая, кто победит. Народ, как всегда, безмолвствовал. Дальнейшее развитие событий в любом случае ничего хорошего не сулило. Каждая из сторон стремилась найти опору в силовых структурах, СМИ ну и, разумеется, у руководителей территориальных исполнительных и законодательных органов.

Председатель Ульяновского областного совета народных депутатов Юрий Фролович Горячев тоже занял выжидательную позицию. Местный народец по этому поводу посмеивался, гадая, какую он теперь шапку наденет – красную или белую. Как только стало ясно, что Б.Н. Ельцин пересилил ГКЧП, все сразу встрепенулись и поспешили засвидетельствовать свою верноподданность новому идолу.

В Ульяновске кучка врожденных активистов, непонятно какой политической ориентации, пошла громить обком партии. Их кто-то вовремя остановил и выдворил из коридоров здания. Такие же активисты через местные СМИ стали выяснять, а где был тот или иной человек 19 августа, кого он поддержал. Это было безумие кучки заигравшихся в политику идиотов. Но это стало двойным безумием, когда областная

прокуратура стала выдёргивать на допросы людей, подозревая их в измене родине.

Одного такого «изменника», моего коллегу, председателя Ульяновского областного комитета телерадиовещания Юрия Наумовича Гражданцева, я застал в его кабинете в полуобморочном состоянии. Обложившись пачками сигарет, он беспрерывно курил и на моё приветствие как-то безнадежно и скорбно махнул рукой.

– Областной прокурор шьёт мне дело по шестьдесят четвертой статье УК РСФСР, – сказал Гражданцев, очевидно, сам ещё не веря в то, что произнес.

– Успокойся, выпей водки! – сказал ему как можно равнодушнее. – Какая к черту измена! Ты давал в эфир документы ГКЧП под грифом ТАСС? Это так? Значит, ты просто выполнял свои служебные обязанности. Что, прокурор этого не понимает?

Прокурора области я знал не только по личным встречам. От своих коллег, работающих в местных СМИ, я почерпнул довольно достоверную информацию о его человеческих качествах. Да и сами прокурорские работники, съевшие с ним не один пуд соли, характеризовали своего шефа отнюдь не в радужных красках. Его прокурорская прыть после разгона ГКЧП пошла ему в зачёт. Спустя какое-то время он получил на погоны ещё одну поощрительную генеральскую звезду. А когда в 2000-х году создавались в России федеральные округа, то получил назначение в одно из таких административ-

но-территориальных образований на должность заместителя Генерального прокурора – прокурора округа.

К счастью, Юрий Гражданцев вышел целым и невредимым из жерновов политической грызни. Но тот испуг оставил глубокий след в его характере. Он продолжал руководить ГТРК «Волга» ещё десять лет, но пребывал в постоянном напряжении, с вечной оглядкой, как бы не вляпаться ещё во что-нибудь...

События, связанные с ГКЧП, непосредственно коснулись дальнейшей судьбы газеты «Правда». Как мне рассказывали позже сами правдисты, главный редактор газеты Иван Тимофеевич Фролов, лечившийся в те дни на одном из курортов Германии, первым делом, когда сообщили ему по телефону о приостановке выпуска газеты и блокировке финансовых счетов, встревоженно спросил: «А кто же тогда оплатит моё лечение?».

Думаю, что это злая выдумка. Не мог так отреагировать человек с философским складом ума. Во всяком случае, он бы не стал высказывать в первую очередь такую бюргерскую озабоченность, когда речь шла не о чём-нибудь, а о дальнейшей судьбе издания с таким большим революционным и политическим прошлым.

И.Т. Фролов в «Правду» уже не вернулся. Главным редактором стал Геннадий Николаевич Селезнёв, занимавший до этого должность первого заместителя. С этого момента она перестала быть органом ЦК КПСС, став общеполитиче-

ской газетой, издаваемой трудовым коллективом. По инерции ещё действовал соборовский корпус, но его связь с редакцией сошла на нет. Сама редакция лишилась большей части своих помещений, уступив их новорожденной правительственной «Российской газете».

После событий октября 1993 года «Правду» снова взяли в жёсткий оборот. Сразу после ельцинского вооруженного разгона Верховного Совета РСФСР министр печати и информации В.Ф. Шумейко (в народе его почему-то звали Шумей-камыш) выдвинул требование сменить название газеты и главного редактора. Только при выполнении этого условия разрешалось возобновление выпуска газеты.

Было очевидно, что коммунистические издания медленно, но верно хоронят. «Правда», оставшись без финансирования, стала искать себе платежеспособного издателя. И такой нашелся в лице состоятельного греческого бизнесмена Янниса Янникоса. После этого в московский идеологический обиход было запущено язвительное толкование о том, что коммунистическую «Правду» спасает капиталист Янникос. Всё это делалось с таким умыслом, чтобы убедить обывателя в патологической беспомощности всего, что связано с идеями социализма.

Мало кто знал, что Яннис Янникос был убеждённым сторонником СССР, отважно воевал в рядах греческого сопротивления против фашизма. Став издателем, он многое сделал для укрепления культурных связей между СССР и Гре-

цией. Одним словом, его финансовый патронаж над «Правдой», попавшей в проскрипционный список, был актом мужества и солидарности, а не выгодным предпринимательским проектом, как утверждали кулуарные пересуды. В 1997 году «Правда» стала органом КПРФ, и необходимость в финансовой помощи Янниса Янникоса сама по себе отпала.

XXX

В июле 1993 года мне поступило предложение перейти в «Российскую газету». Регион тот же. И ещё пристегнули Самарскую область, хорошо знакомую мне по прежней работе. «Российскую газету» возглавлял тогда Логунов Валентин Андреевич – выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета, профессионал с большим журналистским и организаторским опытом. Как всегда, главред напутствовал новичка перед отъездом в регион. Как помню, ничего конкретного он не сказал. Только предостерег: время сложное, журналистов сейчас стараются перетянуть каждый на свою сторону, надо быть внимательным, чтобы не стать на свою беду орудием в чьих-то недобросовестных руках.

Через три месяца Валентина Андреевича отстранили от должности главреда как человека, поддержавшего Верховный Совет в противостоянии с Президентом России. Газету подчинили федеральному правительству и назначили глав-

ным редактором Наталью Ивановну Полежаеву. Вот как описывает в своих воспоминаниях В.А. Логунов явление своего преемника в «Российской газете».

«Как-то уж очень театрально, стремительно, в длинном тёмном плаще с распахнутыми полами и в сопровождении двух молодых накаченных охранников, заимствованных у вице-премьера Полторанина, вошла в кабинет Наталья Полежаева, и объявила, что она назначена главным редактором газеты и мне отпущено двадцать минут на сборы. Через двадцать минут она займет кабинет главного редактора. Лицо её было в красных пятнах. Волновалась, конечно. «Наташа, – сказал, – разумеется, я уйду, но скажите, зачем он взвалил на женские плечи такую ношу? Ведь вас тут никто не ждет». Она посмотрела на часы и повторила:

«Двадцать минут».

С Наталией Полежаевой проработал года два в «Московской правде»: я заместитель редактора, она – редактор отдела строительства. По тогдашним правилам отделы курировали заместители редактора; мне достался как раз отдел строительства. Не помню ни взлетов, ни падений в её журналистском творчестве. Да и своего кураторства не помню. Скорее всего, была она просто «рабочей лошадкой», без которых, кстати, не может существовать любая газе-

та, требующая ежедневно строчки, строчки, строчки ...».

Новый руководитель сходу начал чистку. Две трети работников получили уведомления об увольнении. Сократились отделы редакции, одновременно были созданы дочерние предприятия. Одно из них под названием «Протокол» должно было распространять эксклюзивную официальную информацию на коммерческой основе.

Все эти нововведения мало касались собкоров. Лично до меня доносились лишь отголоски редакционных передраг. И я старался ни с кем не обсуждать действия нового главреда, памятую о том, что язык до Киева может быть и доведет, а до добра – нет. И всё же мне пришлось самому столкнуться с оригинальным стилем отношения главного редактора к подчиненным.

Осенью 1993 года в «Российской газете» вышла моя статья «О президентстве слёзы не льют». Заголовок, надо сказать, получился с намёком. Как раз в те дни подходила к горячей фазе холодная война между Президентом РФ и Верховным Советом РСФСР. И точно такие же конфликты разгорались во многих областях, краях и республиках России. В начале девяностых годов президенты в субъектах страны появлялись как грибы после дождя. Это было не просто модным поветрием. Оно отражало затяжной болезненный выбор формы правления в новой России – президентской или парламентской. Короче говоря, шла нешуточная извечная ссора

– кто главнее?

В Мордовии такой спор разрешили одним махом. Верховный совет республики взял и упразднил пост президента МССР. Низложенный с президентского поста Василий Дмитрий Гусянников оказался не у дел. Его полномочия перешли к председателю республиканского правительства, подотчетного Верховному совету.

Василия Дмитриевича Гусянникова я узнал, когда он, инженер Саранского НИИ завода «Электровыпрямитель», с бурной молодой энергией возглавил разоблачительную кампанию против республиканской партийной и правительственной верхушки. В то время многие завоевывали на эту политическую популярность. Гусянников – особенно. И вот почему. Он на фоне горлопанящей толпы выделялся своей интеллигентностью и сдержанностью. Была в нем, как говорят, сильная харизма.

Когда на него было совершено организованное нападение, и он с перебитыми ногами отлеживался в больнице, люди отреагировали на это так, как и должно быть: раз бьют, значит, в доску наш! Я навестил Василия Дмитриевича в больницу, мы довольно долго говорили о событиях в республике, и он мне показался смелым рассудительным человеком. И даже то, что он из злонамеренного нападения на него не делал широковещательную пиар-акцию, говорило о его достоинстве.

Не удивительно, что он, не имея достаточного опыта хозяйственной, управленческой работы, глубоких экономиче-

ских знаний, набрал нужное количество голосов на выборах Президента республики. Но недолго пришлось ему руководить Мордовией. Чужака враждебно восприняла местная номенклатура. Да и ошибок с его стороны было допущено немало, чем и воспользовались его оппоненты, занимающие влиятельные должности и в правительстве, и в Верховном совете республики.

Строго говоря, упразднение президентства не было направлено лично против Гуслянникова. Это был акт принципиального значения. Какие могут быть президенты субъектов в федеральной России? Не ведет ли это к излишней и опасной самостийности? Напрямую в статье об этом не говорилось. Упор делался на том, что кризисная обстановка в стране требует хозяйственных рук, расчётливых действий, железной управленческой дисциплины, а не междоусобной свары между ветвями власти.

Статья была опубликована, когда главредом был ещё Валентин Логунов. Не прошло и месяца, его сменила Наталья Полежаева сразу же после разгона Верховного Совета РСФСР. А вскоре мне поступил звонок из редакции об иске со стороны В.Д. Гуслянникова. Оказалось, что это был вовсе не иск, а жалоба Василия Дмитриевича на несправедливую, с его точки зрения, статью о нём. Новый главный редактор, очевидно, не вникая в детали, рассудила так: пусть Гуслянников разбирается непосредственно с автором статьи путем обращения в суд с гражданским иском.

Никакой иск меня не пугал. Меня другое удивило. Ответственность за публикацию всегда несет редакция. Если руководство газеты находит вину своего сотрудника в каких-то неточностях, искажениях фактов, то соответственно, в свою очередь, наказывает его. А здесь что-то новенькое... Как говорится, я не я и хата не моя.

Недолго думая, набрал телефон В.Д. Гуслияникова. Спросил его: лично ко мне, как автору, какие претензии? Василий Дмитриевич ответил, что он в принципе возражает против решения Верховного Совета об упразднении института президентства в республике, а я своей публикацией будто бы подыграл этому несправедливому решению. Тогда, говорю ему, обращайтесь в Конституционный суд РФ. Это его компетенция рассматривать подобные правовые конфликты.

На этом наш разговор закончился. Разумеется, Гуслияников не стал обращаться в Конституционный суд и на мне не стал вымещать своё раздражение. Не такой человек он. Прошло с того времени много лет. Через интернет узнал, что Василий Дмитриевич, несмотря на преклонный возраст, активно занимается правозащитной деятельностью, помогает людям, попавшим в сложные житейские передряги. Жаль, подумал я, что он не остался во власти. Такие люди, как он, спасают власть от вырождения...

На дворе был 2024 год, когда мой коллега журналист Владимир Петрович Долматов сбросил на ватсап миллион раз тиражируемое видеоизображение с припиской: ты это помнишь? Посмотрел. Картинка представляла из себя сказочный сельский дом неведомо из каких времён. Такие терема неопикуемой красоты рождаются только в воображении художников. Я стал внимательнее изучать картинку и – Боже мой! – дом этот мне показался хорошо знакомым. Настолько хорошо знакомым, что я сразу вспомнил детали встречи с таким чудом.

Я тогда работал в «Уральском рабочем». Возвращаясь из командировки, по давней привычке решил отрезок пути проделать пешком. Заходил в магазины, общался с прохожими, выспрашивал о их жите-быте. Помнится, в Пуксинке – небольшом таёжном поселке на берегу Тавды – я заглянул в магазин, где стал свидетелем занимательной сцены. За прилавком стояла женщина, очевидно, бывшая зэчка. Покупатели, как я понял, тоже бывшие заключенные, оставшиеся в поселке доживать свой век после выхода из-за колючки.

На магазинной полке товар – гениально простой и исчерпывающийся по своему содержанию: копчёная колбаса колясками и спирт в бутылках под сургучной пробкой. Зашел угрюмый мужик со своей бабой. Баба держала в руках полотнояные небольшие мешки, скрывая лицо под серым полушалком, надвинутым домиком на её сморщенный лоб. Мужик пальцем указывал продавцу на товар и тот выкатывал на

прилавок горы колбасы и не счесть сколько бутылок спирта. Всё это происходило в суровом молчании. Когда баба замешкалась сгружать товар в мешки, мужик прикрикнул внятно и требовательно: «Шевелись, жаба!».

Меня такая сцена ничуть не смутила, в этом мужике и его бабе я видел типы русских людей, которых слепила суровая беспощадная жизнь. Хотя и говорят, что от осинки не родятся апельсинки, само бытие может уroda сделать принцем, а рыцаря перелицевать в урода. Пуксинка этим эпизодом мне запомнилась на всю жизнь.

А в другом ничем не примечательном уральском сельце я наблюдал, как тракторист выбирал в магазине сапоги-керзачи. Он их обстукивал, обнюхивал, прикладывал зачем-то к уху, щёлкал по ним пальцем, сгибал и разгибал голенище, запускал руку вовнутрь, будто что-то искал там. Продавщице этот затянувшийся процесс надоел, и она грубо сказала: «Макар, ты что спятил, не Жигули ведь выбираешь!». Макар смахнул пот со лба, по-детски обиженно заморгал и выдал такую неожиданную и такую емкую фразу: «Дуся, для меня они важнее, чем Жигули. Мне в этих сапогах минимум два сезона надо пахать». Вот за такими житейскими сценками я с удовольствием охотился в командировках, стараясь потом выразить их смысл на бумаге.

Итак, село Кунары, где на замшелой деревенской улице перед моими глазами вдруг вспыхнул, как новогодняя елка, дом местного кузнеца Сергея Ивановича Кириллова. Я сто-

ял как вкопанный, силясь впитать в себя затейливую красоту деревенского зодчества. Украшенный деревом и железом (кузнец ведь!), дом уместил на стенах, фронтоне и коньке различные сказочные образы и тонко кованные из железа цветы. А по углам – фигурки пионеров, трубящих в горн...

Понятное дело, на памятный артефакт, как сказали бы сейчас, это самодеятельное творчество не тянуло. Кич, суррогат, вампука. Как угодно назовите. Но созерцая это нагромождение сочных красок и рельефных изумительных изображений, чувствуешь проникающие в сердце тепло и радость.

Тут вышел хозяин дома – круглолицый, с ясными глазами человек и, как мне показалось, в приподнятом настроении. Разговор вроде бы завязался хороший, но тут же зашёл в тупик. Сергей Иванович (это был он – кузнец!) то ли в шутку то ли всерьёз намекнул, что за погляд надо бы мани-мани. Видимо, это была всё-таки шутка, но меня моё журналистское воображение уже понесло к нравоучительной теме.

Написал материал, в котором довольно коряво (сейчас я это понимаю) рассуждал, как народное искусство может стать предметом делячества, узкого практицизма. Помню, кто-то из коллег по газете, кажется, Борис Тимофеев, после выхода материала сказал: «Зря ты так о человеке, добрее надо быть...».

С того дня прошло почти полвека. Сказочный дом в Кунарах в 1999 году бал признан лучшим сельским домом в

России. Нет уже в живого кузнеца Сергея Ивановича Кириллова. Но остались его дети, которые, как мне известно, наследовали от отца и матери творческое горение и чувство вечной красоты. Дом стоит по сей день, согревает собой суровые уральские окрестности. На Урале он известен также, как и наклонная Невьянская башня.

Знал ли я тогда, что монетизация, в которой я так неуклюже и неуместно упрекнул досточтимого Сергея Ивановича Кириллова, вскоре захлестнет дух и плоть нашей страны, примет чудовищные формы разрушения? И не думал, и не гадал. Как не думали – не гадали большинство моих соотечественников, воспринявших горбачевскую перестройку как движение к социалистическому обновлению и внутреннему очищению. А что получили?

XXX

Только-только стал обживать в «Российской газете», как от одного из заместителей главного редактора поступило «секретное задание». Адрес командировки – Тольятти, гостиница «Жигули». В ней я должен пересечься не с кем-нибудь, а самим Борисом Абрамовичем Березовским. Он, как сказал мне заместитель главного редактора объяснит, что к чему. Проживание в гостинице, питание уже оплачено по безналичке, мне только остаётся добраться до Тольятти.

Неясность поручения, недосказанность создавали состоя-

ние таинственности. К тому же напрягало само имя Березовского, заправляющего к тому времени сомнительными предпринимательскими акциями. Созданный им СП «ЛогоВаз» занимался продажей реэкспортных автомобилей, полученных с завода по ценам ниже себестоимости. За рубеж автомобили, конечно же, не попадали. Реэкспорт был фиктивным, осуществлялся только на бумаге. В эту криминальную схему было вовлечено руководство ВАЗа во главе с Владимиром Васильевичем Каданниковым. Государству наносился огромный урон, а зарубежные счета создателей ЛогоВАЗа пополнялись миллионами долларов. Подробности такого грабительского бизнеса станут известны стране гораздо позже. А пока Березовский воспринимался как энергичный удачливый бизнесмен, вышедший из авторитетной научной среды.

И вот мне предстояла встреча с капиталистическим первопроходцем, на которой он должен был посвятить меня в суть редакционного задания. Он позвонил, и я спустился на четвертый этаж в его гостиничный номер. Меня встретил несколько суетливый, даже нервозный, человек с движениями мышкующей лисы. Борис Абрамович, не тратя лишних слов, сделал небольшой экскурс в историю довоенной Германии, где производство фольксвагена, как он сказал, стало локомотивом немецкой автоиндустрии.

– Вот такой народный автомобиль мы должны создать в России, – заключил Березовский. – Для этого в Тольятти бу-

дет построен совершенно новый завод. Исключительно на народные деньги и для народа! Вот для чего мы собираем здесь журналистов из столичных изданий. С вашей помощью мы привлечем интерес миллионов людей к этой задаче, предложим им участвовать в приобретении акций АВВЫ – автомобильного всероссийского альянса.

Не знаю, обладал ли гипнозом Борис Абрамович или у него был особый дар убеждения, но я, грешный человек, так проникся идеями АВВЫ, что даже рискнул сделать «креативное предложение». Для распространения акций, горячо сказал я, можно использовать и корпункты «Российской газеты». Борис Абрамович и бровью не повел, но в его глазах я увидел задумчивое удивление, как такие глупые мысли могут посещать собкора центральной газеты.

Доведение журналистов, прибывших в Тольятти из Москвы, до соответствующей кондиции продолжалось два дня. Были, конечно, ресторанные обеды и ужины с хорошим алкоголем и посиделки за «круглым столом». Среди экспертов, представлявших будущий автомобильный всероссийский альянс как «главное звено, которое потянет за собой всю российскую экономику», выделялся скромный человек с докторской бородкой. Это был Александр Стальевич Волошин, ставший впоследствии руководителем президентской администрации. Волошин говорил мало, негромко и сбивчиво, будто кто-то держал его язык на привязи. Также был сдержан в оценках и губернатор Самарской области Константин

Иванович Титов. Вероятно, он уже тогда догадывался, в какую авантюру втягивается его особа. Ведь Титову, по сценарию Березовского, предстояло решить вопрос о передаче 150 гектаров земли под будущий завод народного автомобиля.

Среди журналистов, прибывших на эту сходку, я увидел многих своих знакомых из «Известий», «Труда» и «Коммерсанта». Известинец Сергей Лесков, давно специализирующийся на космической и научной тематике, явно не понимал, зачем он оказался среди нас, обреченных раскручивать идею АВВы в своих изданиях. Другие коллеги, закусывая водочку салатом оливье, больше обсуждали новости своего профессионального цеха, чем автомобильный проект Березовского. Что ни говори, а нюх на фикцию, обман, фуффло у многих из них был отменный, и свой приезд в Тольятти они восприняли как приятное времяпровождение.

По возвращении в Ульяновск созвонился с заместителем главного редактора, направившего меня в эту памятную командировку: ну и что мне делать? Нужно, сказал он, быстро подготовить статью о грядущем экономическом прорыве в автомобилестроении. Быстро! Я заварил крепкий чай, обложился блокнотными записями и к полуночи выдал текст под заголовком «Передаст ли Детройт лавры Тольятти?».

В ней я добросовестно изложил всё, что исходило тогда от важных персон, участвующих в презентации «АВВы». От генерального директора «АвтоВАЗа» В. Каданникова, председателя Фонда федерального имущества Ф. Табеева, главы

администрации Самарской области К. Титова (губернаторами тогда их ещё не называли) ну и, конечно, от самого Б. Березовского. При этом я старался избегать авторской оценки прошедшей пресс-конференции, оценки реалистичности, жизненности будущей АВВЫ. И не моё это было дело. Поэтому я предпослал к статье вопросительный заголовок: «Передаст ли Детройт лавры Тольятти?».

Статья вышла прямо с колес. Но почему-то в заголовке исчез вопросительный знак. И имя Березовского, как автора идеи АВВЫ, не упоминалось. А вот фамилия Каданникова шла через весь текст. Получалось, что именно он затеял весь этот сыр-бор с народным автомобилем. Сбор средств через продажу акций АВВЫ стремительно набирал темп. Акционерами стали почти три миллиона человек, отдав компании Березовского 200 миллиардов рублей.

Всё! На этом проект омертвел. По инерции в СМИ ещё продолжалась благоприятная шумиха вокруг АВВЫ, но никто не мог назвать, а что реально, конкретно делается. Землю под строительство нового завода, как помнится, так и не выделили. Сам народный автомобиль существовал даже не в чертежах, а «детских рисунках» и в воображении отцов АВВЫ. Куда же тогда пошли деньги приобретателей ценных бумаг? Об этом – молчок.

Во мне сидела заноза. Волей или неволей я тоже оказался причастным к надуванию пропагандистского мыльного пузыря, и я решил подготовить материал о том, где же обе-

щанный российский фольксваген. Процедил, насколько мог, прессу. Ничего не нашел на эту тему. Заметил только, что АВВА с её шумной рекламой исчезла с телеэкранов, из радиоэфиров, нет её и на рекламных полосах газет. Но ведь остался главный учредитель альянса – АО «АвтоВаз», о котором время от времени проявлялись чуть ли не заупокойные сообщения.

С большим трудом связался с генеральным директором В.В. Каданниковым. Для того, чтобы начать строить новый автосборочный завод, сказал Владимир Васильевич, требуется стартовая сумма в 300 миллионов долларов. Плюс одновременное подключение дополнительных зарубежных кредитов. А деньги акционеров АВВЫ ситуации не меняют. Их всего-то 50 миллионов долларов.

– И где же они?

– На эти деньги в Финляндии строится сборочный конвейер по выпуску автомобилей девятой модели. Хотя что-то, чем ничего...

Статья под заголовком «Авто для народа в одном экземпляре», рассказывающая о том, как проект российского фольксвагена не вписался в финансовые виражи, была отправлена в редакцию. В ней ничего не было такого, что могло бы бросить криминальную тень на организаторов альянса. Да я и не располагал убедительными фактами и доказательствами мошеннической сути этой грандиозной затеи. Просто показал, как вредны и опасны технические прожекты, не

подкрепленные ни финансово, ни организационно.

Но и такое, в общем-то безобидное, толкование судьбы АВВЫ кому-то не понравилось в редакции. Звоню: что с материалом, его приняли? Мне в ответ: какой материал, ничего не видели! Выждав пару дней, снова тревожу своих коллег. Реакция та же. Обращаюсь в секретариат, но и там ничего не знают. Ищи, посоветовали, в отделах. Ничего не оставалось, как обратиться к Владимиру Кузьмищеву – заместителю главного редактора, курирующего экономический блок редакции.

Я объяснил ему, о какой статье идет речь. Он насторожился. Сделаем так, сказал Кузьмищев, я иду в телетайпную, а ты отправляй текст, я его сам приму. Так и поступили. Через три дня статья была опубликована. Никакой реакции на неё не последовало. Так что не было смысла тормозить её выход. Видно, «рука Березовского» уже к этому времени набрала хорошую мускульную силу и могла проникнуть куда угодно.

О Владимире Кузьмищеве осталась у меня благодарная память. Я его поверхностно знал по работе в газетах «Труд» и «Правда», а этот эпизод, произошедший в «Российской газете», ярко выявил в нём журналистскую порядочность и честность. К сожалению, он рано ушёл из жизни, оставив после себя замечательные рассказы и повести.

XXX

После октябрьских событий 1993 года в моей журналист-

кой работе мало что изменилось. Из аппарата редакции никаких рекомендаций не поступало. Лишь изредка кто-нибудь просил подключиться к той или иной газетной акции. Корреспондентской сетью руководили опытные журналисты и они понимали, что на местах собкору лучше знать, на что обратить внимание, какую тему зацепить. А серьёзные темы сами плыли в руки.

Однажды в Ульяновский корпункт «РГ» позвонила женщина и, не успев представиться, разрыдалась. Когда успокоилась, зачастила в телефонную трубку: обобрали, до нитки обобрали!

– Ну, это не ко мне... У вас что, обчистили квартиру? Кошелёк вытянули? Сорвали шапку?

– Да послушай! Если бы украли, ограбили, я бы знала, куда обратиться. А здесь сама, дура, деньги отдала.

Деньги она отдала в общем-то небольшие. Интересно другое: за что и кому? За непрошенный и ненужный к тому же подарок. Сразу же после Нового года жителям Ульяновска (и не только Ульяновска!), которые в своё время под обаянием телевизионного Лёни Голубкова бешено покупали акции АО «МММ», пришли посылочки с наложенным платежом от того же самого МММ. Те, кто рассчитывал в этой посылочке обнаружить нечто приятное, платили деньги и обнаруживали в ней новогоднее поздравление. В придачу к этому поздравлению подарок – мёртвые семена овощей – двадцать кулечков стоимостью 325 рублей каждый.

Женщина, которая рыдала в трубку, аттестовала себя слишком, может быть, резко. И она согласилась с тем, что ей, облапошенной, объегоренной по своей простодушной доверчивости, некуда обратиться. Ни милиция, ни прокуратура такие заявления уже не принимали под тем предлогом, что это не криминал. Но почему? «Щипача», пойманного за руку на краже кошелек, быстро оформляют по соответствующей статье УК РФ и конвоируют в суд. А если какие-то негодяи общипывают половину населения России, то на них нет ни милиции, ни прокуратуры, ни суда.

Тот звонок в корпункт заставил призадуматься: как об этом писать? Дело ясное, что дело тёмное. На страну обрушилось цунами мошенничества, обмана, плутовства, одурачивания, а наши правоохранительные органы – самая главная опора правопорядка в стране – своим бездействием потворствуют этому.

Мне трудно было понять, откуда растут корни этого бедствия. Ничего ведь на пустом месте не возникает. Что-то ведь дало сумасшедший импульс мошеннической пандемии? Возможно, мои рассуждения безосновательны, но первопричиной этого позорного для страны явления стало поведение самой власти, самого государства, которое оказалось в руках авантюрных деятелей.

Самый главный обман, жертвой которого стало все население страны, – это, конечно же, приватизация госсобственности по-чубайсовски. Отсюда всё пошло-поехало. Раздали

всем фантики, именуемые приватизационными чеками, потом эти ваучеры перекочевали в чековые инвестиционные фонды. А эти фонды оказались тоже мошенническими. Моя семья доверилась такому фонду, созданному при федеральном министерстве внутренних дел. Куда уж надежнее! И ваучеры пропали. Для нас пропали. А для кого-то чеки, аккумулированные в одних руках, стали пропуском в новую жизнь.

Обогащение любой ценой, к чему призвал сам президент Ельцин, стало и целью, и индульгенцией для энергичных людей без страха и совести. Исчезла боязнь перед законом даже у робкого обывателя. Населению словно привили запредельную дозу плутовства и надувательства. В общем, заварилась в стране такая каша, которая расхлёбывается не один десяток лет.

Как же действовали в такой обстановке наша милиция, прокуратура и суды? Коль для них была категорически прописана дорожная карта – не мешать становлению собственников! – усилия правоохранительных органов были направлены на что угодно, но только не на пресечение кровавой междоусобицы в схватках за собственность и богатство. Причем эти битвы происходили на всех этажах нашего общества – от семейной ячейки, самого захудалого посёлка до столичных городов и самых уважаемых семейных кланов.

Из Самарской области мне пришло любопытное сообще-

ние. В поселке Кряж в женской колонии появилась бабушка, осужденная за кражу двух трёхлитровых пустых банок. Мне этот факт показался, как сказали бы сейчас, бредовым фейком. И всё-таки перепроверил. Действительно, 65-летняя К. Матюткина из села Приволжье сняла с забора две сушившиеся стеклянные банки и сдала их в сельский магазин, за что получила 110 рублей. Это ей как раз хватило на полбуханки хлеба.

Тут же объявилась хозяйка стеклотары – соседка Матюткиной. После словесной перебранки, без которой скучно в очереди в сельмаге, злосчастные банки возвратились собственнику. Инцидент исчерпан? А вот и нет!

Против К. Малюткиной было возбуждено уголовное дело. Дознание, следствие, опрос свидетелей, снятие отпечатков пальцев, обвинительное заключение, а затем судебный процесс под председательством райнарсудьи Л. Евдокимовой. Государственное обвинение в суде поддерживал прокурор Т. Агеева. В результате бабушку приговорили к лишению свободы с отбыванием срока в колонии общего режима, надели на неё наручники и отправили под конвоем в Кряж.

В жизни, как известно всегда есть место не только подвигу, но и шизофреническим извращениям. Я связался со следователем и спросил: за что такая немилость к престарелой женщине? Неужели она так опасна для общества, что её обязательно нужно изолировать? На что получил предельно ясный ответ: бабка посягнула на святая святых – на собствен-

ность! И здесь закон неумолим.

Вот, оказывается, в чем соль. В святости собственности. Применять такую категорию к трём стеклянным банкам, прямо скажем, комично. Но какая тенденция! Неприкосновенность собственности, неумолимая ответственность за посягательство на неё – это стержневые моменты уголовного законодательства всех времён и народов. В СССР за хищение социалистической собственности грозила суровая кара вплоть до расстрела. В новой России степень вины, а значит и степень наказания определял вид собственности. Частная собственность, независимо от источника её создания, её легитимности становилась под броневую охрану капиталистического государства. А вот защиту личной собственности отдали в основном на усмотрение гражданского судопроизводства, чем успешно пользуется тьма-тьмущая мошенников (блогеров, коучей, гештальт-терапевтов, астрологов, прорицателей), опустошающих карманы крайне доверчивых и зачастую безмозглых граждан за оказание разного рода мнимых и даже опасных для здоровья услуг.

Эпизод с крадеными стеклянными банками – это, конечно, уродливая гримаса глупых и ретивых правоохранителей. После выхода в «Российской газете» корреспонденции под заголовком «Как бабушка банки брала» незамедлительно вмешался областной прокурор и бедную женщину освободили из зоны, назидательно напомнив при этом, что воровать хоть и пустые банки – нехорошее дело.

Милиция (она тогда была ещё милицией) толком не могла понять, как себя реализовать в новых условиях, в чем проявить свои полномочия. Куда не ступи, слышишь предостережение: этого не трогай, того не беспокой. Появились неприкасаемые, но не такие как раньше, с партбилетами в кармане, а люди с «авторитетным» уголовным прошлым, органично вписавшиеся в новую реальность и ставшие хозяевами этой новой реальности.

Своего рода неприкасаемыми стали глашатаи демократии, исповедники новой морали. Стоило взять под белые ручки за хищения бюджетных денег одного ульяновского чиновника, как тут же в местных СМИ поднялся крик – преследуют за политические убеждения, возвращается 37-й год! После этого какой-то остряк запустил в оборот игривую формулу: не пойман – не демократ!

Костью в горле стали адвокаты. Теперь без их присутствия не удержишь, не обыщешь, не предъявишь... Психологически привыкнуть «службе дни и ночи» к таким требованиям было не так просто. От этого происходили всякие невероятные истории. Известный в Поволжье адвокат Вячеслав Чагинский, с которым мы постоянно общались, однажды поведал мне о таком диком случае.

К задержанному за какое-то правонарушение человеку пришел адвокат. Молодой оперуполномоченный, выпускник Елабужской школы милиции, взял и взашей вытолкал этого адвоката из кабинета. Да ещё и наподдавал ему пинков...

– Думаю, выигрышная тема для публикации, – сказал Вячеслав Викторович Чагинский. – Возьмете этот факт?

Оказалось, что молодой сотрудник милиции, совершивший, можно сказать, нападение на адвоката, сын наших хорошо знакомых добропорядочных людей. Да и парня этого я знал с подросткового возраста. Пришлось отказаться от предложения. Не уверен, что я смог бы быть предельно объективным и критичным в описании такой коллизии.

Девяностые, да и последующие годы стали для милиции (так же и для прокурорских и судебных работников) таким горнилом, в котором не столько закалялись, сколько напрочь сжигались лучшие профессиональные качества. Слово «оборотни», до этого почти не применявшееся к людям в погонах, стало теперь их клеймом. Разумеется, самые лучшие сердца выдержали такие испытания, не дали жизненным мучительным обстоятельствам подмять себя. Но много было и таких, которые симулируя верность долгу и своей профессии, сами творили всяческие бесчинства.

Притворство, имитация бурной деятельности не обошло стороной наших правоохранителей. От них общество ждет конкретной борьбы с преступностью, ждет посадок. Где они? Но кого сажать, если до реальных бандитских акул руки не дотягиваются? И тогда оживился старый плутовской приём – провокация какого-нибудь мелкого преступления с последующим мгновенным разоблачением.

...На одной из строительных площадок Ульяновска к ра-

бочим подошёл посторонний человек и сочувственно поинтересовался: как жизнь, мужики? Ну что они, мужики, могли ответить на это? Что зарплату не выдают третий месяц – это не новость. Что в доме холодно и голодно – этим тоже теперь никого не удивишь, привыкли. И отвечают мужики старым анекдотом: жизнь наша, браток, как картошка, если зимой не съедят, то весной посадят

– Ну и мрачный у вас юморок, – укорил незнакомец. – Жить надо веселее, проще. У меня к вам коммерческое предложение. Вы мне – рубероид, я вам – деньги. Желательно не меньше пяти рулонов.

Знать бы, бедолагам, что на состав преступления по стоимости похищенного тянет как раз пять рулонов. Мужики, возбудившись от нечаянного коммерческого предложения, тут же пошли в подсобку, извлекли злосчастные рулоны. И тут, как рояль в кустах, обнаружилась милиция. Впрочем, она присутствовала и до этого. Незнакомцем был не кто иной, как оперуполномоченный Сергей Т. Тут же, не мешкая, завели уголовное дело и – в суд!

Когда эта история дошла до меня, я внутренне напрягся: как расценивать всё это? Может быть, это единичный случай, который уже получил соответствующую оценку руководства УВД? Стал собирать дополнительные факты. Выяснилось, что провокация – это фирменный стиль оперативно-розыскной работы. Театрально создать криминальную ситуацию, а потом с помпой расследовать её стало чуть

ли не похвальным искусством правоохранителей.

Сколько же людей они отправили таким образом на тюремные нары? Не убийц и насильников, не гнусных расхитителей бюджетных денег, не пожирателей госсобственности, а сиволапых мужиков, которые польстились на «коммерческое предложение» милицейского провокатора исключительно ради того, чтобы накормить семью.

И это всё легко прокатывало, как говорится, в судах. Но однажды случилась осечка. На суде рабочие, спровоцированные на кражу пяти кубов гравия, в покупателе опознали работника милиции. Дело вернули на доследование, а потом прекратили. А ведь по-хорошему должна была пройти тотальная прокурорская проверка всех подобных дел с выяснением, кто и когда ввел в оборот деятельности милиции такие противоправные методы.

Статья вышла в «Российской газете», и началась нудная утомительная милицейская возня вокруг этой публикации. Начальник пресс-службы УВД, подталкиваемый своим руководством, до смерти надоел мне своими вопросами, где и у кого я взял факты и почему провоцирование преступления нельзя считать законным профилактическим методом. И такой бред нёс человек с погонами подполковника.

Моя жена Елена, работавшая в эти годы старшим инспектором управления кадров УВД, обычно никак не комментировала мои публикации. Но на этот раз она грустно сказала: допишешься, сожрут они меня! Слава Богу, начальник УВД

оказался не мстительным, а, я бы сказал, достойным человеком, хотя кое-кто из его подчиненных пытались за его спиной отыграться на ней, таким образом отомстив мне за публикации. Но получив отпор, трусливо отступали.

Свести счеты с беспокойным журналистом через его семейство считалось обычным делом. Главное в таком ситуативном противостоянии держать ухо востро и стараться смотреть на себя как бы со стороны, чтобы не давать повода вцепиться в тебя зубами. Одно время у меня были довольно миролюбивые отношения с областным прокурором. Но только до той поры, пока он сам не попал под критику.

В конце девяностых годов корпункт «РГ» в Ульяновске перешёл на электронную связь. Мой служебный компьютер, как и компьютеры некоторых других организаций, вскоре был взломан ульяновскими хакерами, и они вволю паслись в интернете, пользуясь чужими паролями.

Грешниками оказались пацаны-подростки и студенты-первокурсники. Были среди них дети и внуки влиятельных людей. Я ждал, что начинающие хакеры добровольно оплатят свои затяжные прогулки в интернете, и на этом деле конец! Но никто не собирался возмещать редакционные убытки.

В УВД, в отделе борьбы с преступлениями в сфере компьютерных технологий, мне сочувственно пояснили, что областная прокуратура закрыла это дело, не найдя в нем состава преступления. Пришлось связываться с прокурором обла-

сти Юрием Михайловичем З. Не получился разговор. Как я почувствовал, его изумила, оскорбила наглость собкора, посмеявшегося усомниться в правомерности действий прокуратуры в данном конкретном случае.

Ну что ж, у меня тоже есть профессиональная гордость. К тому же, на свою беду, бываю упертым. Статья в «Российской газете» под заголовком «Как хакеры закрыли уголовное дело в прокуратуре» свое дело сделала. Во-первых, газета впервые в СМИ показала, что нельзя недооценивать новый вид преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий. Что назрела необходимость законодательного обеспечения борьбы с преступлениями подобного рода. Во-вторых, статья показала, что никакой прокурор, даже самый-самый, не может и не должен закрывать уголовные дела исключительно по своему настроению.

Понятное дело, это выступление газеты прокурору области и его коллегам в Генеральной прокуратуре не пришлось по вкусу. На публикацию в правительственной газете никакой официальной реакции вообще не последовало. Будто бы её не было.

Удивляться, впрочем, нечему. С каких-то пор к прессе сформировалось полупрезрительное отношение: пиши, Емеля, твоя неделя... Но я другую реакцию почувствовал. Меня кто-то пытался взять на излом через моего старшего сына Павла, работавшего после юридического факультета следователем в Ленинском райотделе милиции. Дела, ко-

которые он вёл, стали изыматься из архива и тщательно процеживаться в поисках компромата против него. Эта умышленная затея, разумеется, ничего не дала проверяющим, а я ещё больше, к своему удовольствию, уверился в порядочности сына.

XXX

Конец восьмидесятых, девяностые, а позже и двухтысячные годы многое изменили в умонастроении и психологии людей. Самое ужасное, сработал эффект привыкания к новой реальности, окрашенной в кровавую краску. В Ульяновске, как и в других российских городах и посёлках, уличная бытовая преступность переросла в смертельные схватки за место под солнцем. Повседневные разборки, как правило, проводились руками «пехоты» – молодых крепких людей, натасканных в спортивных залах и на подвальных тренажёрах. А за их спинами скрывались не только прожжённые урки, но и вполне респектабельные господа из чиновничьих кабинетов. Дороги к капиталистическому раю густо устлались трупами. Под Ульяновском на Ишеевском кладбище появились целые кварталы захоронений братков.

Помимо борьбы за жирные куски собственности шла не менее жесткая война за удержание власти в своих в руках или за проникновение во власть. В Ульяновске это приняло анекдотичные формы. Демократы пытались свалить с долж-

ности главу администрации области Ю.Ф. Горячева и на его место определить директора завода «Контактор» В.В. Малафеева. Были даже дни, когда областью одновременно управляли эти два человека. В СМИ одного называли красным губернатором, другого – настоящим демократом. Вот они и стали перетягивать друг у друга канат. Как сказал бы известный поэт и философ, «свободы ради пыли стоит столбом, а попросту дерётся раб с рабом».

Среди ульяновских мещан даже делали ставки, кто кого переборет. Считали, что победит тот, кто сумеет лучше улестить Ельцина. Горячевцы отрядили в Москву целую делегацию от народа. В Кремле делегатам дали понять, что окончательное решение примет президент в ближайший приезд в Ульяновск.

Подготовкой к встрече Ельцина, естественно, занималась действующая администрация, возглавляемая Ю.Ф. Горячевым. И вот самолет президента приземлился в аэропорту Баратаевка. В ту пору президентская охрана действовала ещё не так жестко. И журналисты, вперемешку с встречающими чиновниками, как мухи облепили трап самолёта, по которому неспешно спустился Борис Николаевич. У него был немного сонный и какой-то домашний вид – ведь позади был Саратов, где губернатор Аяцков по-царски встречал кремлёвского хозяина, и эта встреча не могла не оставить отпечаток усталости.

Суета вокруг визита Ельцина в Ульяновск была сумасшед-

шая. Юрию Горячеву предстояло доказать верховному гостю, что Ульяновская область не лыком шита, что сам Ульяновск не бедствует, что продовольственные полки, в отличие от соседних областей, укомплектованы разнообразными продуктами. Если Ельцин увидит и поверит в это, то вопрос, кому быть губернатором, решится само собой.

Конечно, было в этом много показухи, но надо признать, что горячевские старания не допустить обвала продовольственного рынка в первые месяцы гайдаровской либерализации цен давали результат. Помнится, к нам из Самары приезжали наши знакомые, чтобы запастись крупами, сахаром, подсолнечным маслом. Горячев делал всё, чтобы помешать опустошению магазинных полок заезжими покупателями. Он даже пошёл на такой непопулярный шаг как введение продовольственных талонов под названием визитных карточек жителя Ульяновской области.

Среди вороха старых бумаг в нашей семье до сих пор сохранился именной картонный квадратик с фотографией и печатью. Только предъявитель такой «визитки» мог рассчитывать на покупку товаров первой необходимости. За эту инициативу Горячева в либеральной прессе окрестили антирыночником, красным губернатором и вообще консервативным главой администрации, тянущим область в прошлое.

Тем не менее, несмотря на такую яркую негативную публичную аттестацию, Б.Н.Ельцин во время посещения Ульяновского авиапромышленного комплекса прямо в цехе под

крики рабочих «Горячева – в губернаторы!» подписал указ о его назначении. Многие недоумевали: как же так? Почему президент не прислушался к мнению демократической общественности? На мой взгляд, только так и должно было произойти. Ульяновская область на тот момент была относительно стабильной на фоне других соседних областей и республик, где обвальные рыночные реформы вызвали у населения тревогу, если не смуту. И Ельцин, его окружение, конечно же, учитывали политическое спокойствие на родине Ленина. И Ю.Ф. Горячев был оставлен у власти как временная переходная фигура.

Прошло совсем немного времени, как на одном из многочисленных совещаний глава администрации Ю.Ф.Горячев прямо с трибуны заявил буквально следующее: «Дело доходит до того, что областные руководители, спасая награбленные миллионы, сидят в своих кабинетах и обсуждают, из какого ружья убрать Горячева». Выступление транслировалось по областному телевидению и люди были ошеломлены таким заявлением: вот дожили! Уже губернатора взяли на прицел!

Об этом мне пришлось написать в корреспонденции «Мафия предупреждает». Верил ли я, как автор, в реальность такой коллизии? Я знал, что Горячев был виртуозом социальной демагогии, он хорошо разбирался, какие затронуть струны обывательской души. Если хозяин области на мушке у мафии, значит он свой, народный! И за народ, против мироедов, готов идти хоть под пулю.

Никаких покушений на губернатора, к счастью, не произошло. Потихоньку, без лишней огласки, в области разворачивалась приватизация госсобственности и будто бы вопреки воле Ю.Ф. Горячева. Причём под разгосударствление попали, в первую очередь, не только объекты социальной, коммунальной и транспортной инфраструктуры, но и предприятия стройиндустрии, часть оборонных заводов.

Крупные собственники появлялись как из пробирки. Вчерашний водитель-дальнобойщик становился обладателем солидной коммерческой фирмы, владеющей бензоколонками, торговыми и общепитовскими учреждениями. Секретарь-машинистка превращалась в хозяйку косметических салонов и модных бутиков. Участковый оперуполномоченный, никак не проявивший свою доблесть на службе, вдруг становится совладельцем транспортных маршруток. Ясно, что за их спинами стояли теневые воротилы, фамилии которых никто не знал и, наверное, никогда не узнает.

Мне очень хотелось найти таких людей, кого рыночная демократия выдвинула на созидательную роль в нашей жизни. И таких, действительно, оказалось немало. Но какая печальная у них судьба! Молодой человек по имени Виктор Николаев занялся автосервисом. Услуга широко востребована. И как только энергичный предприниматель чуть-чуть оперился, вокруг него стали виться, как осы, проверяющие пиджаки всех мастей и братки в спортивных костюмах. Желая расширить своё производство, В. Николаев неосмотри-

тельно взял в долг приличную сумму у частного кредитора. Минул срок возврата и сразу же бешено затикали часы, умножающие задолженность. Парень повесился. Семья осталась без кормильца.

Однажды случай свел меня с димитровградским предпринимателем Василием Сентягаевым. В его небольшом и невзрачном кабинете я увидел целый иконостас, подсвеченный лампадой и восковыми свечами. Василий перехватил мой удивленный взгляд и простодушно признался: «Каждый день молю Бога, чтобы защитил меня от всякой саранчи. На днях пришел налоговый, отстегнул ему. Вчера отстегнул пожарному инспектору. Позавчера – санэпиднадзору. Иногда приходится заносить прямо в мэрию».

Не стал спрашивать про молитву, защитила ли она его. Но уточнил, а на что он списывает такие траты. «Всё включается в цену, – ответил Сентягаев. – Так что расплачиваются те, кто пользуются моими услугами. И чем жаднее чиновные нахлебники, тем выше цены. Да ещё от этих придурков-рэкетиров приходится отмазываться. Иначе сожгут...

У Василия придорожное кафе. Есть перерабатывающие цехи, сеть продовольственных магазинов в Димитровграде. Но главное для Сентягаева, самое-самое родное, кровное – это несколько сотен гектаров земли у деревни Лесная Васильевка. Там же живописный пруд и весёлые дубравы. Земли здесь не лучшие, зато щедро удобрены потом их владельца. Ведь Сентягаев хоть и ездит на крутой машине, но ладони

его в жестких «яблочках» не от баранки, а от черенка лопа-
ты.

– Решил я всё, что у меня есть, отдать в аренду своим же
работникам, – сказал Василий. – Кафе отдам дочери. Тоже
в аренду. Хватит быть ей принцессой, пусть учится хозяй-
ствовать.

Он так и поступил. А вот животноводческую ферму и во-
доём оставил за собой. Нелогично, казалось бы. Вместо того,
чтобы самый тяжкий хомут накинуть на кого-нибудь друго-
го, он влез в него сам. Почему?

– А потому, что земля – это коренное, всё остальное –
пристяжное, – с присущей ему манерой изъясняться образа-
ми сказал Сентягаев. – Внаём я отдал переработку, торговлю
– всё то, где есть велик соблазн утащить, прикарманить, пе-
репродать. А на условиях аренды только полный идиот пой-
дёт на это.

По словам Сентягаева, арендаторы (а это в основном мо-
лодёжь) удивили всех проснувшейся жаждой к труду, изоб-
ретательностью. Во-первых, стали во всем экономны, уста-
новили где только можно счётчики. Во-вторых, стали рас-
ширять производство. В переработке, к примеру, открыли
новый колбасный цех, исключаящий использование хими-
ческих консервантов и усилителей вкуса.

Дочь Сентягаева, чувствуя себя раньше за спиной от-
ца как у Христа за пазухой и от этого изрядно изленившаяся,
получив в аренду кафе, обретя самостоятельность, запылала

вдруг вулканической энергией.

– Ну а если кто-то вообще захочет отделиться? – спрашиваю В.Сентягаева. – Отпустишь?

– Ради Бога! Сегодня арендатор, завтра – собственник. Не так уж сложно, накопив деньги, выкупить какой-нибудь производственный цех. Это даже в моих интересах. Чем больше собственников в сфере производства, переработки, торговли, тем увереннее будет чувствовать себя каждый из них в компании себе подобных. Не так ли?

Такой вывод Сентягаевым выстрадан. Ведь вокруг него всегда крутились просильщики. Ещё больше – мздоимцев и расхитителей, мелких воришек. Без того, чтобы не сунуть кому-то «барашка в бумажке», хозяйство Сентягаева не просуществовало бы и полгода. Но вечным доброхотом нельзя быть, иначе сам пойдешь по миру. И выход, по Сентягаеву, видится в одном: баланс кормящихся и кормящих должен измениться в пользу последних.

Не поспоришь. Всё-таки с сошками должно быть больше, чем с ложками. А пока что паразиты плодятся во всех щелях. Под лозунгом разгосударствления произошло совсем не то, к чему, якобы, стремились. Чиновный люд умножился, как умножились средства на содержание государственного и управленческого аппарата. Но это ещё полбеды. Бесчестный человек во власти стал всесильным распорядителем бюджета. И в железной связке с потворствующими ему государственными мужами он стал почти неуязвимым. В Ульянов-

ске (и в других городах и весях) стало обычным делом, когда на руководящие должности стали назначаться люди с уголовным прошлым. И объяснение тому нашли интересное: уголовник-то он уголовник, зато креативный, с ним легче работать.

В областном законодательном собрании, где тогда председательствовал бывший ректор сельскохозяйственной академии Борис Иванович Зотов, решили хоть как-то противостоять такому странному подбору управленцев. Из авторитетных людей создали кадровую комиссию, с которой губернатор должен был бы согласовывать очередную кандидатуру на руководящую должность. Эту комиссия просуществовала короткое время, с ней, разумеется, никто не считался. Вскоре её объявили отрывкой совкового прошлого и забыли о ней.

С избранием боевого генерала Владимира Анатольевича Шаманова на пост губернатора в Ульяновскую область хлынули ретивые искатели крупной собственности и чиновничьего счастья из Москвы и Подмосковья. Костяк новой команды составил отряд кинематографистов, сформированный самим Никитой Сергеевичем Михалковым. Вот как распределились роли московских варяг. Сергей Ильинский, близкий друг Михалкова, получил в Ульяновске пост вице-губернатора по продовольствию и торговле. Зять Михалкова, муж его дочери Анны Никитичны, Альберт Баков стал полпредом области при правительстве России. Совет-

ником губернатора стал ещё один друг Михалкова – Михаил Миримский. ОАО «Симбирск-мука» возглавил Сергей Котелевский, родной брат соратника Никиты Михалкова по кинематографическим делам Александра Котелевского.

Наверное, самым анекдотичным назначением в правительстве Шаманова стал Дмитрий Пиорунский – кинопродюсер, заместитель председателя правления союза кинематографистов. Он стал сначала советником Шаманова по экономике, а затем вице-губернатором по экономической политике. Лично мне Дмитрий Александрович Пиорунский запомнился по одному характерному эпизоду.

Администрация области решила использовать очередной профессиональный день журналистов для тесного неформального общения с ульяновским акулами пера и микрофона. Зачинщиком застолья, как я понял, являлся именно Дмитрий Александрович. Он переходил от столика к столику, чокался со всеми, балагурил, травил анекдоты. В общем, вёл себя как хлебосольный остроумный тамада.

Подсев к нам за столик, Пиорунский ни с того ни сего стал рассказывать о происхождении своей фамилии. Есть славянский Бог Перун, – просвещал нас Дмитрий Александрович. – Вот его фамилия и произошла от имени этого мифического божества. Так что делайте вывод, какой он чистой воды славянин. Меня, честно говоря, такая этимологическая эквилибристика и рассмешила, и озадачила. Мы давным-давно уже забыли, какого мы роду-племени, и никто из нас вряд

ли так глубоко копается в национальных корнях.

С приходом в область кризис-менеджера Д. Пиорунского началась активная ревизия всей собственности. Сахарный завод, ликероводочный комбинат, завод по производству муки, производство растительного масла, ОАО «Продовольствие» и другие жизнеобеспечивающие предприятия перешли в руки заезжих молодцов. Нужна ли была приватизация? Очевидно, нужна, но не такая, когда её делали побандитски, нахрапом, не подпустив к ней трудовые коллективы.

Многие из той приватизационной команды Шаманова впоследствии оказались в поле зрения прокуратуры. Неведомо куда сгинули Сергей Ильинский, сбежал из области заместитель губернатора по социальным вопросам Валерий Курочка. Дмитрий Пиорунский, как только почувствовал на себе внимание правоохранителей, смылся на пмж в Доминиканскую республику, забыв про свои «славянские корни».

Вакханалия с приватизацией, засилье в управленческих структурах сомнительных личностей здорово подорвало репутацию Шаманова. Вызывало насмешки и его увлечение воскресными ассамблеями на манер петровских времен. Как правило, это происходило в здании областной филармонии или в дворянском зале областной научной библиотеки имени Карамзина.

Желающие приобщиться к местному бомонду покупали благотворительные билеты по о-очень приличной стоимо-

сти и вливались в толпу ульяновской аристократии, неуклюже изображающей великосветский бал. Проходило время, и некоторые участники таких ассамблей переключивались на следственные изоляторы, а затем и в исправительно-трудовые учреждения.

В общем, много огорчительного увидели ульяновцы в деятельности В.А. Шаманова. Он теперь для многих представлялся не отважным генералом, героем чеченской войны, а невольным пособником разграбления госсобственности, странных управленческих манипуляций. Приближались новые выборы. Владимир Анатольевич сначала горячо заявил, что он намерен решительно бороться за место губернатора на очередной срок. Но вскоре, реально оценив свои шансы, он за полгода до выборов снял свою кандидатуру, перебравшись в Москву на должность помощника председателя федерального правительства. Как говорится, мавр сделал своё дело.

В последние годы, к счастью, атмосфера для паразитирующего сословия стала холодать. Всё чаще и чаще происходят аресты зарвавшихся взяточников, растратчиков, расхитителей бюджетных средств. Только вот наши СМИ, повторяя лексику официальных пресс-релизов, преподносят эти факты в каких-то мутных словесных обертках. Крупные хищения в их толковании превращаются в «нецелевое использование средств», использование внаглую служебного положения в личных корыстных целях преподносится как все-

го-навсего «конфликт интересов».

Государство, как саморегулирующийся механизм, всегда чутко, хотя и запоздало, реагирует на опасность. И то, что в последнее время действительно усилилась борьба с коррупцией, продажностью и разложением управленческих структур, является скорее всего проявлением инстинкта самосохранения, а не осознанной программой оздоровления общества. А это возможно только через полное возвращение к созидательному труду.

Так что Василий Сентягаев, по-крестьянски чувствующий простой смысл нашего житья-бытья, наверное, прав в том, что баланс кормящихся и кормящих в здоровом обществе должен измениться в пользу последних. Что собственник должен цениться и оберегаться прежде всего, как производитель, а не как рантье, живущий на нетрудовых доходах. Корреспонденция под заголовком «Диалектика фермера Сентягаева», в которой я воссоздал его рассуждения, в редакции «Российской газеты» не залежалась.

XXX

В середине 1994 года председатель ГТРК «Волга» Юрий Наумович Гражданцев предложил пойти к нему заместителем по радиовещанию. Прежде чем дать согласие, решил переговорить с моим московским начальством. В редакции посоветовали интересный вариант – посидеть на двух стульях:

перейти в ГТРК на предложенную должность и одновременно остаться на полставки как собкор «Российской газеты». Меня это устраивало по одной простой причине. Если не заладится дело на новой работе, я всегда смогу вернуться в газету.

Ко времени моего прихода ГТРК «Волга», как и другие региональные кампании, изменила свой статус. Если раньше она существовала как областной комитет по телевидению и радиовещанию и входила в структуру Гостелерадио, то с 1993 года после разгона Верховного Совета РСФСР была создана Федеральная служба по телевидению и радиовещанию, куда вошли все региональные кампании. Руководителем ФСТР стал Валентин Валентинович Лазуткин. На его плечи взвалилась вся работа, связанная с развитием телевидения и радиовещания в постсоветских политических и экономических условиях, лицензированием новых телеканалов и радиостанций.

О деятельности Лазуткина мои новые коллеги отзывались с большим уважением. Очевидно, это связано и с бесперебойным финансовым обеспечением региональных ГТРК. В годы, когда повсеместно задерживались пенсионные выплаты, заработная плата, коллективы ГТРК не знали никаких бед. Бывало, помимо зарплаты, сотрудники получали премиальные до двух раз в месяц. Не знаю, чья это была заслуга, скорее всего В.В. Лазуткина, финансирование региональных ГТРК ежегодно вписывалось отдельной строкой в общий фе-

деральный бюджет. И никто, пожалуй, не мог отщипнуть от адресного финансирования, деньги полностью доходили по назначению. Такая легкая жизнь прекратилась сразу же, как только региональные ГТРК вошли в состав ВГТРК в качестве её филиалов, не имеющих юридического лица.

Председатель ГТРК «Волга» (впоследствии директор) Ю.Н. Гражданцев был профессиональным журналистом, работал и в газете, и на радио, и на телевидении. И очень гордился тем, что за его спиной была трудовая рабочая молодость. Нередко, прилично заложив за воротник, он мог часами рассказывать, как рубил уголёк в карагандинской шахте, как прыгал с парашютом и чуть при этом не разбился, как не раз и не два брал интервью у секретаря парткома Карагандинского металлургического комбината Нурсултана Назарбаева.

У него были яркие благодарные воспоминания и о своих коллегах. Иногда, понизив голос до приглушенного шёпота, он сочувственно говорил: к сожалению, здесь, в Ульяновской ГТРК, многим вообще не знакомы муки творчества. Позже, когда ближе узнал коллектив, я понял, почему так говорил председатель. И в то же время, я готов был с ним не согласиться. Среди журналистов ГТРК было немало талантливых людей. Когда-то здесь работали большой поэт, лауреат Государственной премии СССР Николай Благов, поэт-сатирик Григорий Медведовской, очеркист и замечательный рассказчик Николай Романов, публицист Александр Урюпин.

Понятное дело, эфир делался не только их руками. Вспышки ярких теле- и радиопередач происходили на сером и бессмысленном фоне. Вот почему Гражданцев потребовал от меня, как от своего заместителя, расшевелить журналистов, вдохнуть в них кураж. Но... нелегкая эта работа – из болота тащить бегемота.

С самого начала столкнулся с весьма необычной тематической направленностью. То, что из передачи в передачу шли отчёты о выходах губернатора со своей челядью в народ, с этим ещё можно было смириться. Освещение деятельности местных органов власти было нашей обязанностью. Но почему постоянно идут длиннющие сюжеты о детсадовских утренниках, выпускных вечерах, серебряных и золотых свадьбах и так далее. Такие программы, не несущие никакой общественно значимой информации, стал браковать. Это вызывало недовольство некоторых сотрудников, привыкших считать радио своей вотчиной и часто записывающих эфиры со своими знакомыми и даже родственниками – врачами, учителями, воспитателями.

На моё счастье, в редакцию радио пришло пополнение из молодых журналистов, которые подхватили требование актуальности и критичности, разнообразия тематики передач. Особенно выделялись Ирина Колоткова, Владимир Коршунов, Ахат Сайфиев, ставшие впоследствии заметными фигурами в ульяновских СМИ. Неплохо проявило себя и следующее пополнение – Светлана Дубровина, Наталья Козина,

Владислав Витковский, Евгений Слюняев, Александр Филатов...

Ульяновскому радио повезло с дикторами. Голос Валентины Протасовой, ученицы самого Юрия Левитана, настолько вжился в сознание радиослушателей, что во время её очередного законного отпуска раздавались звонки с требованием немедленно вернуть Протасову в эфир. Валентина Владимировна, спокойный уравновешенный человек, вносила в коллектив радио какое-то умиротворение и просветленность. Я не один раз пытался оформить документы на её награждение. Но она категорически отвергала эти попытки, считая, что для неё самая высокая награда – это общение с людьми через радиоэфир.

Труднее было со старожилками. Они отчаянно отстаивали свое право работать по-прежнему. По-прежнему – значит бить поклоны чиновничеству, делать сусальные передачи о юбилеях и празднествах, корпоративных торжествах. Однажды я всё-таки «дожал» одну из ведущих утренней программы Ларису Ш., заставив сделать критический сюжет на коммунальную тему. Вроде бы получилась неплохая передача. А вот концовка, где автор со вздохом говорит, что «надежда умирает последней», смазала весь её труд. Эта шаблонная фраза, которую часто использовали в конце сюжетов, была вершиной аналитической мысли некоторых журналистов.

В повседневной круговерти нередко возникал форс-мажор. Приходит человек в студию на интервью, а под рукой ни

одного журналиста. Приходилось (и я это делал с удовольствием) самому садиться к микрофону и вести диалог с гостем студии.

Так было с Владиславом Александровичем Третьяком – прославленным хоккейным вратарем, многократным победителем мировых чемпионатов и олимпийских игр. В.А. Третьяк не раз избирался депутатом Госдумы от Ульяновской области и общение со своими избирателями через СМИ он считал обязательным и полезным делом.

В очередном радиоинтервью невольно зашла речь о состоянии нашего хоккея. Далеко не все поклонники этого вида спорта воспринимали игровой стиль наших хоккеистов, перенявших от заокеанских соперников тактику «бури и натиска». Все мы хорошо знаем, что сборная СССР в семидесятые года прошлого столетия успешно громила канадцев благодаря изящной комбинационной игре, сочетанию индивидуального мастерства и командного взаимодействия.

Памятуя о том, что В.А. Третьяк является президентом Федерации хоккея России, я спросил, как он сам относится к тому, что наши ледовые рыцари предпочитают теперь силовой, а не гроссмейстерский стиль игры. Не в этом ли причина неожиданных поражений нашей сборной на чемпионатах мира?

Владислав Александрович мгновенно (вратарская реакция!) подхватил эту мысль. Совершенно верно, сказал он, это наша недооценка прошлого опыта. Я не стал в эфире

развивать такое направление нашего разговора. Иначе пришлось бы задать следующий, уже неприятный для собеседника, вопрос: почему же он, как президент федерации хоккея не пытается повлиять на состояние нынешнего хоккея с шайбой в России? Иначе пришлось бы вообще говорить о подражательстве и копировании всего западного, перед которым уже с горбачевских времен насаждалось слепое фетишное преклонение.

Думается, что В. А. Третьяк, как гибкий и умудренный человек, возникни вдруг такой разговор, нашёл бы что ответить. Насколько это было бы искренне – это другое дело.

Меня всегда обескураживал один нюанс. Зачастую люди перед микрофоном в студии и за её пределами оказывались как бы разными личностями. Эта раздвоенность выражалась в их суждениях публичных и кулуарных. На публику – одно. Наедине – другое, да ещё и шепотом.

Исключением из этого нехорошего правила стала певица Марина Девятова – дочь известного эстрадного маэстро Владимира Девятова. Она приехала со своим коллективом в Ульяновск, чтобы дать большой гастрольный концерт. Приглашение на радио приняла охотно и даже с благодарностью. Зная о её репертуаре, о влечении к народным задушевым мотивам, я предложил стержнем интервью сделать именно эту тему – тему судьбы русской песни.

Марина Владимировна согласилась с тем, что российская эстрада, начиная с 80-х годов, начала терять своё своеобраз-

зие, стала обретать совсем другое, не свойственное ей звучание. А самое главное, обесмысливалась сама песня, её содержанием стали какие-то зулусские междометия и судорожная мимика. Но и это ещё не всё! Появились певцы и целые вокальные коллективы, которые стали калечить русскую песню. Всем известная Надежда Бабкина привнесла в спокойный лиричный народный вокал ярость и крик. «Орученье» стала для ангажированных музыкальных критиков высшим мериллом эстрадного таланта.

Девятова в своем интервью поддержала и развила такие оценки. Судя по её отдельным репликам, в артистическом сообществе с некоторых пор существует раскол именно по этому признаку – отношению к благородным традициям национального эстрадного вокала. Целый пласт современных исполнителей языком своих песен сделали английский или французский. А тематика самих песен сдвинулась к воспеванию сибаритства, гедонизма, ко всему тому, что составляет пустой смысл жизни человека, не обремененного трудом.

И вот такая эстрада оказалась самой востребованной и очень щедро вознаграждаемой. Потому что потребителями такого квазиискусства стала армия нуворишей, способных оплатить любую примитивную прихоть. Именно для них гимном стала песня «Рюмка водки на столе» в исполнении небесталанного певца Георгия Лепса.

Интервью Марины Девятовой неожиданно для радиослушателей и для меня самого закончилось признанием певицы,

что она собирается стать мамой. Причем срок беременности подходил к семи месяцам.

– Но у вас впереди продолжительные концерты в городах Поволжья. Как вы всё это вынесете, не лучше ли отменить гастроль? – спросил я Марину Владимировну.

– У меня коллектив. Им нужно кормиться, кормить свои семьи. И у меня перед моими коллегами такие же обязательства, как и у них передо мной. Ничего, справимся...

Надо сказать, справилась на отлично, не делая никаких скидок на свое «интересное положение». Вот почему-то давнее интервью так крепко запомнилось мне. Я увидел в популярной певице не какие-то гламурные черты, не отражение звездности, а человека нелегкого терпеливого труда.

На удивление телевизионные тусовки примадонн, императриц и королев российской эстрады собирали у экранов довольно многочисленных поклонников. Очевидно, зрителей привлекали не только песни, но и сам антураж телевизионных сборищ. В обстановке светскости теледивы перемысливали друг другу косточки и также друг друга обильно восхваляли, не жалея слов превосходной степени. Такие гламурные междусобойчики выдавались за волшебный праздник песни, и зрители, жаждущие любых зрелищ, кроме скучных, жадно всё это заглатывали.

Пусть на местном уровне, пусть с провинциальным привкусом, но обязательно нужно было что-то противопоставить этому расплзающемуся культурному мракобесию. То-

гда я завел на ульяновском радио рубрики «Песня – душа народа», «Песня остаётся с человеком» и «Песни из любимых кинофильмов». Три цикла моих авторских передач начали звучать в эфире с 2012 года, вызвав широкий благодарный отклик.

Их архива областного радио с помощью замечательно-го звукорежиссера Светланы Дубровиной извлекали лучшие народные песни, популярные произведения советской и российской эстрады, рассказывали об истории их создания, воспроизводили в разных вариантах исполнения. Честно говоря, я даже не ожидал, что эти музыкальные проекты так полюбятся нашим слушателям. Убедился, что в своей программной политике нужно опираться не на мещанские вкусы и пристрастия, а на запросы людей, понимающих и ценящих настоящее искусство, подлинную культуру. Эти передачи широко разошлись в интернете и до сих пор пользуются популярностью у слушателей.

Некоторое время спустя, я к своему удовольствию увидел, что на центральных телеканалах стали появляться одна за другой музыкальные программы, которые в названиях повторяли наши передачи – ульяновские. На канале «Россия» известный ведущий скандальных телешоу Малахов стал вдруг собирать в студии исполнителей народной песни. На канале «Культура» вспомнили о замечательных песнях, вышедших в народ из художественных кинофильмов. О песнях, которые на долгие годы остались с человеком,

стали делать передачи на популярном телеканале ОТР.

Не тешу себя мыслью, что ульяновское радио первым проторило тропку в этом направлении. Видно, объективно пришла пора возврата к истинным эстетическим ценностям, к уважению народного искусства, пропаганде его лучших произведений.

XXX

Взаимоотношения власти и журналистики для меня никогда не было особой загадкой. В советское время подчинённость прессы партийным установкам никто и не скрывал. Напротив, в программных документах всячески подчёркивалась важнейшая роль СМИ в пропаганде социалистических идеалов, воспитании человека будущего. Но как исстари повелось на Руси, у нас, чего не коснись, всегда путали Отечество с его высокопревосходительством.

Газеты, журналы советской поры нередко обслуживали не столько светлые декларируемые цели, сколько властолюбивые потребности конкретных личностей. Журналисты, прирождённые держать нос по ветру, в этом деле проявляли себя особенно ярко. Когда на заре горбачевской перестройки заявили о гласности, сразу возник вопрос, насколько свободной должна быть пресса, чтобы сполна обеспечивать требование гласности, широкого доступа к общественно значимой информации.

Сгоряча хватив глоток свободы, СМИ быстро скатились на тропу жёлтой прессы. Это понятие – жёлтая пресса – советским людям было знакомо лишь по пропагандистским клише. И вот теперь все воочию увидели, что это значит и из чего это делается. Как ни странно, виртуозами жёлтой прессы стали молодежные газеты – «Московский комсомолец», уже тогда редактируемый П. Гусевым, и «Комсомольская правда».

Чтобы привлечь читателей и поднять подписной тираж, эти издания целые полосы отводили описаниям пожаров, семейных ссор, жестоких убийств, изнасилований, мужеложства и скотоложства. «Комсомольская правда» однажды оповестила своих читателей, что она готовит необыкновенную акцию о публичном соитии женщины с жеребцом. Где и как это произойдет, газета обещала подробно рассказать в ближайшем номере.

Помню хорошо, как на одном всероссийском мероприятии, посвящённом современным СМИ, Егор Владимирович Яковлев, широко известный в то время как прогрессивный демократический журналист, вдруг заявил в коротком интервью следующее: (цитирую по памяти) печатная пресса и электронные СМИ должны быть в России в руках государства. И это сказал человек, который редактировал независимый еженедельник «Московские новости», затем создал частную «Общую газету» и частный издательский дом «Коммерсант».

Скандальное для того времени высказывание Егора Яковлева затёрли, замяли, как будто его и не было. Позднее я пытался найти в интернете следы того интервью. Бесплезно! Так что же так решительно повлияло на взгляды Егора Владимировича по поводу свободных от государственной опеки СМИ? Может быть, он разглядел в таких СМИ самую гнусную изнанку их свободы? Вместо мировоззренческих терпеливых дискуссий, доказательных разоблачений мрачных сторон нашей жизни – политические подлости. Вместо правдивого отражения общественных коллизий – заказные лживые статьи, сбивающие с ног своих противников.

Обилие «джинсы» (заказные проплаченные материалы) шло под гарниром светских сплетен, чернухи и желтухи, чтобы читающий обыватель не заскучал. Думается, Егор Яковлев не такой видел свободу слова. И не такой он видел их финансовую независимость. Рекламная деятельность изданий не обеспечивала хотя бы более-менее сносную жизнь их сотрудников. Приходилось искать финансовых патронов, которые диктовали редакционную политику исключительно в своих интересах.

Не это ли всё в совокупности послужило причиной эволюции взглядов мэтра российской журналистики на её независимый статус? Не исключено, что глубокое знание теоретического наследия Ленина подвело Егора Владимировича к неизбежному признанию, что «буржуазная свобода печати это есть свобода богатых людей покупать газеты и созда-

вать нужное общественное мнение. А общественное мнение создается таким образом, что трудящийся ежечасно и ежедневно воспроизводит своё скотское состояние и еще благодарит своего хозяина».

Мне пришлось увидеть и пережить, как на периферии, а не в столичном омуте, развивалась журналистика в постсоветский период. Срабатывали те же закономерности, только выражались они в более глупой, более уродливой форме.

В редакцию «Российской газеты» пришло письмо читателя из Ульяновска В. Мухитова. Он пишет: Областная газета «Симбирские губернские ведомости» беспощадно громит на своих страницах взяточников, бюрократов, хапуг и казнокрадов, в том числе губернатора и его сыновей. В связи с этим вызывает удивление, почему ни следственные органы МВД, ни прокуратура не возбуждают уголовные дела против семьи Горячева Ю.Ф. и позволяют ей безнаказанно творить свои авантюры?

Действительно, «Симбирские губернские ведомости», возникшие на останках газеты «Ульяновский комсомолец», с некоторых пор стали «утюжить» недавнего своего покровителя губернатора Юрия Фроловича Горячева. Критические материалы о нём шли из номера в номер в сопровождении броских, под огромными заголовками, заметок об утопленниках, зацементированном трупе, ободранной каким-то животёром кошке, о чуде-унитазе и так далее...

Однажды эта газета, видимо, для того, чтобы оживить об-

становочку, опубликовала заявление редколлегии под заголовком «Нас не запугать ни судами, ни киллерами». В этом заявлении, между прочим, сообщалось, что на жизнь главного редактора газеты А.А. Габрелянова готовится покушение. Редакция «Российской газеты», уже наслышанная об этой личности, поручила мне разобраться, что за фарс разыгрывается в славном городе Ульяновске.

Габрелянова, этого шустрого молодца с ярко выраженной кавказской внешностью, я узнал, когда работал собкором «Правды» по Средней Волге. Арам Ашотович, а тогда просто Арам, трудился в газете «Ульяновский комсомолец», заполняя её страницы бесцветными заметками о трудовых подвигах комсомольцев, тимуровском движении, ну и, разумеется, о социалистическом соревновании. Одну из своих заметок он предложил мне для публикации в «Правде».

В то время некоторые местные журналисты стремились как-то отметиться в центральной прессе. И желание молодого газетчика заявить о себе, своих амбициях мне было понятно. Его заметку я старательно выправил, и она была опубликована. Вскоре после ГКЧП, когда выпуск «Правды» и других газет был приостановлен, Габрелянов потерял всякий интерес к дальнейшему сотрудничеству. За очередной публичной схваткой «Симбирских губернских ведомостей» с губернатором с интересом наблюдали лишь местное чиновничество да скучающие обыватели. Большинству же других читателей периодики было, грубо говоря, наплевать

на все эти перебранки. Память, хоть она и короткая, не подвела здравомыслящих земляков Ленина. Они не забыли, как и на чьи деньги создавались «Симбирские губернские ведомости», о чём писала это газета три-четыре года назад и о чём пишет сейчас. Когда всё это сопоставишь, то перестаёшь верить в классовую природу бескомпромиссной оппозиции «СГВ» к губернатору и его методам управления областью.

Губернатора Юрия Горячева безо всякой натяжки можно назвать крестным отцом «Симбирских губернских ведомостей». Становлению нового издания он помогал с подобающей солидностью, не жалея бюджетных денег. Арам Габрелянов, выпускник журфака МГУ, стал не то чтобы правой рукой Юрия Фроловича, но очень и очень доверенным его человеком. Газета беззастенчиво курила фимиам «народному губернатору», восхваляя его со всех ракурсов. В желании угодить своему патрону Арам Габрелянов назвал открытый им тогда же детский иллюстрированный журнал «Серёжкой» – по имени любимого губернаторского внука.

Не знаю, как воспринимал эти жесты сам Горячев, но, очевидно, не без удовольствия. Иначе не отдал бы задаром во владение журналу «Серёжка» почти готовое к эксплуатации здание, предназначенное для городской школы искусств. Венцом союза губернатора и редактора «СГВ» стало создание коммерческой телевизионной компании, на что были потрачены немалые бюджетные и принудительно спонсорские средства.

С созданием губернского телеканала пропагандистская шумиха об успешной деятельности команды Горячева приняла тотальный характер. При этом сохранялась видимость независимости суждений, так как и газета, и телеканал формально являлись неподотчётными местной власти.

В принципе то, что губернатор предпринял всё для сближения со СМИ, понять и объяснить можно. Когда нет прямых административных рычагов воздействия на них, приходится искать другой язык – язык понимания общей достойной цели, общих социальных задач. Но можно, конечно, заслужить хорошее расположение СМИ и по-другому, создавая им режим наибольшего благоприятствования, попросту говоря, сытно прикармливая их.

Габреляновские газета и телеканал, надо признать, добросовестно отработывали свою кормушку. С выдумкой и не без азарта отбивали атаки на главу администрации, которых хватало и в местной, и в московской прессе. Горячева обвиняли в неэффективности управления областью, разных злоупотреблениях, пьянстве. Вот этим утверждениям, надо сказать, небезосновательным, активно и даже зло противодействовала габреляновская газета.

И вдруг... Именно вдруг, почти в одночасье, «СГВ» из прогубернаторских стали антигубернаторскими. То, чему газета возражала вчера, сегодня стало главным её основным содержанием. Редкий номер обходился без разоблачений «горячевского семейного клана», приближенных к нему лиц.

Так что же стало причиной такой моментальной газетной метаморфозы?

Было бы наивно искать её в идеологических или нравственных расхождениях бывших подельников. И то и другое обоим персонажам незнакомо. Их как раз сближало отсутствие каких-либо твёрдых убеждений и бешеное желание занять своё место под солнцем. Всё проще. Обычная бытовая ссора (о чём в Ульяновске не слышал только глухой) между Арамом Габреляновым и сыном губернатора Олегом Горячевым стала толчком к их вражде.

В старые рыцарские времена такие отношения выяснялись бы на дуэльных пистолетах. Но теперь, как видно, принято устраивать личные разборки публично с использованием газетной артиллерии и телевизионного «града», выставя свою мишень как общественно опасную. Любопытно, что детский иллюстрированный журнал после той ссоры перестал быть «Сережкой». Арам Габрелянов переименовал его в «Арбуз». А здание, в котором размещался журнал, он, между прочим, очень выгодно продал – под коммерческие магазины.

Вообще эта история должна бы стать предметом уголовного расследования, а не журналистского любопытства. Налицо злоупотребление служебным положением в личных целях, использование бюджетных средств для подкупа представителей «четвёртой власти». Но в той социальной и экономической кутерьме никому не было дела до того, что

вытворяли губернаторы и политиканствующие журналисты. Арам Ашотович ульяновский трамплин использовал небес-таланно. Он перебрался в Москву, создал частную корпорацию «Ведомости-Медиа», клонирующую по регионам издания, аналогичные «СГВ». В столице оброс влиятельными связями, стал узнаваем на экранах ТВ как «новый русский».

Статью об этом я написал. И я благодарен, что редакция «Российской газеты» приняла мою трактовку того склочного события, которое долго ещё обсуждали на берегах Волги. После публикации статьи под заголовком «Честь не продаётся. Если она есть» неожиданно позвонили от Горячева и сказали, что он хотел бы со мной встретиться. У меня никогда не было с Юрием Фроловичем тёплых объятий, но и открытой «холодной войны» он в отношении ко мне не допускал. Как я уже говорил, мужик он был тёртый, с хитрецей, умел давить на журналистов опосредованно, через своих угодливых людей.

Мы говорили с ним около часа. И я не мог понять, для чего он пригласил меня. О статье, в которой он был показан далеко не в лучшем виде, Юрий Фролович даже не обмолвился. Говорил о трудностях, в которых пребывает область, о коварстве и лицемерии своих подчиненных. Неожиданно сказал: в его пресс-службе сидел человек, который регулярно писал анонимки на губернатора.

– И как же вы его вычислили?

– Чекисты помогли. По почерку узнали.

– Выгнали его?

– Не успел. Ваш Гражданцев взял его к себе – на ГТРК.

Я не стал уточнять фамилию, догадался сам, о ком идет речь. Хотя, честно говоря, не хотелось верить в такую информацию. Она могла быть и лживой.

В конце встречи Ю.Ф. Горячев сказал то, ради чего он затевал наш разговор: через полгода выборы губернатора и он выдвигает свою кандидатуру. Буду ли я мешать ему своими публикациями в «Российской газете»? Ответил ему как на духу: во время выборов я нейтральный. Считаю постыдным для журналиста подыгрывать тому или иному кандидату, используя федеральную правительственную газету. И законом это запрещено. Такой ответ удовлетворил Горячева. Мы расстались, крепко пожав друг другу руку.

Выборы Ю.Ф. Горячев, как и ожидалось, проиграл. В его кабинет въехал (считай на белом коне) генерал Шаманов со своей командой. И она начала действовать так, что прошлые горячевские причуды всем показались детским лепетом. И никто не удивился (по-моему, даже сам Шаманов), что на следующих выборах ему пришлось уступить место мэру г. Димитровграда Сергею Ивановичу Морозову – человеку в то время довольно незаметному, связанному с самарской финансово-промышленной группой «СОК».

Восхождение С.И. Морозова к губернаторству можно назвать детективом. Хотя некоторые политологи подобные примеры карьерного роста расценивают как свидетельство демократических социальных лифтов: был никем, а стал всем! Свою трудовую жизнь Сергей Иванович после службы в армии начал милиционером-водителем спецмашины медвытрезвителя. Потихоньку-полегоньку дорос до должности начальника отдела по борьбе с оборотом наркотиков. А затем его назначили начальником управления внутренних дел г. Димитровграда.

Не известно по какой причине его вдруг отстранили от должности. Моя жена Елена в то время работала в управлении кадров Ульяновского УВД, куда Сергей Иванович пришел оформлять документы на увольнение. Как она вспоминает, он был страшно подавлен. «Я не представляю себя вне службы, – говорил будущий губернатор. – Вся моя жизнь в милицейских погонах, ума не приложу, как жить дальше».

Но оказалось не всё так мрачно. Бывшие сослуживцы помогли ему устроиться начальником охраны Димитровградского автоагрегатного завода, входящего в то время в Самарский промышленно-финансовый холдинг «Сок». У руководства этого холдинга были заветные планы на расширение своего влияния в российских регионах. Ульяновская область, очевидно, в эти планы тоже входила. Дело оставалось за малым – продвинуть в руководство областью своего человека. На очередных выборах мэра Димитровграда победил

именно он – Морозов. А через четыре года его избрали губернатором. С трудом, во втором туре, но избрали.

Это позднее в Кремле всерьёз озаботились комплексной программой подготовки управленческих кадров. А тогда в губернаторы выныривали люди, можно сказать, ниоткуда. Наверное, явление губернатора С.И. Морозова народу Ульяновской области можно назвать библейским чудом. Человек, не обладающий ни соответствующими знаниями, ни достаточным опытом хозяйственной и управленческой работы становится первым лицом области.

Буквально с первых дней С.И. Морозов стал налаживать контакт со СМИ. Как помню, он производил на журналистскую братию хорошее впечатление. В меру разговорчив, скромен, в неприятных для него ситуациях сдержан. Но это обаяние свежее испеченного «государственного мужа» длилось недолго. Губернатора стали узнавать по его делам. После короткого выжидания, чтобы не сразу бросалось в глаза, началось массивное внедрение ФПП «СОК» в Ульяновскую область. В новое руководство областью был высажен целый десант из Самары от СОКа. Представителем от исполнительной власти региона в Совет Федерации РФ был выдвинут вице-президент СОКа Рустем Шиянов (позже объявленный в федеральный розыск).

В пользу близких к СОКу организаций и граждан перераспределялись областная собственность, земельные участки, передавались контракты на ремонт и строительство

дорог. Подрядчик строительства моста через Волгу ОАО «БСК» был заменен СОКовским «Волгомостом» и удорожание строительства сразу выросло на 14 миллиардов рублей.

Всё это теперь в прошлом. От СОКа, изначально заква-
шенного на криминале, остались одни воспоминания. Губер-
натор Морозов теперь уже не губернатор, но следы его дея-
тельности, как грязные отпечатки на снегу, ещё режут глаза.
Самое ущербное, что осталось от него, это потеря доверия
людей к представителям власти, разочарование в её способ-
ности работать для людей, а не ради себя.

С приходом Морозова на губернаторство (впрочем, как и
до него) в управленческие и законодательные структуры по-
током хлынули родственники, дамы сердца, сослуживцы по
прежней работе... Фаворитизм, который, как нам казалось,
остался в далёкой истории, в новой России обрел кадровый
статус. Это стало называться «подбором своей команды».

Команда подбиралась так, чтобы была стопроцентная по-
рука, чтобы никто так просто не вошел и не выскочил из неё.
Подражая Москве, губернатор создал при себе Совет Без-
опасности. Секретарем этого пародийного Совбеза назначил
налогового клерка Владимира М. – родного брата областно-
го прокурора. И у главного охранителя законности на улья-
новской земле сразу оказались руки связанными. Но нет, в
отставку он не подал и через какое-то время, после увольне-
ния из органов прокуратуры, был избран председателем об-
ластного законодательного собрания.

Писала ли обо всём об этом местная пресса? Упаси боже! Даже намёки на эту тему пресекались. Мой товарищ журналист Владимир Миронов пытался издавать журнал «Сибирская язва», где критиковал морозовские порядки. И что? Задавили его различными проверками. От дальнейшего выпуска журнала ему пришлось отказаться и уйти в тень.

Чтобы другие СМИ не помышляли о какой-то критике главных персонажей местной власти, стали использовать «пряники» в виде грантов. Получил такой грант на тематические освещения и, будь добр, не топорщись, иначе на следующий год подобного гранта не увидишь. В своей статье «Бойтесь данайцев, гранты приносящих» я постарался показать двусмысленность такой государственной поддержки СМИ и некоммерческих организаций.

Что касается представителей федеральных СМИ в регионе, их лояльности, то здесь губернатор влиял на них через их руководителей, назначение и увольнение которых так или иначе согласовывалось с ним. После Ю.Н. Гражданцева ГТРК «Волга» руководили люди, далёкие от журналистики и по образованию, и по опыту работы. Пришедший на смену уволенного А. Щербакова Андрей Г-ев, тридцатилетний нижегородец, сын министра культуры тамошнего правительства, чудил ровно год, после чего, в прямом смысле, сбежал из Ульяновска в одночасье, чего-то, видимо, сильно испугавшись.

Тревожное для себя время он пересидел в Нижнем Нов-

городе в кресле заместителя главы одной из районных администраций по коммунальным вопросам. Когда осела вокруг него пыль, этот молодец возник уже в Сибири, в Омске, в качестве директора ГТРК «Иртыш». Сибиряки оказались более терпеливыми, в ГТРК он пробыл чуть ли не три года. Потом коллектив компании «накатал» на него такую «телегу», что его также стремительно, как и из Ульяновска, убрали.

В Ульяновске этого назначенца из ниоткуда помнят до сих пор. Особенно въелась в память его дурацкая манера по-американски класть ноги на стол в рабочем кабинете. И ещё. Он по-детски любил Остапа Бендера – не как литературного героя, а как реального человека, предназначенного для того, чтобы «делать жизнь с кого».

Не везло «Волге» на директоров. Так я думал вначале. А потом убедился, что все кадровые назначения логично вписываются в общую политику телерадиовещания. Московскому руководству было важно иметь на местах послушных, безропотных директоров филиалов. И не дай Бог, если у кого-то обнаружится вирус вольнодумной заразы! Новый директор, женщина уже преклонных лет, в прошлом экскурсовод музейного мемориала имени Ленина, вполне соответствовала этим требованиям.

Увы, с ней приходилось бодаться, чтобы радиоэфир не стал проходным двором для странствующих политтехнологов разных мастей. А когда мои аргументы не убеждали директрису, я просто отказывался подписывать микрофонную

папку. Видимо, в её глазах я представлялся человеком, не понимающим и не разбирающимся в политике. Это слово она произносила с каким-то трепетным благоговением. Когда нужно было объяснить необходимость выхода какого-нибудь тенденциозного или просто никчемного сюжета, директриса поднимала вверх указательный пальчик и полушёпотом выдыхала: «Это – политика...»

Так было в начале 2010-х годов, когда в Ульяновске неведомо по какому решению вознамерились создать перевалочный центр НАТО для транспортировки грузов для натовских вооружённых контингентов. Причём за необходимость иметь в Ульяновске такую базу ратовал заместитель премьер-министра РФ Дмитрий Рогозин, некогда представлявший Россию в штаб-квартире организации североатлантического договора. В Ульяновске против такого намерения поднялась волна митингов и пикетов.

На радио мы успели дать несколько сообщений о таком массовом общественном протесте. И вот тут появилась директриса с поднятым пальчиком и испуганным возгласом: никакой информации о пикетах, это – политика! Пришлось нам замолчать...

Всё зримее становилось расхождение между декларациями о достигнутых экономических и социальных успехах и реальным состоянием дел. Почти на сто тысяч человек сократилось население Ульяновской области за первую пятилетку (2004 – 2009) губернаторства С.И. Морозова. При

этом уменьшение численности шло в 2-3 раза быстрее, чем в среднем по стране. Это был интегральный показатель депрессивности региона.

Молодежь бежала из замечательного в общем-то города в Москву, Петербург, соседние Самару и Казань, чтобы найти работу с достойной оплатой труда. А навстречу двигался другой ручеек, состоящий из людей, приглашенных властью области на чиновничьи должности. Причем такие должности, которые связаны с освоением бюджетных денег, приватизацией, здравоохранением, городской застройкой.

Однажды, гуляя по Венцу (привлекательный бульвар над Волгой), я встретил знакомого мне чиновника из мэрии по фамилии Тихонов. Этот человек в администрации возглавлял отдел по благоустройству города. Невольно зашла речь о культуре городского быта, запущенном состоянии отдаленных микрорайонов, антисанитарии. Мой собеседник, почувствовав в моём разговоре критический настрой, с вызовом сказал: «У нас сейчас демократия. Кому не нравится в Ульяновске, может ехать в другой город. Никто не будет препятствовать».

Этот демократ, кстати, без осложнений доработал да пенсии и получил как муниципальный служащий пенсионное содержание, значительно превышавшее пенсию учителя, заводского квалифицированного рабочего, сельского механизатора.

Местные СМИ обо всём этом, конечно, пытались писать.

Но из них потихоньку вытравливали критическое восприятие, выдавливая из редакций наиболее острые, бескомпромиссные перья. Вместо авторских журналистских материалов публичное пространство заполняли правительственные и ведомственные пресс-релизы, представляющие безудержные акафисты. Восхвалялись креативные инициативы губернатора. То он провозглашал Ульяновск культурной столицей мира, то раскручивал Ульяновск как родину колобка, то провозглашал город авиационный столицей.

Насмешки и недоумение вызвала его инициатива об утверждении в ульяновском календаре Дня Патриота. В этот день мать, первой родившая ребенка, награждалась особо ценным подарком – новым автомобилем «УАЗ Патриот». От этого губернаторского креатива веяло каким-то детством, инфантильностью, если не сказать грубее. И эту чепуху охотно подхватывали его подчиненные. Районы области тоже стали называть столицами. Пирожковая. Блинная. Рыбная. Огуречная. Грибная... А потом появился ещё один праздник – День зачатия – день, когда молодые родители рассчитывали срок рождения своего ребёнка аккуратно ко Дню патриота. Руководителям организаций даже было рекомендовано в этот день отпускать сотрудников домой пораньше, чтобы они могли заняться зачатием.

В очередной раз Сергей Иванович Морозов выступил с эпохальным заявлением о том, что недалёк тот день, когда Ульяновск свяжет с Москвой струнный транспорт. Работы

уже ведутся. Это позволит, сказал губернатор, преодолевать расстояние до столицы с невероятно быстрой скоростью. Когда мне принесли на вычитку выпуск новостей, где лежало сообщение об этой инициативе, я решил подстраховаться и позвонил одному из заместителей губернатора, отвечающему как раз за транспорт. Спросил: вы лично как всё это воспринимаете? Никак, ответил он, за выдумку ведь не наказывают...

Бурные инициативы быстро сдувались, уступая место другим – таким же фантастическим и безумным. Идею струнного транспорта Юницкого сменил план создания в Ульяновске центра дирижаблестроения. Тут же включились непонятно откуда взявшиеся эксперты, доказывающие, что дирижаблестроение станет локомотивом ульяновской экономики и прославит волжский край на весь белый свет.

На радио мы старательно избегали славословий в адрес таких креативщиков и инноваторов. Даже слепому было видно, что за частоколом надуманных инициатив – упадок экономики, разорение промышленности, снижение уровня жизни большинства людей и, как следствие, падение рождаемости. Коллективу радио я постоянно напоминал, что в эфире должна быть жизнь, а не её симуляция. Не тащите в студию начальников с их самоотчётами. Пусть они отвечают за то, что с их помощью или с их молчаливого согласия уродует нашу жизнь.

Правды ради нужно сказать, что некоторые чиновники,

приглашённые на разговор с нашими радиослушателями, самокритично оценивали свою работу, говорили о кричащих проблемах откровенно и остро. Но, увы, они, как правило, долго не задерживались на своем рабочем месте. Не ко двору оказывались...

И вот на этом фоне возникло в нашей жизни интересное явление. Россия по количеству гениальных людей стала выходить не первое место в мире. В Ульяновской области вдруг появились академики, лидеры мировой экономики, гранд-мастера театрального и литературного искусства. Один мой знакомый, человек довольно скромный и незаметный, решением международного совета американского биографического института был признан «Человеком года – 97» за его всеобъемлющие достижения и вклады... В официальном письме на его имя было написано, что для того, чтобы получить соответствующий сертификат, ему требовалось перевести 490 долларов по указанному адресу.

Мой приятель, не растерявший за всю свою суровую жизнь чувство юмора и сдержанной самооценки, воскликнул: «Ага, вот какой вклад имеется в виду! Нет уж, фигурки! Я и сам могу такой конкурс организовать».

Ясно было, что это надувательство. Но надувательство особенное! Оно рассчитано не на жадность, не на глупость, и даже не на доверчивость. Здесь такая специфическая наживка, на которую клюют сознательно и с удовольствием. И вовсе не простаки! Вспомним Пушкина: «Мы все глядим в

Наполеоны, двуногих тварей миллионы...».

Не состоявшийся в свое время кандидат наук, изглоданный до худобы тщеславием, как-то позвонил мне и между делом лениво проронил: «Недавно пролётом заскочил в Лондон, пришлось там выступить с лекцией. Кстати, мне там присвоили международное звание почетного доктора. Поэтому, для прессы это новость...».

«Почетный доктор» известен в Ульяновске как бизнесмен. Но не более. А, впрочем, и это хорошо. Наверняка он уважаем в своем профессиональном кругу. Но ведь узок этот круг. Хочется всенародного признания, почёта, уважения. Пусть даже не к себе – к званию. А звание даётся недешево. Особенно, если оно чистый блеф.

Почетный доктор Лондонской академии – не слабо. Ещё круче быть академиком. В Ульяновске и в других городах умеренной России в девяностых и начале двухтысячных годов академики нарождались как грибы после теплого дождя. Академик академии коммунального хозяйства. Академик академии средств связи. Академик академии новейших экономических исследований...

По поводу экономических исследований и на их основе экономических прорывов в XXI веке можно говорить бесконечно. Поводов к этому масса. Периодически в Ульяновск, Самару, Саранск и другие поволжские города стали приходить сообщения о награждении какого-нибудь полумертвого завода или фабрики международным призом «Золотой фа-

кел Бирмингема» под девизом «Лидеру мировой экономики». Директора одного такого предприятия- лидера, выпускающего линолеум и сантехнические изделия, я прямо спросил: во сколько обошёлся заводу такой приз? Ничего не сказал. Коммерческая тайна!

Другой директор, который действительно талантливо руководит своим коллективом, сказал, как думал: у кого работа не получается, тот надувает щёки. Сколько же среди нас таких – с надутыми щеками? Академиков, которые скоро будут расписываться крестиками? «Человеков года», которых за пределами подъезда их дома никто не знает, а если знает, то по каким-нибудь криминальным историям? Директоров-лидеров, которые все силы кладут на то, чтобы оставить детям и внукам хороший капитал и окончательно гробят свои предприятия? Вот об этом я написал в статье «Оплатите щёчки для поцелуев», которая была опубликована в «Российской газете».

Известно, чем хуже товар, тем бойчее, назойливее его реклама. Рекламирывать же человека, создавать ему публичности, популярность, когда он этого не заслуживает – задача ох какая нелегкая и потому требует повышенного вознаграждения. Тут же появились дельцы, создавшие рынок управления репутацией. Да-да, так это и называется – управление репутацией. Это когда чёрного кобеля отмывают до бела, приписывая ему несуществующие достоинства. И на этом зарабатывают немислимые гонорары различные блоге-

ры, эксперты, аналитики... Зарабатывают на лжи, обмане, внушении всякого вздора.

В моём доме, где я тогда жил со своей семьёй, в соседях был настоящий человек года. Он инженер-электронщик. Мастер, каких не сыскать. Но на тот момент оказался, как многие другие люди, на нищенской зарплате. Его семья кормилась исключительно картошкой и овощами с дачного участка. Чтобы как-то продержаться, он подрабатывал грузчиком в соседнем магазине. Забастовки, стачки, пикеты как средство протеста против такой жизни не признавал. Он верил президенту и правительству. Разве это не «человек года»?

Долго думал, откуда такое самообольщение? Неужели это вечное свойство российского человека? А с другой стороны, навязываемый нам некоторыми современными СМИ искажённый образ жизни, образ мысли, лукавые публичные оценки дают о себе знать, глушат способность трезво осмысливать жизнь. Это нечто вроде анестезии, которая снимает боль от душевных потрясений, создаёт иллюзию здоровья и счастья.

И в заключение – одна из написанных мной сказок.

Как похвальбушки чуть семью не извели

Жила-была одна большая дружная семья. И очень работающая! Всё могла делать. При всём при том в богатстве и роскоши она не купалась, но по праздникам могла собрать

хороший стол и для себя, и для гостей. Главой семьи был Тимофей Иванович. О его трудолюбии знали даже в сопредельных владениях. Но почему-то завидовали не его трудоспособности, не его умению сладить любую вещь, а нажитому семейному добру. «И за что этим лапотникам всё это далось? – кривили свои широкие мокрые рты завистники. – Чем мы хуже?».

И стали они плести интригу вокруг Тимофея Ивановича и его большей семьи. Недоброжелатели, известное дело, на выдумки хитры. Они могут прикинуться друзьями в доску, а сами ножи острые за голенищем держат. И сообразили они вот какой коварный план. Вызнали они, что сыновья Тимофея Ивановича кроме работы ничего не ведают. Ни развлечений, ни потехи никакой, ни слова похвального.

А Тимофей Иванович и в самом деле был скуп на поощрение. Знай себе пашет, как вол, и от детей того же требует. А чтобы похвалить – ни-ни! Не любил он восторга. Не любил бахвальства. Бывало, увидит, как сыновья меряются молодой недюжинной силой и одернет сурово: в хвасте нет сласти!

Вот так и жили они, не ведая, что за дальним морем-океаном, за непроходимыми лесами, за высокими горами волки в овечьей шкуре приготовили для сыновей Тимофея Ивановича каверзу под секретным названием «Похвальбушки». Догадались, идолы, чем взять неокрепшие души. А внушим-ка им, сиволапым, что как раз сласть – в хвасте! И чем боль-

ше фанфаронства, тем меньше смысла. Чем звонче пусто-звонство, тем ничтожнее дело! Вот этим мы их и добьем, рассуздали злыдни.

В самое темечко попали! Сыновья словно заразились этой проклятой болезнью – хвастовством. Срабатывают на копейку, а шум вокруг этого поднимают неописуемый. Выстругает старший сын Василий дугу из березы и бежит к отцу: тятенька, смотри, какую красоту я смастерил. Или горшок, самый обыкновенный, кривобокий, на гончарном круге сляпает и тут же кричит на всю округу: это же шедевр! Никто так не сделает.

И другие братья в самохвальстве старшему не уступают. Из их речи исчезли хорошие умные слова. Остались только одно краснобайство. Гениально! Шедеврально! Неподражаемо! Филигранно! Феноменально! Даже младшенький Мишенька и тот перенял эту манеру. Вытащит из носа козюльку и восторгается что есть мочи: какая гениальная козюлька!

И вот ведь какая хитрая штука. Стали они ещё друг друга восхвалять. Скажет кто-нибудь из них глупость, явную чепуху, все хором начинают реветь: ах как умно, как чувствительно, аж мурашки по коже.

Видит Тимофей Иванович, что всё под гору катится. Сыновья в своём бахвальстве совсем от рук отбились. Ничего не хотят, да уж и не могут делать. Пришлось ему за всех в работе отдуваться. Почернел, похудел настолько, что ка-

залось, щека щёку ест. В общем, ложись и помирай. И лег он в святом углу, под телевизором, на лавку.

День лежит, другой день лежит, а смерть стороной обходит его. Видно, время не пришло ещё... Сыновья же его, порядком изголодавшись без отцовского труда, ретиво принялись за работу. Без шума, без пыли, без лишнего говора. Вот как похвальбушки чуть всю семью не извели со света. Слава Богу, не удалось. Жизнь оказалась сильнее самых хитроумных интриг.

XXX

Завершая свои записки, не могу не сказать хотя бы коротко о своей семье, особенно о жене Елене, ведь именно ей я во многом обязан тому, что состоялся как журналист. Она, как декабристка, с маленькими детьми следовала за моими назначениями, создавала мне бытовые условия, а главное – понимала и поддерживала меня. Сама, являясь по образованию журналистом, она обладает грамотностью и хорошим редакторским вкусом. После 23 лет службы в милиции, она в 46 лет вышла на пенсию в звании подполковника и, можно сказать, вернулась к своей профессии, отработав более 20 лет руководителем пресс-служб крупных организаций. Сыновья Павел и Иван получили юридическое образование, но журналистские гены всё-таки сказываются и у них. Павел издавал два журнала, занимается видеотворчеством. Иван за-

щитил кандидатскую диссертацию по юриспруденции, имеет ряд публикаций в научных изданиях, успешно работает в бизнесе. Конечно, главное моё счастье – во внуках, их четверо от 6 до 16 лет: Георгий, Иван, Фёдор, Лев. Все умные, красивые, с характером. Очень переживаю за них и верю в их достойное будущее.

Вот на этом мои записки завершились. Не раз ловил себя на мысли, а не мрачно ли я смотрю на прожитые годы, на свою профессию, которой отдал всего себя. Не лучше ли всё, что было, нравится оно или не нравится, воспринимать как данность, как неизбежность и относиться к этому с молчаливой благодарностью. Перечитывал Тютчева и остановился на одном из самых мудрых его стихотворений:

Когда дряхлеющие силы

Нам начинают изменять

И мы должны, как старожилы,

Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,

От малодушных укоризн,

От клеветы, от озлоблений
На изменяющуюся жизнь;
От чувства затаённой злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несёт
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней

Сварливый старческий задор.

... Неужели мною двигал в написании этих откровенных записок именно «сварливый старческий задор»? Нет. Мне было важно и сыновьям, и внукам, да и молодым журналистам, которые выбрали для себя эту непростую профессию, показать ту общественную атмосферу, в которой происходили действительно судьбоносные события. И не было в этих событиях никакой предопределённости. Мы сами из века в век бросаем себя из огня да в полымя в мечтаниях о легком счастье. Известный государственный деятель делился на всю страну своими философскими мыслями, о том, что Россией не нужно управлять, её сила будто бы в неуправляемости. Потому как над Россией стоит Бог. Он всё вершит. Но вершит, если поверить этому, через людей. А какие они, эти люди, каждый знает по своей судьбе.

Апрель, 2024 год.

Николай Сенчев.

Тел 8 951 098 44 81 эл. адрес: Senchev_nik1949@mail.ru

Сенчев Николай Васильевич, 1949 г. р. Журналист. Заслуженный работник культуры РФ.